

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 17 № 7 (140) июль 2022

В НОМЕРЕ:

Шахназаров Б. А.

Санкционное право: понятие, предмет, метод, нормативный состав

Барбашова Н. В.

Государство как субъект экологического терроризма: на примере внутригосударственного вооруженного конфликта на Украине

Воронина Н. П.

Устойчивое («зеленое») развитие сельского хозяйства в условиях климатических изменений: правовой опыт России и Индии

LEX RUSSICA

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.
Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).
Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИННИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета, директор Института права БРИКС.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).
Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».
Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.
Почтовый адрес: Рашпилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.

Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права Государственного университета по землеустройству.

Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).

Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа.

Почтовый адрес: пр-т Ленина, д. 32/27, г. Екатеринбург, Россия, 620075.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия.

Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.

Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина.

Почтовый адрес: Соборная ул., д. 23/25, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).

Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кохановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.

Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.
ISSN	1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)
ПЕРИОДИЧНОСТЬ	12 раз в год
УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
АДРЕС РЕДАКЦИИ	Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: aprp.msal@yandex.ru
САЙТ	https://aprp.msal.ru
ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ	Свободная цена Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис» Подписной индекс 11178 Подписка на журнал возможна с любого месяца
ТИПОГРАФИЯ	Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ	Дата выхода в свет 27.07.2022 Объем 21,62 усл. печ. л., формат 60×84/8 Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная
Переводчики	Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова
Редакторы	М. В. Баукина, Е. В. Осикина, С. И. Ершова
Корректор	А. Б. Рыбакова
Компьютерная верстка	Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenka, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Land Law of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Medical Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).

Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.

Mailing address: prosp. Lenina, d. 32/27, Ekaterinburg, Russia, 620075.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.

Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice.

Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.

Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Service and Labour Law of the Povolzhsky Institute of Government named after P.A. Stolypin.

Mailing address: Sobornaya ul., d. 23/25, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).

Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.

Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Acting Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. FS77-25128

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, 125993, Russian Federation

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: aprp.msal@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

27.07.2022
Volume: 21.62 conventional printer's sheets, format 60x84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, S. I. Ershova

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Содержание

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Плоцкая О. А., Сердитова Е. Н.** Обычно-правовое закрепление
права собственности: от родовых знаков к экслибрисам 11

ТЕОРИЯ ПРАВА

- Шаханов В. В.** Стиль юридического мышления как правовой метафеномен 24

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Лещина Э. Л.** Совершенствование научно-теоретических основ
доказывания в производстве по дисциплинарным делам 38

- Степкин С. П.** Проблемы правовой регламентации
и особенности подачи обращений в форме электронного документа 49

БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА И БАНКОВСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Михеева И. Е.** Недобросовестные практики в деятельности банковских экосистем 59

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

- Егорова М. А.** Основные направления правового
регулирующего «зеленого» налогообложения
для целей предпринимательской деятельности:
опыт зарубежных стран 71

- Каменков М. В.** Проблемы инверсивного держания 80

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

- Белозерова К. А.** Влияние практики внедрения цифровых
технологий на трудовую функцию работника
и иные связанные с ней условия трудового договора 91

- Михальская А. О.** Предупреждение об увольнении работника
по инициативе работодателя:
перспективы адаптации зарубежного опыта в России 99

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- Косыгин В. Е.** Уголовная ответственность
за подкуп арбитра (третейского судьи): критический анализ 109

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

- Карпов С. Ю., Шишанова С. С.** Особенности применения методов
математического моделирования в судебной пожарно-технической
экспертизе при исследовании динамики опасных факторов пожара 121

- Богатырев К. М.** Угрозы медиабезопасности
в цифровой среде: систематизация и анализ 136

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Шахназаров Б. А.** Санкционное право:
понятие, предмет, метод, нормативный состав 143
- Аджба Д. Д.** Би- и полипатризм в международном праве 150

ИНТЕГРАЦИОННОЕ ПРАВО

- Гибадуллин Т. Д.** Вопросы, связанные с культурным
наследием, в практике Суда Европейского Союза 158

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

- Барбашова Н. В.** Государство как субъект экологического терроризма:
на примере внутригосударственного вооруженного конфликта на Украине 168
- Воронина Н. П.** Устойчивое («зеленое») развитие сельского хозяйства
в условиях климатических изменений: правовой опыт России и Индии 177

Contents

PAGES OF HISTORY

- Plotskaya O. A., Serditova E. N.** Consolidation of Property Rights
in Customs and Law: From Family Crests and Coats of Arms to Ex-Libris 11

THEORY OF LAW

- Shakhanov V. V.** Legal Thinking Style as a Legal Metaphenomenon 24

PUBLIC ADMINISTRATION AND ADMINISTRATIVE PROCEDURE

- Leshchina E. L.** Improving Scientific and Theoretical
Foundations of Proving in Disciplinary Proceedings 38

- Stepkin S. P.** Problems of Legal Regulation and Peculiarities
of Filing Appeals in the Form of an Electronic Document 49

BANKING SYSTEM AND BANKING ACTIVITY

- Mikheeva I. E.** Unfair Practices in Banking Ecosystems 59

BUSINESS AND CORPORATE LAW

- Egorova M. A.** Main Directions of «Green» Taxation Regulation
for the Business Purposes: Experience of Foreign Countries 71

- Kamenkov M. V.** Problems of Inverse Possession 80

LABOR RELATIONS AND SOCIAL SECURITY

- Belozerova K. A.** The Impact of Digital
Technologies on the Employee's Labor Function
and Other Related Terms of the Employment Contract 91

- Mikhalskaya A. O.** Notice of Termination of Employment
at the Employer's Initiative: Prospects for Adapting Foreign Experience in Russia 99

CRIMINAL LAW

- Kosygin V. E.** Criminal Liability for Bribing
an Arbitrator (Adjudicator): A Critical Analysis 109

CRIMINALISTICS AND CRIMINOLOGY FORENSIC EXAMINATION

- Karpov S. Yu., Shishanova S. S.** Peculiarities of Application
of Mathematical Modeling Methods in Forensic Fire
and Technical Expertise in the Study of the Dynamics of Fire Hazards 121

- Bogatyrev K. M.** Threats to Media Security
in the Digital Environment: Systematization and Analysis 136

INTERNATIONAL LAW

- Shakhnazarov B. A.** Sanctions Law: Concept,
Subject, Method and Regulatory Framework 143
- Adzhba D. D.** Bi- and Polypatrism in International Law 150

INTEGRATION LAW

- Gibadullin T. D.** Issues related to Cultural Heritage
in the Practice of the Court of Justice of the European Union 158

ENERGY, ENVIRONMENTAL AND NATURAL RESOURCES LAW

- Barbashova N. V.** A State as a Subject of Environmental
Terrorism: Case Study of an Intrastate Armed Conflict in Ukraine 168
- Voronina N. P.** Sustainable («Green») Development
of Agriculture in the Context of Climate Change:
Legal Experience of Russia and India 177

Обычно-правовое закрепление права собственности: от родовых знаков к экслибрисам

Аннотация. Работа посвящена изучению особенностей обычно-правового закрепления права собственности. Авторы прослеживают генезис и эволюцию родовых знаков собственности у финно-угорских народов как один из способов объективации права собственности и проводят параллель с экслибрисами, наделёнными традиционными обычно-правовыми характеристиками и закрепляющими право собственности на книжные источники. Выбор темы исследования не случаен, так как обусловлен практическим отсутствием в современных научных исследованиях, посвящённых проблемам обычного права различных народов, работ, охватывающих особенности обычно-правовой объективации права собственности у финно-угорских народов, а также правовой природы экслибриса. В условиях господствования позитивистского правопонимания убежденность советской науки в исчезающем и рудиментарном характере обычного права, а также в отсутствие необходимости изучения проблем этноправа, раскрывающих функционирование обычно-правовых институтов, не позволяла исследовать различные элементы, составляющие сущность этнического права, «вышедшего из народа», выделять характерные черты и особенности в их функционировании, а также осуществлять исследование общественных отношений в традиционном обществе. В работе раскрыты сходные и отличительные черты в закреплении права собственности как родовыми фамильными обычно-правовыми знаками, так и экслибрисами, наносившимися исключительно на книги как объекты собственности.

Ключевые слова: обычное; право; собственности; родовые знаки; экслибрис; книжный; знак; финно-угорские; народы.

Для цитирования: Плоцкая О. А., Сердитова Е. Н. Обычно-правовое закрепление права собственности: от родовых знаков к экслибрисам // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 7. — С. 11–23. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.011-023.

© Плоцкая О. А., Сердитова Е. Н., 2022

* Плоцкая Ольга Андреевна, доктор юридических наук, доцент, доцент департамента международного и публичного права юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Ленинградский пр-т, д. 49, г. Москва, Россия, 125167
olga.plockaya@mail.ru

** Сердитова Елена Николаевна, заведующий сектором редкой книги — региональным центром по работе с книжными памятниками Республики Коми ГБУ РК «Национальная библиотека Республики Коми» Советская ул., д. 13, г. Сыктывкар, Россия, 167000
serditova@nbrkomi.ru

Consolidation of Property Rights in Customs and Law: From Family Crests and Coats of Arms to *Ex-Libris*

Olga A. Plotskaya, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Department of International and Public Law, Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation
pr-t Leningradskiy, d. 49, Moscow, Russia, 125167
olga.plockaya@mail.ru

Elena N. Serditova, Head of the Rare Book Sector, Regional Center for Legacy Books of Komi Republic, State Budgetary Institution of the Komi Republic «National Library of the Komi Republic»
ul. Sovetskaya, d. 13, Syktyvkar, 167000
serditova@nbrkomi.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of the features of consolidation of property rights in customs and in law. The authors are shadowing the genesis and evolution of family crests among the Finno-Ugric peoples as one of the ways of of property rights objectification and drawing a parallel with ex-libris endowed with traditional customary and legal characteristics and securing the ownership of books. The choice of the research topic is not accidental, as it is predetermined by the absence of contemporary research works devoted to the problems of customary law of various peoples and research papers covering the features of the customary legal objectification of property rights among the Finno-Ugric peoples, as well as the legal nature of the ex libris. Under the conditions of the positivist legal doctrine prevalence, the Soviet science was convinced in disappearing and rudimentary nature of customary law and in the absence of the need to study the problems of ethnic law explaining the functioning of customary legal institutions. This conviction did not allow exploring various elements forming the essence of ethnic law that «emerged from the people», determining characteristic features of their functioning and carrying out research on social relations in a traditional society. The paper reveals similar and distinctive features in the consolidation of property rights in customs and law using family crests and ex-libris applied exclusively to books as property objects.

Keywords: customary; law; property; generic; signs; property; ex-libris; book; sign; Finno-Ugric; peoples.

Cite as: Plotskaya OA, Serditova EN. Obychno-pravovoe zakreplenie prava sobstvennosti: ot rodovykh znakov k ekslibrisam [Consolidation of Property Rights in Customs and Law: From Family Crests and Coats of Arms to Ex-Libris]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(7):11-23. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.011-023. (In Russ., abstract in Eng.).

Небывалый интерес к исследованию обычного права, наблюдающийся в современной доктрине, неслучаен. Среди историко-правовых явлений, вызывающих многочисленные научные дискуссии, выделяются вопросы о роли обычного права и правового обычая в жизнедеятельности различных российских народов. Осознание обществом пагубного игнорирования этноправовых, историко-культурных обычаев и традиций позволяет не потерять сущностно-правовые характеристики

этноправа и сохранить принцип преемственности, существовавший на протяжении многих веков в этническом праве народов России.

В многонациональном государстве игнорировать этнонациональный взгляд нельзя, иначе это может привести «к появлению разрыва между государственной законодательной политикой и реально существующими отношениями...»¹.

Появляющиеся в современной правовой доктрине исследования обычного права² не только у народов Российской Федерации, но

¹ Мокшина Ю. Н. Антропология права в системе высшего юридического образования (на примере этно-норматики у мордвы) // Интеграция образования 2005. № 3. С. 31.

² См.: Аблаева Э. Б. Правовая система Казахстана в ордынский период // Lex russica. № 10 (155) октябрь 2019. С. 141–153 ; Крассов О. И. Системы землевладения в странах Магриба // Lex russica. № 6 (115)

и других как естественного периода в ходе их зарождения и развития доказывают, что этническое право сохранило свой регулятивный потенциал.

Подобный рост интереса к обычно-правовым вопросам обусловлен особенностями современной ситуации, при которой выделилась тенденция к пересмотру ряда теоретических концепций и подходов, а также к переосмыслению значения таких явлений, как позитивное и обычное право. Нормы обычного права, имея иной механизм реализации в правовом поведении конкретного индивида, отличаются от норм закона, так как реализуются в поведении участников общественных отношений и исполняют роль шаблона или модели поведения. В обычной жизни члены общества чаще руководствуются подобным наглядным шаблоном правомерного поведения, закрепленного в обычно-правовой норме. Норма закона представляет собой абстрактную модель, порой непонятную обычному обывателю.

В работе рассмотрим обычно-правовое закрепление права собственности на примере родовых обычно-правовых знаков российских финно-угорских народов как части их этноправовой культуры и в то же время как одного из составных элементов обычного права, отраженного в экслибрисах.

Родовые обычно-правовые знаки собственности у финно-угорских народов являются этническим достоянием, а также элементом правовой культуры. Представляя собой самобытный, традиционный способ закрепления владельческих прав, они регламентируют императивные варианты поведения субъектов общественных отношений в этнолокальном обществе. Юридические или родовые знаки собственности у финно-угорских народов были широко распространены в обычно-правовой практике и использовались достаточно долго. К примеру, в одном из первых упоминаний о них еще XII в. путешественником Абу Хамид Ал-Гарнати было отмечено, что живущий у моря Мраков народ (вероятно, речь шла о коми), занимаясь промысловой деятельностью, продает добытый на охоте товар с определенными знаками: «И приносят с собой товары, и кладет... свое имущество отдельно, и делает на нем знак...»³

Родовые знаки являлись частью семиотической системы, бытовавшей у финно-угров. С их помощью окружающим передавалась правовая информация о собственнике вещи. Они изображались в виде символов, отражавшихся в генетической памяти этноса. Имея простую геометрическую форму и структуру, будучи адаптированы под этносоциальную ситуацию, они обладали серьезным смысловым объемом и

июнь 2016. С. 184–202 ; Вареникова С. П. Казахское обычное право и судопроизводство биев // *Lex russica*. № 8 (117) август 2016. С. 168–177 ; Злобин А. В. Формы права в современной России // *Lex russica*. № 4 (137) апрель 2018. С. 23–36 ; Золотухина Н. М. Формирование правопонимания и его терминологическое обозначение в русской средневековой юридической культуре // *Lex russica*. № 8 (141) август 2018. С. 43–67 ; Исаев И. А. «Тайна беззакония», или Революционная справедливость. Часть 1 // *Lex russica*. № 5 (138) май 2018. С. 33–50 ; Исаев И. А. Метафоры Закона: от «света» к «пламени» // *Lex russica*. Т. 74 № 6 (175) июнь 2021. С. 23–35 ; Лаптев В. А. Локальный правовой обычай как источник регулирования предпринимательских отношений // *Lex russica*. № 4 (125) апрель 2017. С. 110–119 ; Михайлова И. А. Договорное регулирование отношений между супругами в зарубежном и отечественном законодательстве: генезис, трансформация и перспективы развития // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 5. С. 38–51 ; Тумурова А. Т. Понятие обычного права (функциональный подход) // *Lex russica*. № 11 (132) ноябрь 2017. С. 9–23 ; Наумкина В. В. Обычное право кочевых народов Восточной Сибири в правовой системе Российского государства XIX — начала XX в. : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 42 с. ; Небрятенко Г. Г. Обычно-правовая система традиционного общества : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Махачкала, 2011. 52 с. ; Тумурова А. Т. Обычное право бурят: историко-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 38 с.

³ Путешествие Абу Хамида Ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) // Савельева Э. А., Королев К. С. Письменные известия о народе коми. Сыктывкар, 2007. С. 38.

были связаны с существовавшей системой этно-правовых ценностей.

Являясь архетипом, появившимся в архаические времена, родовый знак включал «мифологические мотивы»⁴. Объективируясь в виде семиотического изображения, знаки собственности санкционировались этнолокальным обществом, в котором они имели широкое применение, исходили от самого народа, были связаны с жизнью данного общества, а также интегрировали его членов, обладавших единым этническим мировоззрением.

С точки зрения права «родовые знаки собственности» обозначали и защищали права собственника на конкретную вещь, отражались в этнокультурной памяти и фиксировались в обычаях.

У промысловых финно-угорских народов эти знаки имели важное значение в «охотничьем и рыболовном праве». Ими закрепляли право собственности на отдельные промысловые угодья, на которых охотиться и рыбачить могли только сам промысловик и члены его семьи; на промысловую добычу, являвшуюся неприкосновенной для иных лиц; на промысловое снаряжение, принадлежащее определенному лицу — носителю знака. Они использовались в качестве охотничьих календарей, представляли

собой основу для прототипа пермской азбуки, существовавшей, например, у зырян.

Кроме того, они использовались в быту, наносились или вырезались на поверхностях предметов и инструментов⁵. Являясь родовым фамильным знаком, передающимся из поколения в поколение, такой знак «служил оберегом и орнаментальным мотивом, украшавшим, например, одежду»⁶. Кроме того, у коми родовые знаки являлись «символическими изображениями сложных образов пермского звериного стиля»⁷.

Их использовали вместо подписи на официальных прошениях и иных документах. Удмурты их использовали в счете: «...арифметическое счисление, и это счисление производится на лутошечных палочках посредством вырезывания знаковъ — пусь»⁸. Они использовались при учете поступившего товара⁹. В обычно-правовой практике существовал простой способ доказать свое право собственности: «Одна половинка бирки, приложенная к другой, ясно показывает, чья именно вещь...»¹⁰. У удмуртов они имели значение «семейных печати...»¹¹.

Знаки родовой собственности у угорских народов являлись признаком рода¹². У хантов договоры и различные обязательства скреплялись родовыми знаками¹³. С их помощью удмурты

⁴ См.: Юнг К. Г. Аналитическая психология. СПб., 1994. С. 31.

⁵ См.: Носилов К. Д. Юридические обычаи маньсов // Традиционная нормативная культура, организация власти и экономика народов Северной Евразии и Дальнего Востока / под ред. Ю. И. Семенова, С. Е. Жанаидарова, М. А. Резяпкина. М., 2000. С. 82–87.

⁶ Королев К., Савельев Э. Вначале были пасы // Коми край далекий и близкий. М. — Сыктывкар, 2002. С. 82.

⁷ Грибова Л. С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М., 1980. С. 170.

⁸ Верещагин Г. Е. Вотьяки Сарапульского уезда Вятской губернии. СПб., 1889. С. 68.

⁹ См.: Верещагин Г. Е. Указ. соч. С. 69.

¹⁰ Верещагин Г. Е. Указ. соч. С. 69.

¹¹ Верещагин Г. Е. Указ. соч. С. 69.

¹² См.: Чернецов В. Н. К истории родового строя у обских угров // Советская этнография. 1947. Т. 6, 7. С. 159–183; Розыскное дело о подготовке восстания остяками и самоедами Березовского уезда под руководством князя Обдорской волости Ермака Мамрукова 1662 г. // Вершинин Е. В., Визгалов Г. П. Обдорский край и Мангазья в XVII веке: сборник документов. Екатеринбург: Тезис, 2004. С. 51.

¹³ См.: Воронов А. Г. Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губернии // Записки РГО по отделению этнографии. СПб., 1900. Т. 18: сборник народных юридических обычаев. С. 309.

могли идентифицировать личность, принадлежавшую к определенному роду¹⁴.

Рассмотрим также и обычно-правовую сущность экслибриса как владельческого знака в отношении книги. Связь знаков родовой собственности и книжных знаков (экслибрисов) очевидна. По сути, и родовой, и книжный знаки — это «документы», идентифицирующие собственника имущества и закрепляющие его права на ту или иную вещь. И если эта вещь — книга, то обязательным ее спутником становится владельческий книжный знак.

Экслибрисом (от лат. *ex libris* — из книг) изначально называли небольшой бумажный листок со сведениями о владельце книги и специальным рисунком, чаще всего отражающим характер библиотеки или какого-либо ее раздела, а также интересы и духовный мир хозяина книги¹⁵. Обратим внимание на все виды владельческих книжных знаков (суперэкслибрисы, ярлыки, печати, штампы и т. д.). В этот ряд войдут также владельческие и дарственные надписи, пометы, автографы владельцев, которые, не являясь экслибрисами по форме, но исходя из правовой сущности, имеют с ними общее значение в части обозначения принадлежности книги тому или иному лицу.

Появление экслибрисов напрямую связано с началом письменности и возникновением первых форм книги. С течением времени форма книги менялась: глиняная табличка, папирусный свиток, пергамент, бумажный «кодекс». Но одно было неизменно — владелец книги всегда обозначал свою собственность соответствующей надписью и изображением. Книжные знаки

(экслибрисы) прошлого — это один из основных источников информации о переходе права собственности на книгу, об истории бытования книг, частных и общественных библиотек, о читательских интересах выдающихся личностей и целых социальных групп. Это также и предмет искусствоведческих исследований, поскольку часто эскизы экслибрисов создавались выдающимися мастерами живописи и графики — такие знаки являются самостоятельными произведениями изобразительного искусства. За книгами с экслибрисами, штампами, записями, маргиналиями, автографами, свидетельствующими о принадлежности лицу, организации, игравшим значительную роль в отечественной или мировой истории, юридически закреплён статус культурных ценностей, имеющих особое историческое, художественное, научное или культурное значение¹⁶.

Современные книжные знаки аналогично подразделяются на сугубо утилитарные, имеющие только цель обозначить владельца, и на художественные, выполненные по оригинальному эскизу. Основным их предназначением по сей день является подтверждение права лица на владение книгой.

Первые книжные знаки относятся к периоду до нашей эры. Из известных сегодня книжных знаков древнейшими являются знаки египетского фараона Аменофиса (ок. 1400 до н. э.)¹⁷, печать царя Ассирии Ашшурбанипала (669 — ок. 633 до н. э.)¹⁸. Первым русским древнейшим книжным знаком считают рукописный знак основателя библиотеки Соловецкого монастыря игумена Досифея¹⁹.

¹⁴ См.: *Верецагин Г. Е.* Указ. соч. С. 74–75.

¹⁵ См.: *Книговедение: энциклопедический словарь / редкол.: Н. М. Сикорский (гл. ред.) [и др.].* М., 1982. С. 644.

¹⁶ См.: постановление Правительства РФ № 1425 от 14.09.2020 «Об утверждении Правил проведения экспертизы культурных ценностей и направления экспертом экспертного заключения в Министерство культуры Российской Федерации, а также критериев отнесения движимых предметов к культурным ценностям и отнесения культурных ценностей к культурным ценностям, имеющим особое историческое, художественное, научное или культурное значение» // *СЗ РФ.* 2020. № 38. Ст. 5899.

¹⁷ См.: *Гетманский Э. Д.* Маяк библиотеки // *Ex libris.* Охранная грамота книги в двух томах. Тула, 1984. Т. 1. С. 3.

¹⁸ См.: *Томов Е.* Экслибрис. София, 1977. С. 80.

¹⁹ См.: *Розов Н. Н.* Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей // *Труды отделения древнерусской литературы АН СССР.* Вып. XVIII. М., 1962. С. 294–304; *Он же.* Когда появился в России книжный знак? // *Археографический ежегодник за 1962 г.* М., 1963. С. 88–91.

Прообразом экслибриса в России многие ученые называют владельческие надписи на рукописных книгах. Самые ранние из них относятся к XIV в. Примером могут служить такие: «Сия книга попа Родиона Сидорова», «Книга Господня, глаголемая Летописец, суздальца Ивана Федорова...»²⁰.

Одновременно с такими надписями бытовали «вкладные записи» на книгах, жертвуемых в церкви и монастыри. Первые исследователи российского экслибриса В. А. Верещагин и В. Я. Адарюков считали, что русский книжный знак произошел только от вкладных записей²¹.

Несколько веков вкладные записи существовали в России как единственный знак принадлежности книги конкретному владельцу. Вкладчик подробно указывал свое имя, название книги, а также церковь или монастырь, куда он эту книгу принес. Например: «Положил свою книгу, глаголемую “Апостол”, в дом Божий к Воскресению Христову». Во избежание хищения многие вкладные записи заканчивались угрозами: «А кто сию книгу возьмет из дома Божия, на том будет тягота церковная», «А кто бы смел ей взяти от церкви, тот, будет проклят в сей век и в будущий, и не прощен и по смерти не разрешен. Аминь»²².

Подобная практика размещения на страницах книг текстов («книжных проклятий», «книжных рифм»), призванных препятствовать воровству или указывать на право собственности, была распространена с древнейших времен по всему миру. «Если кто-либо каким-либо искусным путем отлучит эту книгу от своего места, да

будет страдать его душа, в наказание за содеянное, и да будет его имя навеки стерто из Книги Жизни» — гласит проклятие, сделанное в одной из молитвенных книг средневековой Европы²³. В Соединенных Штатах Америки вплоть до XIX в. бытовали «книжные рифмы» (антиворовские стишки на страницах книг), пока их не вытеснили печатные экслибрисы²⁴.

Почти до конца XVII в. на Руси существовало лишь церковное чтение, первые печатные книги также были богослужебными. Только в эпоху правления Петра I русское книгопечатание приобретает ярко выраженный светский характер²⁵. К этому периоду относят появление и распространение первых русских печатных книжных знаков. Они появились одновременно в двух видах — гербовом и шрифтовом — и имели признаки влияния западноевропейской культуры, что характерно для того периода российской истории²⁶.

Появление на экслибрисах геральдических символов не просто подчеркивало факт владения книгой, но стало знаком фамильной аристократической собственности, передающейся по наследству от поколения к поколению.

На рубеже XIX–XX вв. в форме и графике книжного знака превалирует утилитарный подход. Исследователь истории российского книжного знака Э. Гетманский отмечает: «В период интенсивной капитализации страны... универсальный символ родовой собственности — экслибрис уступает свои позиции шрифтовому знаку»²⁷.

Обратимся к истории появления и развития книжного знака на территории Коми края как яркого представителя финно-угорского мира.

²⁰ Гетманский Э. Д. Книжный знак Российской империи // Семь искусств. 2014. № 7 (54). URL: <http://7iskusstv.com/2014/Nomer7/Getmanky1.php/> (дата обращения: 10.11.2021).

²¹ См.: Верещагин В. А. Русский книжный знак = L'ex-libris russe. СПб., 1902. С. 11–14; Адарюков В. Я. Русский книжный знак. М., 1921. С. 5–7.

²² Адарюков В. Я. Указ. соч. С. 7.

²³ Drogin M. Anathema! Medieval Scribes and the History of Book Curses. Mont-clair, New Jersey, 1983. 157 p. URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/pbsa.78.3.24302848> / (дата обращения: 10.11.2021).

²⁴ См.: Meier A. 19th and 20th — Century Bookplates as Deeply Personal Brands of the Home Library // Hyperallergic, Brooklyn, New York. 2009–2021. URL: <https://hyperallergic.com/162182/19th-and-20th-century-bookplates-as-deeply-personal-brands-of-the-home-library/> (дата обращения: 10.11.2021).

²⁵ См.: Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII в. Л., 1973. С. 3, 55.

²⁶ См.: Гетманский Э. Д. Книжный знак Российской империи.

²⁷ Гетманский Э. Книжный знак Российской империи.

В целом эта история не имела яркой этнической окраски, происходила в контексте истории книжной культуры региона и общероссийских тенденций, преодолевая те же этапы развития. Но, безусловно, на нее оказали влияние некоторые региональные особенности.

Предпосылки появления в Коми крае такого элемента правовой культуры, как книжный знак, непосредственно связаны с распространением христианства в зырянском крае и с миссионерской деятельностью Стефана Пермского (Великопермского) в XIV в. По официальной версии, первый коми алфавит — анбур — просветитель Стефан Храп создал в 1372 г. для перевода церковных текстов на древнекоми язык. Именно тогда в Коми появились первые книги, были заложены основы книжной культуры края.

Ряд ученых полагают, что успешная деятельность Стефана Пермского по созданию и распространению древнекоми письменности была направлена на облегчение существовавшей у предков пермских народов какой-то еще более древней системы письма. В. И. Лыткин считал, что у коми видное место среди древних способов письма занимало насекание на дереве или бересте. На это указывает слово «сёртны» («насекать, долбить»), употребляемое в значении «писать». Известно, что северорусские древнейшие письменные тексты также насе-

кались на бересте («берестяные грамоты»)²⁸. И бытовавшая у древних коми система родовых знаков (пасов) также была использована для создания графики первых коми букв²⁹.

Если придерживаться этой версии, то первые книги на коми языке, написанные с помощью графической системы анбур, имели на своих страницах не просто буквы, но отчасти и родовые знаки собственности (пасы).

Первые книжные собрания на территории Коми принадлежали церковным и монастырским библиотекам, где в качестве знаков собственности бытовали уже упомянутые вкладные записи. Владельческие записи на страницах книг были широко распространены в старообрядческих общинных и семейных библиотеках, передававшихся из поколения в поколение³⁰.

Особое распространение книгособирательства (библиофильство) среди населения края получило в конце XVIII — начале XIX в.³¹ Стал всё более распространяться и печатный экслибрис, в том числе в монастырских библиотеках³². В преддверии XX столетия на Севере России носителями и создателями культуры в обществе становятся представители просвещенной интеллигенции (учителя, священники, врачи, ученые). Об этом свидетельствуют и личные владельческие знаки на сохранившихся до нашего времени книгах³³.

²⁸ Королев К., Савельева Э. Указ. соч. С. 78–83.

²⁹ Савваитов П. И. О зырянских деревянных календарях и о пермской азбуке, изобретенной святым Стефаном. М. : В синод. тип., 1873. ; Лыткин Г. С. Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык : пособие при изучении зырянами русского языка. СПб., 1889. С. 200.

³⁰ См.: Волкова Т. Ф. Книги из монастырских библиотек в составе печорских книжных собраний // Книжные центры Древней Руси. Северно-русские монастыри. СПб., 2001. С. 199–217 ; Она же. Владельческие записи печорских крестьян на рукописных и старопечатных книгах (по материалам электронной базы данных) // Уральский сборник : История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2009. Вып. 7. Ч. 2. С. 241–257.

³¹ См.: История библиотек Коми края. Сыктывкар, 1997. С. 80 ; Бровина А. А., Рощевская Л. П. Личные библиотеки Севера России (конец XVIII — начало XX века). Сыктывкар, 2000. С. 33.

³² См.: Краева Н. В. От «доброхотных подателей» — монахам Ульяновского монастыря (по дарственным надписям на книгах Троице-Стефановского Ульяновского монастыря) // Архивы Республики Коми: на пути к единому информационному пространству : сборник материалов VII научно-практической конференции (Сыктывкар, 24 октября 2017 г.). Сыктывкар, 2017. С. 139–144 ; Она же. Расшифровывая инскрипты...: из книжного собрания Ульяновского Троицко-Стефановского монастыря // Книжные собрания Русского Севера: изучение, сохранение и использование. Вып 7. Архангельск, 2018. С. 93–100.

³³ См.: Холопова Л. А. Частные коллекции представителей интеллигенции XIX — начала XX века в фондах Национальной библиотеки Республики Коми // Книжные собрания Русского Севера: проблемы изучения,

Необходимо отметить и влияние на книжную культуру Коми края политических ссыльных, которые впервые появились здесь в XIX в.³⁴ Они внесли значительный вклад в развитие интеллигенции Усть-Сысольского уезда, являясь носителями новых прогрессивных идей общественного и социального переустройства общества, выразителями передовых культурных идей³⁵.

История публичных библиотек Коми края началась в 1837 г., когда в Усть-Сысольске была основана первая общественная библиотека³⁶. Общественные книжные собрания, существовавшие как за государственный счет, так и на частные пожертвования, в отличие от личных библиотек, использовали экслибрисы в обязательном порядке именно как подтверждение права собственности на книгу. О приоритете утилитарного подхода к применению книжных знаков можно судить и по их внешнему виду. В основном это шрифтовые штампы, главная задача которых — визуально обозначить наименование учреждения-владельца³⁷. Впрочем, тенденция к внешнему упрощению, как уже упоминалось выше, характерна и для личных библиотек конца XIX — середины XX в.

Зачастую, несмотря на скромный облик, шрифтовые книжные знаки, кроме информации о владельце, содержат и другие важные свидетельства. К примеру, исследование истории книжных знаков Национальной библиотеки Республики Коми подтвердило факт значительного влияния исторических событий, изменений в административно-территориаль-

ном устройстве, в науке и культуре на владельческие знаки. Одно из ярких свидетельств — библиотечные штампы первых десятилетий советской власти. В связи с образованием Коми автономной области в 1921 г. библиотека получила статус областной центральной, что нашло отражение в ее владельческих знаках. В 1930 г. произошла перемена названия столицы края: Усть-Сысольск стал Сыктывкар. На книжных штампах этого периода можно увидеть оба названия города. В период с 1918 по 1938 г. дважды изменялся шрифт коми азбуки: от кириллического, так называемого «молодцовского», к латинизированному и обратно. Эти перемены также отразились в книжных знаках центральной библиотеки. Примечательно, что это был единственный в истории библиотеки период, когда в книжных знаках использовался коми язык³⁸.

К концу XX в. формирование домашних библиотек из распространенного и популярного явления переместилось в разряд редких, элитарных увлечений. В современном обществе домашняя библиотека как явление массовой культуры теряет свою актуальность, но историко-культурная и, как следствие, материальная ценность многих частных книжных коллекций, наоборот, возрастает. Библиофилы в своих книжных собраниях продолжают использовать экслибрисы как неотъемлемую часть книжной культуры и как владельческий знак, который может иметь важное значение в случае необходимости подтверждения права соб-

---

обеспечения сохранности и доступности. Вып. 6 : сборник статей / [сост.: Н. П. Лихачева]. Архангельск : Арханг. обл. науч. б-ка имени Н. А. Добролюбова, 2013. С. 119–124.

³⁴ Рощевская Л. П. Вклад ссыльных революционеров второй половины XIX века в развитие культуры Европейского Севера // Народная культура Севера: «первичное» и «вторичное», традиции и новации : тезисы докладов и сообщений регион. науч. конференции. Архангельск, 1991. С. 156–157.

³⁵ Рощевская Л. П. Роль ссыльных революционеров в развитии книжной культуры на Европейском Севере // Европейский Север: история и современность: тезисы докладов. Петрозаводск, 1990. С. 38–39.

³⁶ См.: Памятники книжной культуры Республики Коми : каталог-путеводитель по фондам публичных библиотек Коми края XIX — начала XX в. Вып. 1 : История Усть-Сысольской общественной библиотеки в документах. Сыктывкар, 2008. С. 17.

³⁷ См.: История Национальной библиотеки Республики Коми в книжных знаках / авт.-сост. Е. Н. Сердитова ; отв. ред. О. В. Кырнышева. Сыктывкар, 2017. С. 15.

³⁸ История Национальной библиотеки Республики Коми в книжных знаках. С. 20–22.

ственности³⁹. Книжные знаки сегодня, согласно действующему законодательству, относятся к идентифицирующим признакам⁴⁰.

Таким образом, являясь одним из способов закрепления обычно-правовых императивов и прав собственника на вещь, знаки родовой собственности у финно-угорских народов передавались от предков к потомкам, позволяя отличать собственное имущество от чужого, а также защищать свои права на имущество. Книги и

документы, входящие в состав фондов современных коллективных фондодержателей (библиотек, музеев, архивов, учебных заведений и общественных организаций) по-прежнему в обязательном порядке содержат на своих страницах книжные знаки, имеющие обычно-правовые корни и информирующие о владельце. Сегодня, как и много веков назад, основной функцией экслибриса остается закрепление права собственности на книгу.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аблаева Э. Б.* Правовая система Казахстана в ордынский период // *Lex russica*. — 2019. — № 10 (155). — С. 141–153.
2. *Адарюков В. Я.* Русский книжный знак. — М. : [б. и.], 1921. — 39 с.
3. *Бровина А. А., Роцевская Л. П.* Личные библиотеки Севера России (конец XVIII — начало XX века). — Сыктывкар, 2000. — 93 с.
4. *Вареникова С. П.* Казахское обычное право и судопроизводство биев // *Lex russica*. — 2016. — № 8 (117). — С. 168–177.
5. *Верещагин В. А.* Русский книжный знак = *L'ex-libris russe*. — СПб. : Печатня Р. Голике, 1902. — 7 с.
6. *Верещагин Г. Е.* Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. — СПб. : Тип. И. Н. Скородумова, 1889. — 199 с.
7. *Волкова Т. Ф.* Владельческие записи печорских крестьян на рукописных и старопечатных книгах (по материалам электронной базы данных) // *Уральский сборник : История. Культура. Религия*. — Екатеринбург, 2009. — Вып. 7. Ч. 2. — С. 241–257.
8. *Волкова Т. Ф.* Книги из монастырских библиотек в составе печорских книжных собраний // *Книжные центры Древней Руси. Северно-русские монастыри*. — СПб., 2001. — С. 199–217.
9. *Воронов А. Г.* Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губернии // *Записки РГО по отделению этнографии*. — СПб., 1900. — Т. 18 : *Сборник народных юридических обычаев*. — 429 с.
10. *Гетманский Э. Д.* Книжный знак Российской империи // *Семь искусств*. — 2014. — № 7 (54). — URL: <http://7iskusstv.com/2014/Nomer7/Getmansky1.php> / (дата обращения: 10.11.2021).
11. *Гетманский Э. Д.* Маяк библиотеки // *Ex libris. Охранная грамота книги* : в 2 т. — Тула, 1984. — Т. 1. — С. 3–8.
12. *Грибова Л. С.* Декоративно-прикладное искусство народов коми. — М. : Наука, 1980. — 239 с.
13. *Злобин А. В.* Формы права в современной России // *Lex russica*. — 2018. — № 4 (137). — С. 23–36.
14. *Золотухина Н. М.* Формирование правопонимания и его терминологическое обозначение в русской средневековой юридической культуре // *Lex russica*. — 2018. — № 8 (141). — С. 43–67.

---

³⁹ См.: *Славное десятилетие. Национальный союз библиофилов в датах и событиях. 2010–2020* / сост. М. В. Сеславинский. М., 2021. С. 123.

⁴⁰ Приказ Минкультуры России от 25.06.2012 № 630 «Об утверждении Административного регламента по предоставлению Министерством культуры Российской Федерации государственной услуги «Регистрация фактов пропажи, утраты, хищения культурных ценностей, организация и обеспечение оповещения государственных органов и общественности в Российской Федерации и за ее пределами об этих фактах»» // *Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти*. 03.12.2012. № 49.

15. *Исаев И. А.* «Тайна беззакония», или Революционная справедливость. Ч. 1 // *Lex russica*. — 2018. — № 5 (138). — С. 33–50.
16. *Исаев И. А.* Метафоры Закона: от «света» к «пламени» // *Lex russica*. — 2021. — Т. 74. — № 6 (175). — С. 23–35.
17. История библиотек Коми края / Нац. биб-ка Республики Коми, отдел краев. и нац. лит. — Сыктывкар : СГУ, 1997. — 151 с.
18. История Национальной библиотеки Республики Коми в книжных знаках / авт.-сост. Е. Н. Сердитова ; отв. ред. О. В. Кырнышева. — Сыктывкар : Национальная библиотека Республики Коми, 2017. — 60 с.
19. Книговедение : энциклопедический словарь / редкол.: Н. М. Сикорский (гл. ред.) [и др.]. — М. : Сов. энциклопедия, 1982. — 664 с.
20. *Королев К., Савельева Э.* Вначале были пасы // Коми край далекий и близкий. — М.-Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2002. — 286 с.
21. *Краева Н. В.* От «доброхотных подателей» — монахам Ульяновского монастыря (по дарственным надписям на книгах Троице-Стефановского Ульяновского монастыря) // Архивы Республики Коми: на пути к единому информационному пространству : сборник материалов VII Научно-практической конференции (Сыктывкар, 24 октября 2017 г.). — Сыктывкар, 2017.
22. *Краева Н. В.* Расшифровывая инскрипты...: из книжного собрания Ульяновского Троицко-Стефановского монастыря // Книжные собрания Русского Севера: изучение, сохранение и использование. Вып 7. — Архангельск : КИРА, 2018. — 208 с.
23. *Крассов О. И.* Системы землевладения в странах Магриба // *Lex russica*. — 2016. — № 6 (115). — С. 184–202.
24. *Лаптев В. А.* Локальный правовой обычай как источник регулирования предпринимательских отношений // *Lex russica*. — 2017. — № 4 (125). — С. 110–119.
25. *Луппов С. П.* Книга в России в первой четверти XVIII в. — Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1973. — 374 с.
26. *Лыткин Г. С.* Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык: пособие при изучении зырянами русского языка. — СПб. : Типография Императорской академии наук, 1889. — 232 с.
27. *Михайлова И. А.* Договорное регулирование отношений между супругами в зарубежном и отечественном законодательстве: генезис, трансформация и перспективы развития // *Lex russica*. — 2021. — Т. 74. — № 5. — С. 38–51.
28. *Мокшина Ю. Н.* Антропология права в системе высшего юридического образования (на примере этно-норматики у мордвы) // Интеграция образования. — 2005. — № 3. — С. 31–35.
29. *Наумкина В. В.* Обычное право кочевых народов Восточной Сибири в правовой системе Российского государства XIX — начала XX в. : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2010. — 42 с.
30. *Небрятенко Г. Г.* Обычно-правовая система традиционного общества : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Махачкала, 2011. — 52 с.
31. *Носилов К. Д.* Юридические обычаи маньсов // Традиционная нормативная культура, организация власти и экономика народов Северной Евразии и Дальнего Востока / под ред. Ю. И. Семенова, С. Е. Жанайдарова, М. А. Резяпкина. — М. : Старый сад, 2000. — 403 с.
32. Памятники книжной культуры Республики Коми : каталог-путеводитель по фондам публичных библиотек Коми края XIX — начала XX в. История Усть-Сысольской общественной библиотеки в документах / науч. ред. Е. А. Рыжова ; авт.-сост. О. В. Кырнышева. — Сыктывкар : Национальная библиотека Республики Коми, 2008. — 180 с.
33. Путешествие Абу Хамида Ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) // Савельева Э. А., Королев К. С. Письменные известия о народе коми. — Сыктывкар : Эском, 2007. — 170 с.
34. *Розов Н. Н.* Когда появился в России книжный знак? // Археографический ежегодник за 1962 год. — М. : Наука, 1963. — С. 88–91.
35. *Розов Н. Н.* Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей // Труды отделения древнерусской литературы АН СССР. — Вып. XVIII. — М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР. — С. 294–304.

36. Розыскное дело о подготовке восстания остяками и самоедами Березовского уезда под руководством князя Обдорской волости Ермака Мамрукова 1662 г. // Вершинин Е. В., Визгалов Г. П. Обдорский край и Мангазея в XVII веке : сборник документов. — Екатеринбург : Тезис, 2004. — 200 с.
37. *Рощевская Л. П.* Вклад ссыльных революционеров второй половины XIX века в развитие культуры Европейского Севера // Народная культура Севера: «первичное» и «вторичное», традиции и новации. — Архангельск : [б. и.], 1991. — 231 с.
38. *Рощевская Л. П.* Роль ссыльных революционеров в развитии книжной культуры на Европейском Севере // Европейский Север: история и современность: тезисы докладов. — Петрозаводск : КНЦ АН СССР, 1990. — 166 с.
39. *Савваитов П. И.* О зырянских деревянных календарях и о пермской азбуке, изобретенной святым Стефаном. — М. : В синод. тип., 1873. — [2], 16 с.
40. Славное десятилетие. Национальный союз библиофилов в датах и событиях. 2010–2020 / сост. М. В. Славинский. — М. : Изд-во Столяровых, 2021. — 541 с.
41. *Томов Е.* Экслибрис. — София : Български художник, 1977. — 318 с.
42. *Тумурова А. Т.* Обычное право бурят: историко-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2010. — 38 с.
43. *Тумурова А. Т.* Понятие обычного права (функциональный подход) // Lex russica. — 2017. — № 11 (132). — С. 9–23.
44. *Холопова Л. А.* Частные коллекции представителей интеллигенции XIX — начала XX века в фондах Национальной библиотеки Республики Коми // Книжные собрания Русского Севера: проблемы изучения, обеспечения сохранности и доступности. Вып. 6 : сборник статей / [сост.: Н. П. Лихачева]. — Архангельск : Арханг. обл. науч. б-ка имени Н.А. Добролюбова, 2013. — 252 с.
45. *Чернецов В. Н.* К истории родового строя у обских угров // Советская этнография. — 1947. — Т. 6, 7. — С. 159–183.
46. *Юнг К. Г.* Аналитическая психология. — СПб. : Кентавр, 1994. — 136 с.
47. *Drogin M.* Anathema! Medieval Scribes and the History of Book Curses. — Mont-clair, New Jersey, 1983. — 157 p. — URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/pbsa.78.3.24302848/> (дата обращения: 10.11.2021).
48. *Meier A.* 19th and 20th — Century Bookplates as Deeply Personal Brands of the Home Library. — Hyperallergic, Brooklyn, New York, 2009–2021. — URL: <https://hyperallergic.com/162182/19th-and-20th-century-bookplates-as-deeply-personal-brands-of-the-home-library/> (дата обращения: 10.11.2021).

Материал поступил в редакцию 30 ноября 2021 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Ablaeva E. B.* Pravovaya sistema Kazahstana v ordynskij period // Lex russica. — 2019. — № 11 (155). — С. 141–153.
2. *Adaryukov V. Ya.* Russkij knizhnyj znak. — М.: [б. и.], 1921. — 39 с.
3. *Brovina A. A., Roshchevskaya L. P.* Lichnye biblioteki Severa Rossii (konec XVIII — nachalo XX veka). — Syktyvkar, 2000. — 93 с.
4. *Varenikova S. P.* Kazahskoe obychnoe pravo i sudoproizvodstvo biev // Lex russica. — 2016. — № 1 (117). — С. 168–177.
5. *Vereshchagin V. A.* Russkij knizhnyj znak = L'ex-libris russe. — SPb.: Pechatnya R. Golike, 1902. — 7 с.
6. *Vereshchagin G. E.* Votyaki Sarapul'skogo uezda Vyatskoj gubernii. — SPb.: Tip. I. N. Skorodumova, 1889. — 199 с.

7. Volkova T. F. Vldelcheskie zapisi pechorskih krestyan na rukopisnyh i staropechatnyh knigah (po materialam elektronnoj bazy dannyh) // *Uralskij sbornik: Istoriya. Kultura. Religiya.* — Ekaterinburg, 2009. — Vyp. 7. Ch. 2. — S. 241–257.
8. Volkova T. F. Knigi iz monastyrskih bibliotek v sostave pechorskih knizhnyh sobranij // *Knizhnye centry Drevnej Rusi. Severno-russkie monastyri.* — SPb., 2001. — S. 199–217.
9. Voronov A. G. Yuridicheskie obychai ostyakov Zapadnoj Sibiri i samoedov Tomskoj gubernii // *Zapiski RGO po otdeleniyu etnografii.* — SPb., 1900. — T. 18: Sbornik narodnyh yuridicheskikh obychaev. — 429 s.
10. Getmanskij E. D. Knizhnyj znak Rossijskoj imperii // *Sem iskusstv.* — 2014. — № 1 (54). — URL: <http://7iskusstv.com/2014/Nomer7/Getmansky1.php> / (data obrashcheniya: 10.11.2021).
11. Getmanskij E. D. Mayak biblioteki // *Ex libris. Ohrannaya gramota knigi: v 2 t.* — Tula, 1984. — T. 1. — S. 3–8.
12. Gribova L. S. Dekorativno-prikladnoe iskusstvo narodov komi. — M.: Nauka, 1980. — 239 s.
13. Zlobin A. V. Formy prava v sovremennoj Rossii // *Lex russica.* — 2018. — № 1 (137). — S. 23–36.
14. Zolotuhina N. M. Formirovanie pravoponimaniya i ego terminologicheskoe oboznachenie v russkoj srednevekovoj yuridicheskoj kulture // *Lex russica.* — 2018. — № 1 (141). — S. 43–67.
15. Isaev I. A. «Tajna bezzakoniya», ili Revolyucionnaya spravedlivost. Ch. 1 // *Lex russica.* — 2018. — № 1 (138). — S. 33–50.
16. Isaev I. A. Metaforj Zakona: ot «sveta» k «plameni» // *Lex russica.* — 2021. — T. 74. — № 1 (175). — S. 23–35.
17. *Istoriya bibliotek Komi kraja / Nac. bib-ka Respubliki Komi, otdel kraev. i nac. lit.* — Syktyvkar: SGU, 1997. — 151 s.
18. *Istoriya Nacionalnoj biblioteki Respubliki Komi v knizhnyh znakah / avt.-sost. E. N. Serditova; otv. red. O. V. Kyrnysheva.* — Syktyvkar: Nacionalnaya biblioteka Respubliki Komi, 2017. — 60 s.
19. *Knigovedenie: enciklopedicheskij slovar / redkol.: N. M. Sikorskij (gl. red.) [i dr.].* — M.: Sov. enciklopediya, 1982. — 664 s.
20. Korolev K., Saveleva E. Vnachale byli pasy // *Komi kraj dalekij i blizkij.* — M.-Syktyvkar: Komi kn. izd-vo, 2002. — 286 s.
21. Kraeva N. V. Ot «dobrohotnyh podayatelej» — monaham Ulyanovskogo monastyrya (po darstvennym nadpisyam na knigah Troice-Stefanovskogo Ulyanovskogo monastyrya) // *Arhivy Respubliki Komi: na puti k edinomu informacionnomu prostranstvu: sbornik materialov VII Nauchno-prakticheskoy konferencii (Syktyvkar, 24 oktyabrya 2017 g.).* — Syktyvkar, 2017.
22. Kraeva N. V. Rasshifrovyyaya inskripty...: iz knizhnogo sobraniya Ulyanovskogo Troicko-Stefanovskogo monastyrya // *Knizhnye sobraniya Russkogo Severa: izuchenie, sohranenie i ispolzovanie. Vyp 7.* — Arhangelsk: KIRA, 2018. — 208 s.
23. Krassov O. I. Sistemy zemlevladieniya v stranah Magriba // *Lex russica.* — 2016. — № 1 (115). — S. 184–202.
24. Laptev V. A. Lokalnyj pravovoj obyčaj kak istochnik regulirovaniya predprinimatelskih otnoshenij // *Lex russica.* — 2017. — № 1 (125). — S. 110–119.
25. Luppov S. P. *Kniga v Rossii v pervoj chetverti XVIII v.* — L.: Nauka, Leningr. otd-nie, 1973. — 374 s.
26. Lytkin G. S. Zyryanskij kraj pri episkopah Permskih i zyryanskij yazyk: posobie pri izuchenii zyryanami russkogo yazyka. — SPb.: Tipografiya Imperatorskoj akademii nauk, 1889. — 232 s.
27. Mihajlova I. A. Dogovornoe regulirovanie otnoshenij mezhdu suprugami v zarubezhnom i otechestvennom zakonodatelstve: genesis, transformaciya i perspektivy razvitiya // *Lex russica.* — 2021. — T. 74. — № 5. — S. 38–51.
28. Mokshina Yu. N. Antropologiya prava v sisteme vysshego yuridicheskogo obrazovaniya (na primere etnonormatiki u mordvy) // *Integraciya obrazovaniya.* — 2005. — № 3. — S. 31–35.
29. Naumkina V. V. Obychnoe pravo kochevyh narodov Vostochnoj Sibiri v pravovoj sisteme Rossijskogo gosudarstva XIX — nachala XX v.: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2010. — 42 s.
30. Nebratenko G. G. Obychno-pravovaya sistema tradicionnogo obshchestva: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — Mahachkala, 2011. — 52 s.

31. Nosilov K. D. Yuridicheskie obychai mansov // Tradicionnaya normativnaya kultura, organizaciya vlasti i ekonomika narodov Severnoj Evrazii i Dalnego Vostoka / pod red. Yu. I. Semenova, S. E. Zhanajdarova, M. A. Rezyapkina. — M.: Staryj sad, 2000. — 403 s.
32. Pamyatniki knizhnoj kulturey Respubliki Komi: katalog-putevoditel po fondam publicnyh bibliotek Komi kraja XIX — nachala XX v. Istoriya Ust-Sysolskoj obshchestvennoj biblioteki v dokumentah / nauch. red. E. A. Ryzhova; avt.-sost. O. V. Kyrnsheva. — Syktyvkar: Nacionalnaya biblioteka Respubliki Komi, 2008. — 180 s.
33. Puteshestvie Abu Hamida Al-Garnati v Vostochnuyu i Centralnuyu Evropu (1131–1153 gg.) // Saveleva E. A., Korolev K. S. Pismennye izvestiya o narode komi. — Syktyvkar: Eskom, 2007. — 170 s.
34. Rozov N. N. Kogda poyavilsya v Rossii knizhnyj znak? // Arheograficheskij ezhegodnik za 1962 god. — M.: Nauka, 1963. — S. 88–91.
35. Rozov N. N. Soloveckaya biblioteka i ee osnovatel igumen Dosifej // Trudy otdeleniya drevnerusskoj literatury AN SSSR. — Vyp. XVIII. — M.; L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR. — S. 294–304.
36. Rozysknoe delo o podgotovke vosstaniya ostyakami i samoedami Berezovskogo uezda pod rukovodstvom knyazya Obdorskoj volosti Ermaka Mamrukova 1662 g. // Vershinin E. V., Vizgalov G. P. Obdorskij kraj i Mangazeya v XVII veke: sbornik dokumentov. — Ekaterinburg: Tezis, 2004. — 200 s.
37. Roshchevskaya L. P. Vklad ssylnyh revolyucionerov vtoroj poloviny XIX veka v razvitie kulturey Evropejskogo Severa // Narodnaya kultura Severa: «pervichnoe» i «vtorichnoe», tradicii i novacii. — Arhangel'sk: [b. i.], 1991. — 231 s.
38. Roshchevskaya L. P. Rol ssylnyh revolyucionerov v razvitii knizhnoj kulturey na Evropejskom Severe // Evropejskij Sever: istoriya i sovremennost: tezisy dokladov. — Petrozavodsk: KNC AN SSSR, 1990. — 166 s.
39. Savvaitov P. I. O zyryanskikh derevyannyh kalendaryah i o permskoj azbuke, izobretennoj svyatym Stefanom. — M.: V sinod. tip., 1873. — [2], 16 s.
40. Slavnoe desyatiletie. Nacionalnyj soyuz bibliofilov v datah i sobyitiyah. 2010–2020 / sost. M. V. Seslavinskij. — M.: Izd-vo Stolyarovyh, 2021. — 541 s.
41. Tomov E. Ekslibris. — Sofiya: Blgarski hudozhnik, 1977. — 318 s.
42. Tumurova A. T. Obychnoe pravo buryat: istoriko-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2010. — 38 s.
43. Tumurova A. T. Ponyatie obychnogo prava (funkcionalnyj podhod) // Lex russica. — 2017. — № 11 (132). — S. 9–23.
44. Holopova L. A. Chastnye kollekcii predstavitelej intelligencii XIX — nachala XX veka v fondah Nacionalnoj biblioteki Respubliki Komi // Knizhnye sobraniya Russkogo Severa: problemy izucheniya, obespecheniya sohrannosti i dostupnosti. Vyp. 6: sbornik statej / [sost.: N. P. Lihacheva]. — Arhangel'sk: Arhang. obl. nauch. b-ka imeni N.A. Dobrolyubova, 2013. — 252 s.
45. Chernecov V. N. K istorii rodovogo stroya u obskih ugrov // Sovetskaya etnografiya. — 1947. — T. 6, 7. — S. 159–183.
46. Yung K. G. Analiticheskaya psihologiya. — SPb.: Kentavr, 1994. — 136 s.
47. Drogin M. Anathema! Medieval Scribes and the History of Book Curses. — Mont-clair, New Jersey, 1983. — 157 p. — URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/pbsa.78.3.24302848/> (data obrashcheniya: 10.11.2021).
48. Meier A. 19th and 20th — Century Bookplates as Deeply Personal Brands of the Home Library. — Hyperallergic, Brooklyn, New York, 2009–2021. — URL: <https://hyperallergic.com/162182/19th-and-20th-century-bookplates-as-deeply-personal-brands-of-the-home-library/> (data obrashcheniya: 10.11.2021).

Стиль юридического мышления как правовой метафеномен

Аннотация. Углубление юридической рефлексии в сфере теоретических обобщений диктует необходимость поиска новых теоретических и методологических подходов. На этом фоне использование в правовой сфере понятий, используемых в философии науки (парадигма, стиль мышления, научная картина мира, исследовательская программа и др.), становится всё более частым явлением. При изучении тенденций развития права уже не получится обойтись без использования эпистемологического потенциала понятия «стиль юридического мышления». Цель исследования заключается в формировании научного представления о стиле юридического мышления как правовом метафеномене в контексте юридической эпистемологии. Для достижения поставленной цели проанализировано место понятия «стиль юридического мышления» в теории правовых метафеноменов, сформулирована его авторская дефиниция, раскрыты существенные признаки, предложена классификация, обозначены перспективы использования знаний о стиле юридического мышления. Понятие «стиль юридического мышления» рассмотрено как элемент теории метафеноменов в праве. Проведено разграничение со смежными понятиями «правовая парадигма», «юридическая картина мира», «правовая традиция». Исследован прогностический и интерпретационный потенциал знания о стиле юридического мышления. Сделаны выводы о том, что основным критерием разграничения стилей в юриспруденции является смена эпох; стиль юридического мышления сопровождает сложившийся правовой порядок, способствует его становлению; юридико-технические ориентиры доминирующего стиля мышления позволяют «консервировать» содержание и элементный состав правовых регуляторов, характерных для данной эпохи в праве; эпохи и корреспондирующие им стили мышления не только сменяют друг друга, но и сосуществуют; закономерна постановка вопроса о стиле юридического мышления эпохи искусственного интеллекта и др.

Ключевые слова: стиль юридического мышления; юридическая эпистемология; правовая парадигма; юридическая картина мира; юридическая техника; правовая традиция; правовой метафеномен; технологический уклад; цифровое право; искусственный интеллект.

Для цитирования: Шаханов В. В. Стиль юридического мышления как правовой метафеномен // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 7. — С. 24–37. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.024-037.

© Шаханов В. В., 2022

* Шаханов Вячеслав Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала РАНХиГС
ул. Горького, д. 59а, г. Владимир, Россия, 600017
Shakhanov.vyacheslav@mail.ru

Legal Thinking Style as a Legal Metaphenomenon

Vyacheslav V. Shakhanov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory and History of the State and Law, Vladimir Branch of RANEPa
ul. Gorkogo, d. 59a, Vladimir, Russia, 600017
Shakhanov.vyacheslav@mail.ru

Abstract. Deepening of legal reflection in the field of theoretical generalizations enforces the need to search for new theoretical and methodological approaches. In this regard, in the legal field, the use of concepts adopted from the philosophy of science (paradigm, style of thinking, scientific picture of the world, research program, etc.) is becoming more and more frequent. When studying trends in the development of law, it will no longer be possible to do without using an epistemological potential of the concept of «style of legal thinking». The purpose of the study is to form a scientific understanding of the style of legal thinking as a legal metaphenomenon in the context of legal epistemology. To achieve this goal, the author analyzes the place of the concept of «style of legal thinking» in the theory of legal metaphenomena and gives his own definition of the term under consideration. The paper explains essential features, proposes a classification and outlines the prospects for using knowledge about the style of legal thinking. The concept of «style of legal thinking» is considered as an element of the theory of metaphenomena in law. The author draws a distinction between related concepts of «legal paradigm», «legal picture of the world», «legal tradition». The paper deals with prognostic and interpretative potential of knowledge about the style of legal thinking. Conclusions are drawn that the main criterion for distinguishing styles in jurisprudence is the change of epochs; the style of legal thinking accompanies the established legal order, contributes to its formation; legal and technical guidelines of the dominant style of thinking allow «preserving» the content and elemental composition of legal regulators of a certain era in law; epochs and corresponding styles of thinking not only replace each other, but also coexist; the question of the style of legal thinking of the era of artificial intelligence is natural, etc.

Keywords: style of legal thinking; legal epistemology; legal paradigm; legal picture of the world; legal technique; legal tradition; legal metaphenomenon; technological structure; digital law; artificial intelligence.

Cite as: Shakhanov VV. Stil yuridicheskogo myshleniya kak pravovoy metafenomen [Legal Thinking Style as a Legal Metaphenomenon]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(7):24-37. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.024-037. (In Russ., abstract in Eng.).

Несмотря на свою консервативность, юридическая наука активно развивается, что делает уместным и закономерным вопрос не только о ее прошлом и настоящем, но и о будущем¹. Природа и эволюция права могут быть познаны и в полной мере исследованы лишь с учетом понятий эпистемологического ряда. К их числу, на наш взгляд, следует отнести стиль юридического мышления. Это понятие остается одним из наименее разработанных

среди понятий эпистемологической направленности в юриспруденции². Его осмысление осложняется конкуренцией эпистемологических теорий и сложностями внедрения в правовую сферу терминологии, разработанной для нужд философии науки.

Появление стиля в юридическом мышлении обусловлено углублением юридической рефлексии, вызванной необходимостью теоретических обобщений. Для понимания происходящих в

---

¹ См., например: Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Стёпина и юридическая наука. М. : Российская академия наук; ИЗИСП при Правительстве РФ; Инфра-М, 2020. 176 с.

² Как отмечает Ж.-Л. Бертель, «...следует отличать общую теорию права от юридической эпистемологии, представляющей собой критическое исследование принципов, постулатов, методов и результатов процесса познания права. Эпистемология обращается только к исследованию способов познания права и предназначена для направления юридической мысли, обособляясь от реальной жизни и от понятных для

общественно-правовой жизни процессов иногда необходимо оперировать абстракциями самого высокого уровня обобщения (правовая жизнь, правовая реальность, правовая действительность и др.) либо понятиями метатеории права. Последние определяют границы познания явлений правовой действительности, устанавливают направление поиска, дают представление о звеньях и связях в логической структуре объекта (познаваемого) явления, отражают его первооснову и сущностные доминанты (стиль юридического мышления, правовая парадигма, юридическая картина мира и др.). Только с их «высот» приходит понимание тенденций развития права.

1. Стиль научного мышления и стиль юридического мышления в контексте правовой эпистемологии

Юридическое мышление не раз становилось объектом пристального внимания правоведов, но его стилиевая составляющая в эпистемологическом ключе обычно оставалась за рамками исследования либо подвергалась лишь фрагментарному восприятию³. Немногочисленными исключениями являются исследование А. И. Овчинниковым рационально-натуралистического стиля правового мышления как результата классической парадигмы⁴ и рассмотрение Е. В. Тимошиной классического и постклассического правопоминания как стилей философско-правового мышления⁵. Соглашаясь с И. Л. Честновым, отметим, что «современная теория и философия права уделяют непозволительно мало внимания юридико-эпистемологической проблематике»⁶. В целом же работа в этом на-

всех потребностей с целью рассмотрения исключительно чистых понятий, их внутреннего упорядочения отдельно от тех конкретных интересов, которые они представляют, и с целью получения юридических построений за счет исключительно интеллектуальных усилий. Эпистемология, таким образом, тоже ориентирована преимущественно на то, каким должно быть право, а не на то, какое оно есть» (*Бержель Ж.-Л.* Общая теория права : пер. с фр. / под общ. ред. В. И. Даниленко. М. : Nota Bene, 2000. С. 20.).

- ³ О проблемах юридического мышления см., например: Юридическое мышление: классическая и постклассическая парадигмы : кол. монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2020. 464 с. ; *Савенков А. Н.* Философия права и юридическое мышление: история и современность // Вопросы философии. 2019. № 8. С. 38–48 ; *Ромашов Р. А.* Правовое знание и юридическое мышление как системные элементы правовой культуры // Право и государство: культурологическое измерение : сборник трудов конференции. СПб. : Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2019. С. 30–33 ; *Петрова Е. А.* Роль юридического мышления в механизме правотворчества // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 3 (20). С. 67–73 ; *Честнов И. Л.* Юридическое мышление в постклассической перспективе // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 3 (20). С. 9–14 ; *Давыдова М. Л.* Профессиональное мышление юристов в сравнительно-правовом ракурсе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 5 (9). С. 66–72 ; *Зыков Д. В.* Виды юридического мышления: методологическое и теоретико-правовое обоснование : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. 238 с. ; *Авакян Т. В.* Юридическое мышление в правоприменительном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. 186 с. ; *Овчинников А. И.* Правовое мышление : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. Ростов н/Д, 2004. 512 с.
- ⁴ Рационально-натуралистический стиль правового мышления рассмотрен А. И. Овчинниковым в объеме параграфа диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук (см.: *Овчинников А. И.* Правовое мышление : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. Ростов н/Д, 2004. С. 19).
- ⁵ См.: *Тимошина Е. В.* Классическое и постклассическое правопоминание как стили философско-правового мышления // Постклассическая онтология права : монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2016. С. 218–294.
- ⁶ *Честнов И. Л.* Методология и методика юридического исследования : учеб. пособие. СПб. : С.-Петерб. юрид. ин-т Генер. прокуратуры РФ, 2004. С. 12.

правлении ведется, но говорить об определенности предмета и элементного состава юридической эпистемологии пока преждевременно⁷.

В эпистемологии используется термин «стиль научного мышления». Его мы рассматриваем как родовое понятие по отношению к стилю юридического мышления. Хотя появление стилей юридического мышления, безусловно, предшествовало их научному осмыслению. Следует сделать оговорку о том, что стили научного мышления имеют весьма развернутую классификацию⁸. Стиль мышления рассматривается в науке преимущественно как способ видения реальности, определяемый эпохальными масштабами, что получило концентрированное выражение в афоризме: «Стиль — это эпоха» (И. Винкельман).

Большого разнообразия дефиниций понятия «стиль юридического мышления» в научной литературе мы не обнаружили. С. Ю. Журавлев под стилем юридического мышления предлагает понимать особую структуру мыслительности, «которая предвещает внешние действия, является условием эффективности принимае-

мых методических и тактических решений, условием оптимизации процесса правоприменения и правотворчества»⁹. Что из себя представляет «особая структура мыслительности», автор не раскрывает.

С. В. Куклин определяет стиль правового мышления как «открытую самоорганизующуюся систему интеллектуальных стратегий, приемов, навыков и операций, присущих юристам — представителям той или иной правовой семьи в силу ее определенных особенностей, в первую очередь ведущих источников (форм) права»¹⁰. В этом случае стиль юридического мышления рассматривается как элемент разграничения видов правовых семей. Здесь хотелось бы уточнить, что в сравнительном правоведении термин «стиль юридического мышления» не всегда употребляют в эпистемологическом ключе. На наш взгляд, здесь правильнее использовать термин «тип юридического мышления». Тип мышления, безусловно, определяется стилем, но не поглощает его.

Л. А. Микешина обращает внимание на тот факт, что понятие «стиль мышления» встреча-

⁷ О проблемах юридической эпистемологии см., например: *Малинова И. П.* Эпистемология права // Российский юридический журнал. 1999. № 3. С. 7–41; *Дидикин А. Б., Оглезнев В. В.* Онтология и эпистемология права: аналитическая традиция: монография. Новосибирск: Новосибирский государственный ун-т, 2012. 200 с.; *Мелкевик Б.* Юридическая эпистемология и «уже-право» // Правоведение. 2015. № 4 (321). С. 6–49; *Шапсугов Д. Ю.* Правовая эпистемология как система знаний о мире права, его «производстве», структурировании и использовании во благо человека // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 1. С. 46–55; *Веденеев Ю. А.* Эпистемология права: между догматическим наследием и языком новой аналитики // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 1 (11). С. 7–14.

⁸ Выделяют эмпирические и теоретические классификации. Так, по референту различают: стили мышления эпохи, стиль мышления конкретной науки, стиль мышления ученых данной школы, стиль мышления специалистов определенной профессии, стиль мышления отдельного ученого. Историческая классификация исходит из периодизации. Теоретические классификации также весьма разнообразны и в большинстве своем опираются на сферу естествознания. Так, В. Уэвелл в качестве оснований для выделения эпох рассматривает применяемые идеи и методы, язык науки и тип объяснений. М. Борн, останавливаясь на проблеме периодизации, в качестве классификационного критерия выделяет изменение субъект-объектных отношений. Ю. В. Сачков выделяет стили научного мышления исходя из определенного вида (типа, класса) логических структур классов (см.: *Микешина Л. А.* Детерминация естественно-научного познания. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1977. С. 83–97).

⁹ *Журавлев С. Ю.* Криминалистический стиль мышления: методическое содержание и соотношение с квалификационным пониманием расследуемых событий // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 127.

¹⁰ *Куклин С. В.* Значение источников (форм) права для формирования стиля правового мышления // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2018. Т. 18. № 3. С. 85.

ется во многих работах, освещающих вопросы методологии научного исследования, но очень часто авторы не удосуживаются его определять, поскольку считают интуитивно ясным¹¹. Сама она определяет стиль научного мышления как исторически сложившуюся, устойчивую систему «общепринятых методологических нормативов и философских принципов, которыми руководствуются исследователи в данную эпоху»¹². По мнению Е. В. Тимошиной, посредством категории «стиль научного мышления» выражают «определяемые фундаментальными ценностями культуры соответствующей исторической эпохи способы видения реальности в науке, методы научного исследования, стандарты изложения научного знания, критерии научности, не всегда эксплицируемые мировоззренческие основания науки»¹³. Полагаем, что применение общенаучной терминологии к юридическим исследованиям без учета специфики последних не всегда корректно. В таких ситуациях право рискует быть представленным в качестве «облака в штанах»¹⁴.

Стиль не является «началом вещей»¹⁵, это, скорее, характеристика среды их существования. Стиль мышления зависит от ряда причин, в том числе и гносеологического характера. Мышление обусловлено используемым методологическим инструментарием, но им же и ограничено. Так, диалектический метод, возвысивший Болонскую школу глоссаторов, в то же время задал и пределы ее развития¹⁶.

Полагаем, что стиль юридического мышления должен быть определен как применительно

к субъекту познания, так и в отношении объекта познания. Стиль юридического мышления субъекта познания (стиль мышления научного сообщества, стиль мышления ученого данной юридической школы) определяется системой методологических подходов и правовых принципов, действующих в соответствующей профессиональной среде, научных школах, научных сообществах. В таком амплуа он конкурирует с понятием «правовая парадигма», которое тесно взаимосвязано с понятием «научное сообщество». В этой связи значительную ценность для развития теории познания права имело бы рассмотрение стиля юридического мышления как характеристики объекта познания. Данный подход коррелирует с изменением вектора исследований в эпистемологии от субъектоцентризма в сторону объекта исследования. «Призыв “назад к субъекту” сегодня означает возврат к классической эпистемологии, непонимание новых проблем эпистемологии неклассической, для которой характерен как раз отказ от субъектоцентризма», — справедливо отмечает В. А. Лекторский¹⁷. Тем не менее мы исходим из того, что разрыв субъект-объектных отношений в анализируемой нами сфере невозможен¹⁸, и в рамках данного исследования будем рассматривать стиль юридического мышления как результат их симбиоза.

Исследователи отмечают, что кроме логико-гносеологического аспекта стиль научного мышления содержит и социально-исторический и ценностный аспекты. На них ориентируют дававшиеся ранее имплицитные определения,

¹¹ Микешина Л. А. Указ. соч. С. 60.

¹² Микешина Л. А. Указ. соч. С. 63.

¹³ Тимошина Е. В. Указ. соч. С. 221.

¹⁴ О том, что право — это не «облако в штанах», любил поговаривать в ходе научных дискуссий известный правовед, доктор юридических наук Михаил Иосифович Байтин (22.12.1921–13.04.2009).

¹⁵ Фома Аквинский, комментируя трактат Аристотеля «О душе», пришел к выводу, что «начала вещей нам неизвестны».

¹⁶ Об этом см.: Полдников Д. Ю. Институт договора в правовой науке Западной Европы XI–XVIII веков: уч. пос. / Д. Ю. Полдников; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. С. 76.

¹⁷ Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Ленанд, 2019. С. 8, 9.

¹⁸ Наделение мыслительными способностями объекта в отрыве от познающего субъекта выглядело бы очень искусственно. Положительный эффект такого подхода весьма сомнителен.

где говорилось, что в стиле мышления «скрыта хорошая доля духа времени» (Э. Шредингер) и что он отражает «общее расположение умов в нашу эпоху» (А. Декандол)¹⁹. Безусловно, эти компоненты должны быть учтены при преломлении понятия «стиль научного мышления» в юридической плоскости.

2. Стиль юридического мышления в контексте теории правовых метафеноменов

Доминирование «металексики» приобретает поистине «вселенские» масштабы. Основатель социальной сети Facebook Марк Цукерберг уже переименовал ее в Meta и заявил о работе над созданием «метавселенной»²⁰. Растет использование терминологии с приставкой «мета» и в юридической науке²¹.

Элементным составом теории правовых метафеноменов является не только термино-

логия с приставкой «мета», и даже не столько она, сколько совокупность правовых явлений, дающих представление о звеньях и связях в логической структуре объектного (познаваемого) явления, отражающих его первооснову и сущностные доминанты²². Их можно разделить на метафеномены теоретического и философского уровней²³. Стиль юридического мышления мы рассматриваем как один из элементов данной теории — метафеномен философского уровня. Здесь он конкурирует с понятиями «правовая парадигма» и «юридическая картина мира». Солидаризируясь с Л. А. Микешиной, мы рассматриваем парадигму как «логико-методологическое ядро господствующего стиля мышления, которое может изменяться при сохранении стиля»²⁴. Под правовой парадигмой мы предлагаем понимать совокупность идеальных фрагментов правовой действительности (принципы познавательной деятельности, теоретические конструкции, ценностные установки, кон-

¹⁹ См.: Микешина Л. А. Указ. соч. С. 61.

²⁰ Голованов Г. Facebook создаст в ЕС 10 тысяч рабочих мест для разработки метавселенной // URL: https://hightech.plus/2021/10/18/facebook-sozdast-v-es-10-tisyach-rabochih-mest-dlya-sozdaniya-metavselennoi?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=163473374900052563b3c8877a5946e64cc998310000d?from=newswizard&lang=ru&persistent_id=166902050&rubric=computers&stid=tvwfJGf1OI3QMDGb6zC1&wan=1&wizard=story (дата обращения: 20.10.2021).

²¹ «Метатеория», «метаязык в праве», «метафизика права», «метаправо», «метаотрасль», «метатеоретический подход», «метанаучное средство», «метасистемное явление», «метаюридическое понятие», «метаданные», «метанорма», «метапрограммы», «метадогматика», «правовая метасистема», «метасистемный подход», «метаконституционный контекст», «право метамодерна», «метаправовой критерий», «метакатегория», «метатекст», «метаюридические характеристики», «метатеоретическое моделирование», «метаразметка» и др.

²² Под метафеноменами в праве мы предлагаем понимать явления теоретического и философского уровня, определяющие границы познания явлений правовой действительности и устанавливающие направление поиска, в целях изучения и восприятия явлений либо производных, либо взаимообусловленных. Они дают представление о звеньях и связях в логической структуре объектного (познаваемого) явления, отражают его первооснову и сущностные доминанты.

²³ В качестве правовых метафеноменов теоретического уровня мы рассматриваем: принципы права, функции права, правовые модели, правовые аксиомы, общеродовые (общевидовые) правовые теории (теория естественного права, теория позитивного права, теория правового государства и др.), понятийные ряды правовых категорий, юридические конструкции, общетеоретические правовые категории, правовые методы и др. К метафеноменам философского уровня мы относим правовые парадигмы, стили юридического мышления, правовую картину мира и иные подобные явления. Метафеноменами они являются не в отношении самих себя. Их метафеноменальность проявляется в инструментальных возможностях по отношению к познаваемому (объектному) явлению.

²⁴ Микешина Л. А. Указ. соч. С. 64.

цептуальные воззрения и т.п.), используемых членами научного сообщества без сомнений и разногласий, составляющих основу его деятельности по приращению научных знаний. Правовые парадигмы создают определенное видение правовой реальности и в конечном счете детерминируют эволюционную фазу формирования юридической системы, являются отражением «духа времени».

Гуманитарной сфере, в том числе юриспруденции, свойственна мультипарадигмальность. Исходя из степени влияния на правовую действительность, целесообразно выделять господствующую правовую парадигму и вспомогательные. В юридической сфере парадигмы приходят и уходят, но стили сохраняют свою «жизнеспособность». Правовая реальность, претерпевая порой существенные изменения своего позитивистского компонента, сохраняет преемственность благодаря консервативности стиля. Ведь стиль характеризует эпоху, а этому явлению присущи устойчивость и относительное долголетие.

Юридическая картина мира выступает как понятие, конкурирующее с правовой реальностью, правовой действительностью и правовой жизнью. Соотнести их можно только с учетом эпистемологического контекста юридической картины мира, сквозь призму отношения «объект-знание». Соглашаясь с Ю. А. Веденевым, предлагаем рассматривать юридическую картину мира как «своего рода коллективное бессознательное и сознательное, метапредставления о должном или недолжном порядке социальных отношений, ожидание права и переживание отсутствия права»²⁵.

Еще одним смежным по отношению к стилю правового мышления понятием является «правовая традиция»²⁶. Полагаем, что правовая традиция является одним из элементов понятийного ряда категории «стиль юридического мышления». Стиль выражается не только в традиционализме, но и в новациях, свойственных эпохам, корреспондирующих соответствующим стилям мышления. Кроме того, понятие «правовая традиция» не является метафеноменом философского уровня, а, скорее, находится на «границе смыслов», объединяющей метафеномены теоретического уровня и метафеномены философского уровня²⁷.

Еще одним смежным по отношению к стилю правового мышления понятием является «правовая традиция»²⁶. Полагаем, что правовая традиция является одним из элементов понятийного ряда категории «стиль юридического мышления». Стиль выражается не только в традиционализме, но и в новациях, свойственных эпохам, корреспондирующих соответствующим стилям мышления. Кроме того, понятие «правовая традиция» не является метафеноменом философского уровня, а, скорее, находится на «границе смыслов», объединяющей метафеномены теоретического уровня и метафеномены философского уровня²⁷.

3. Понятие и классификация стилей юридического мышления

Под стилем юридического мышления (в контексте симбиоза субъект-объектных отношений) мы предлагаем понимать комплекс логико-гносеологических, социально-исторических, ценностных и технологических ориентиров, оказывающих существенное влияние на содержание и элементный состав правовых регуляторов, рассматриваемых как способ видения правовой реальности, позволяющих выделять

²⁵ Веденев Ю. А. Юридическая картина мира: между должным и сущим // Lex russica (Русский закон). 2014. № 6. С. 645.

²⁶ О правовой традиции см.: Пашенцев Д. А., Черногор Н. Н. Правовая традиция и правопорядок: соотношение и взаимовлияние // Правозащитник. 2017. № 1. С. 2.

²⁷ Выделение метафеноменов в праве позволит конкретизировать «границу смыслов», соединяющую теорию права и философию права, а также будет способствовать решению научной задачи упорядочения элементов правовой действительности в части уточнения теории понятийных рядов правовых категорий. Действие правовых метафеноменов на «приграничной» территории может носить аномальный характер. Традиционные подходы к содержанию правового инструментария в зоне действия «границы смыслов» не являются эффективными, так как возрастает значение фактора неопределенности. Добавляются новые неизвестные, которые усложняют решение «правового уравнения». Наличие зоны неопределенности носит объективный характер, так как она обусловлена многими факторами хаотического порядка. Ее сокращение является одной из задач юридической науки. Она имеет не только негативный, но и позитивные аспекты. Оптимизация взаимодействия этих аспектов повысит эффективность правового регулирования.

эпохи в праве и констатировать их смену, сопровождать и изменять сложившийся правовой порядок.

Логико-гносеологические ориентиры конкретизируются в определенных интерпретационных схемах, алгоритмах, сущностях, разделяемых и эксплуатируемых представителями научного сообщества, использующими определенную дисциплинарную матрицу как банк знаний и определенный познавательный инструментарий как средство для достижения новых научных результатов. Обычно эти знания, умения и навыки прививаются определенными научными школами в ходе научного консультирования и руководства, научных дискуссий (здесь возможно оперирование и таким понятием, как «мнение кафедры»), подготовки научных публикаций, чтения рекомендуемой научной литературы и др.

Социально-исторические и ценностные ориентиры определяются социально-экономической и политической ситуацией в месте проживания, воспитанием (в том числе и правовым), зависят от психологических особенностей личности исследователя, качества полученного образования и его специализации. Общественная практика конкретного исторического периода актуализирует необходимость определенных теоретических направлений²⁸.

Большое влияние на стиль юридического мышления оказывают технологические ориентиры. На состояние правовой реальности оказывают существенное влияние технологические уклады, доминирующие на определенном этапе технологического развития²⁹. «Динамику права

определяют уже не идеологические различия прошлого века, давно уже не вопросы веры и даже не цивилизационные особенности, а вопросы науки, техники и технологий», — справедливо отмечает В. Н. Синюков³⁰.

Содержание и элементный состав правовых регуляторов также определяется стилем юридического мышления. Например, он влияет на содержательную сторону элементов юридической техники, т.е. на то, что в рамках данной эпохи является презумпцией, фикцией, аксиомой, какие принципы лежат в основе формирования правовой системы и т.п. Разные эпохи ставили во главу угла разные ценности, что, безусловно, влияло на набор средств и способов защиты, на категории населения, которым предоставлялась защита с использованием правовых средств и др. «Общественное сознание, а значит, правопорядок, признает, что в многообразии противостоящих друг другу интересов членов общества некоторые более достойны защиты, чем другие», — отмечает Ч. Санфилиппо³¹.

Эпоха воспринимается как нечто вечное, неизменное. Хотя, как отмечает Н. С. Бондарь, анализируя конституционно-правовую сферу, «“вечность” в сфере конституционно-правовой жизни отнюдь не тождественна понятию “неизменность”, что подтверждается также и практикой современного конституционализма»³². Смена эпох влияет и на набор правового инструментария. Если в Древнем Риме и средневековой Европе правовые максимы выступали в качестве правовых средств — участников процесса правового регулирования, то в настоящее

²⁸ А. М. Васильев включает теоретические разработки, выдвигаемые потребностями общественной практики конкретного периода, в логический строй теории государства и права, хотя бы и в качестве менее устойчивого элемента, не определяемого непосредственно ее предметом (Васильев А. М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права : монография. Репр. изд. М. : Норма: Инфра-М, 2021. С. 40.).

²⁹ Об этом см.: Смена технологических укладов и правовое развитие России : монография / Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило, А. А. Дорская. М. : ИЗиСП: Норма: Инфра-М, 2021. 184 с.

³⁰ Синюков В. Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica. 2021. Т. 74. № 2. С. 11.

³¹ Санфилиппо Ч. Курс римского частного права : учебник. М. : Норма, 2007. С. 37.

³² Бондарь Н. С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире // Государство и право. 2020. № 6. С. 22.

время считать их правовыми средствами можно лишь с некоторой долей условности³³.

Стили юридического мышления позволяют разграничивать эпохи в праве, к каковым их и следует привязывать. Юридическая техника является одним из средств выражения стиля юридического мышления. Юридико-технические ориентиры доминирующего стиля мышления позволяют «консервировать» содержание и элементный состав правовых регуляторов, характерных для данной эпохи в праве.

Стиль юридического мышления сопровождает сложившийся *правопорядок*, способствует его становлению. Новый стиль влечет изменение правопорядка. В качестве предтечи правопорядка можно рассматривать политико-правовые категории, отражающие состояние порядка, гармонии и покоя. К их числу можно отнести существовавшее в Древнем Египте понятие «маат», т.е. особый общественный порядок и истину на месте беспорядка³⁴. Дифференциация общественного сознания привела к появлению новых категорий, более конкретных по отношению к отдельным социальным регуляторам, в том числе и к появлению категории «правопорядок». Стиль мышления можно рассматривать как связующее звено между отдельными категориями, используемыми для характеристики форм мышления определенной эпохи.

Классификация эпох в праве и корреспондирующих им стилей юридического мышления в сфере правовой действительности обречена на дискуссионность. Добиться единства в вопросе выработки классификационных критериев весьма проблематично из-за сложности и многообразия социальных процессов. В основу классификации могут быть положены, например: способ объективации вовне правовых норм (эпоха обычного права и эпоха писанного права); способ разрешения правовых ситуаций (эпоха «кулачного» права (права силы) и эпоха примирительных и согласованных процедур процессуального права); основополагающие

документы (доконституционная эпоха и эпоха конституционализма); наличие определенных государственных органов (допарламентарная эпоха и эпоха парламентаризма); юридические «тренды» (эпоха возрождения римского права, эпоха прав человека и т.п.); степень свободы человека, скованность устанавливаемыми государством правовыми рамками (право эпохи модерна и право эпохи постмодерна); способ обработки правовой информации (доцифровая эпоха в праве и эпоха цифрового права); действующий технологический уклад (право эпохи первого экономического уклада, право эпохи второго экономического уклада и т.д.) и др.

Корреспондирующие данным эпохам стили могут быть поименованы по названиям этих эпох (стиль юридического мышления эпохи конституционализма, стиль юридического мышления эпохи парламентаризма и т.п.).

Очевидно, что эпохи и корреспондирующие им стили мышления, выделяемые по различным классификационным критериям, не только сменяют друг друга, но и сосуществуют, что затрудняет комплексную классификацию стилей мышления, характерных для определенного временного периода. Тем не менее работа в этом направлении имеет огромный эвристический потенциал, может представлять большой интерес для отработки методологии юридического прогнозирования и иметь существенное значение для толкования правовых норм.

4. Перспективы использования знаний о стиле юридического мышления

Стиль юридического мышления определяет наличие *конституционной самобытности*. Данный термин (constitutional identity) используется в Договоре о Европейском Союзе. Его легализация в российском законодательстве позволила бы, по мнению Т. И. Ряховской, «иметь максимально продуктивный диалог с Европейским

³³ См.: *Зяблова Т. Е., Мамчун В. В.* Правовые максимы: проблемы идентификации // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 2. С. 206.

³⁴ О понятии «маат» см., например: *Графский В. Г.* Всеобщая история права и государства : учебник для вузов. М. : Норма, 2007. С. 78.

Судом по правам человека, сохранив неоспоримыми конституционные особенности, которые присущи только отечественному государству»³⁵.

Современная юридическая наука развивается не только в рамках идеологических парадигм. Предпринимаются и попытки использования технологических парадигм. В качестве таковой можно рассматривать парадигму цифровизации права и государственного управления, которая является логико-методологическим ядром стиля юридического мышления эпохи пятого технологического уклада. Эпоха цифрового права еще не стала реальностью, она имеет пока лишь общие очертания. С практической точки зрения существенный интерес представляют элементы нового, формирующегося стиля мышления эпохи цифрового права.

Полагаем, что несмотря на значительные возможности цифровой обработки правовых актов и иной юридически значимой информации, рост массива законодательного регулирования приведет к изменению презумпции знания закона на *презумпцию знания законодательных основ*.

Исследователи прогнозируют существенные изменения правового понятийно-категориального аппарата в условиях цифровизации³⁶. Свою лепту в формирование стиля юридического мышления эпохи цифрового права внесет и практика использования *искусственного интеллекта*. Так, возможность генерации типовых судебных решений при помощи искус-

ственного интеллекта обсуждается не только научным сообществом, но и органами государственной власти. В этой связи закономерно постановка вопроса о стиле юридического мышления искусственного интеллекта. Пока очевидно лишь то, что данному стилю качество справедливости присуще не будет, поскольку им может обладать лишь человек. Соглашаясь с М. И. Клеандровым, отметим, что запрограммировать чувство справедливости в искусственном интеллекте невозможно³⁷. «Возможная в будущем роботизация правосудия грозит опасностью следования определенному алгоритму без учета индивидуальных особенностей рассматриваемого дела и его участников», — справедливо отмечает А. В. Корнев³⁸.

Использование искусственного интеллекта в процессе правоприменительной деятельности обострит риски объективного вменения³⁹, затруднит конкретизацию правовых отношений⁴⁰.

В последнее время исследователи всё чаще обращаются к теме юридического прогнозирования⁴¹. Полагаем, что успех данного вида деятельности напрямую зависит от понимания тенденций трансформации стилевой составляющей права. Еще М. Борн обратил внимание на то, что знакомство со стилем позволяет делать осторожные предсказания либо отвергать чуждые стилю нашего времени идеи⁴². Стиль определяет логико-гносеологические, социально-исторические и ценностные ориентиры эпохи в праве. Чувство стиля позволяет осуществлять

³⁵ Ряховская Т. И. Преемственность в конституционном праве в контексте конституционной самобытности // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 2. С. 33.

³⁶ См.: Смена технологических укладов и правовое развитие России. С. 130.

³⁷ Клеандров М. И. Правосудие и справедливость : монография. М. : Норма: Инфра-М, 2022. С. 297, 298.

³⁸ Корнев А. В. Цифровые технологии, правовые риски и проблема их минимизации // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 9. С. 20.

³⁹ См.: Смена технологических укладов и правовое развитие России. С. 158.

⁴⁰ См.: Овчинников А. И., Хакимов И. А. Правоприменение, искусственный интеллект и контекстуальное значение принципов права // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 482.

⁴¹ См., например: Агамиров К. В. Онтологические, гносеологические и аксеологические основания юридического прогнозирования: философско-правовая парадигма // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 8. С. 20–35 ; Зайцева Е. С. Юридическое прогнозирование как средство установления пределов правового регулирования // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. Т. 27. № 3 (82). С. 221–225.

⁴² Борн М. Физика в жизни моего поколения : сборник статей / под общ. ред. С. Г. Суворова. М. : Изд-во иностр. лит., 1963. С. 227–228.

правовое прогнозирование, опережающее правотворчество, выявлять чуждые данной правовой системе или эпохе элементы.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Стиль юридического мышления является важным элементом теории метафеноменов в праве, одним из ключевых понятий юридической эпистемологии. Стили являются отражением эпох и меняются с их сменой, в них отображается как динамизм права, так и его консерватизм.

2. Знание о стиле юридического мышления имеет существенный прогностический потенциал, является ориентиром для целей опережающего правотворчества, может использоваться в вопросах толкования права, определяет наличие конституционной самобытности.

3. Перспективы использования знаний о стиле юридического мышления связаны с аналитическими прогнозами в области развития цифрового права, внедрения в сферу юридической деятельности искусственного интеллекта и др.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Авакян Т. В.* Юридическое мышление в правоприменительном процессе : дис. ... канд. юрид. наук — Ростов н/Д, 2006. — 186 с.
2. *Агамиров К. В.* Онтологические, гносеологические и аксеологические основания юридического прогнозирования: философско-правовая парадигма // Журнал российского права. — 2021. — Т. 25. — № 8. — С. 20–35.
3. *Бержель Ж.-Л.* Общая теория права : пер. с фр. / под общ. ред. В. И. Даниленко. — М. : Nota Bene, 2000. — 576 с.
4. *Бондарь Н. С.* «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире // Государство и право. — 2020. — № 6. — С. 20–34.
5. *Борн М.* Физика в жизни моего поколения : сборник статей / под общ. ред. С. Г. Суворова. — М. : Изд-во иностр. лит., 1963. — 535 с.
6. *Васильев А. М.* Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права : монография. — Репр. изд. — М. : Норма: Инфра-М, 2021. — 264 с.
7. *Веденев Ю. А.* Эпистемология права: между догматическим наследием и языком новой аналитики // Гражданин. Выборы. Власть. — 2019. — № 1 (11). — С. 7–14.
8. *Веденев Ю. А.* Юридическая картина мира: между должным и сущим // Lex russica (Русский закон). — 2014. — № 6. — С. 641–654.
9. *Графский В. Г.* Всеобщая история права и государства : учебник для вузов. — М. : Норма, 2007. — 752 с.
10. *Давыдова М. Л.* Профессиональное мышление юристов в сравнительно-правовом ракурсе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2015. — № 5 (9). — С. 66–72.
11. *Дидикин А. Б., Оглезнев В. В.* Онтология и эпистемология права: аналитическая традиция : монография. — Новосибирск : Новосибирский государственный ун-т, 2012. — 200 с.
12. *Журавлев С. Ю.* Криминалистический стиль мышления: методическое содержание и соотношение с квалификационным пониманием расследуемых событий // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2018. — № 2 (42). — С. 127–132.
13. *Зайцева Е. С.* Юридическое прогнозирование как средство установления пределов правового регулирования // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2021. — Т. 27. — № 3 (82). — С. 221–225.
14. *Зыков Д. В.* Виды юридического мышления: методологическое и теоретико-правовое обоснование : дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2015. — 238 с.
15. *Зяблова Т. Е., Мамчун В. В.* Правовые максимы: проблемы идентификации // Вестник Владимирского юридического института. — 2021. — № 2 (59). — С. 200–208.
16. *Клеандров М. И.* Правосудие и справедливость : монография. — М. : Норма: Инфра-М, 2022. — 364 с.

17. Корнев А. В. Цифровые технологии, правовые риски и проблема их минимизации // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 9. — С. 11–20.
18. Куклин С. В. Значение источников (форм) права для формирования стиля правового мышления // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». — 2018. — Т. 18. — № 3. — С. 81–87.
19. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. — М. : Ленанд, 2019. — 256 с.
20. Малинова И. П. Эпистемология права // Российский юридический журнал. — 1999. — № 3. — С. 7–41.
21. Малышкин А. В. Интеграция права и религии в конституционно-правовом регулировании // Государство и право. — 2020. — № 10. — С. 45–54.
22. Мелкевик Б. Юридическая эпистемология и «уже-право» // Правоведение. — 2015. — № 4 (321). — С. 6–49.
23. Микешина Л. А. Детерминация естественно-научного познания. — Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1977. — 104 с.
24. Овчинников А. И. Правовое мышление : дис. ... д-ра юрид. наук — Ростов н/Д, 2004. — 512 с.
25. Овчинников А. И., Хакимов И. А. Правоприменение, искусственный интеллект и контекстуальное значение принципов права // Юридическая техника. — 2020. — № 14. — С. 481–484.
26. Пашенцев Д. А., Черногор Н. Н. Правовая традиция и правопорядок: соотношение и взаимовлияние // Правозащитник. — 2017. — № 1. — С. 2.
27. Петрова Е. А. Роль юридического мышления в механизме правотворчества // Российский журнал правовых исследований. — 2019. — Т. 6. — № 3 (20). — С. 67–73.
28. Полдников Д. Ю. Институт договора в правовой науке Западной Европы XI–XVIII веков : уч. пособие / Д. Ю. Полдников; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. — 376 с.
29. Ромашов Р. А. Правовое знание и юридическое мышление как системные элементы правовой культуры // Право и государство: культурологическое измерение : сборник трудов конференции. — СПб. : Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2019. — С. 30–33.
30. Ряховская Т. И. Преемственность в конституционном праве в контексте конституционной самобытности // Журнал российского права. — 2021. — Т. 25. — № 2. — С. 30–44.
31. Савенков А. Н. Философия права и юридическое мышление: история и современность // Вопросы философии. — 2019. — № 8. — С. 38–48.
32. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права : учебник. — М. : Норма, 2007. — 463 с.
33. Синюков В. Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica (Русский закон). — 2021. — Т. 74. — № 2. — С. 9–20.
34. Смена технологических укладов и правовое развитие России : монография / Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило, А. А. Дорская. — М. : ИЗиСП: Норма: Инфра-М, 2021. — 184 с.
35. Тимошина Е. В. Классическое и постклассическое правопоимание как стили философско-правового мышления // Постклассическая онтология права : монография / под ред. И. Л. Честнова. — СПб. : Алетейя, 2016. — С. 218–294.
36. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Стёпина и юридическая наука. — М. : Российская академия наук; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Инфра-М, 2020. — 176 с.
37. Честнов И. Л. Методология и методика юридического исследования : учебное пособие. — СПб. : Санкт-Петербургский институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2004. — 128 с.
38. Честнов И. Л. Юридическое мышление в постклассической перспективе // Российский журнал правовых исследований. — 2019. — Т. 6. — № 3 (20). — С. 9–14.
39. Юридическое мышление: классическая и постклассическая парадигмы : кол. монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. — СПб. : Алетейя, 2020. — 464 с.

Материал поступил в редакцию 21 ноября 2021 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avakyan T. V. Yuridicheskoe myshlenie v pravoprimeritelnom processe: dis. ... kand. yurid. nauk — Rostov n/D, 2006. — 186 s.
2. Agamirov K. V. Ontologicheskie, gnoseologicheskie i akseologicheskie osnovaniya yuridicheskogo prognozirovaniya: filosofsko-pravovaya paradigma // Zhurnal rossijskogo prava. — 2021. — T. 25. — № 8. — S. 20–35.
3. Berzhel Zh.-L. Obshchaya teoriya prava: per. s fr. / pod obshch. red. V. I. Danilenko. — M.: Nota Bene, 2000. — 576 s.
4. Bondar N. S. «Vechnye» konstitucionnye idealy: naskolko oni neizmenny v menyayushchemsya mire // Gosudarstvo i pravo. — 2020. — № 6. — S. 20–34.
5. Born M. Fizika v zhizni moego pokoleniya: sbornik statej / pod obshch. red. S. G. Suvorova. — M.: Izd-vo inostr. lit., 1963. — 535 s.
6. Vasilev A. M. Pravovye kategorii: metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategorij teorii prava: monografiya. — Repr. izd. — M.: Norma: Infra-M, 2021. — 264 s.
7. Vedeneev Yu. A. Epistemologiya prava: mezhdru dogmaticheskim naslediem i yazykom novoj analitiki // Grazhdanin. Vybory. Vlast. — 2019. — № 1 (11). — S. 7–14.
8. Vedeneev Yu. A. Yuridicheskaya kartina mira: mezhdru dolzhnym i sushchim // Lex russica (Russkij zakon). — 2014. — № 6. — S. 641–654.
9. Grafskij V. G. Vseobshchaya istoriya prava i gosudarstva: uchebnik dlya vuzov. — M.: Norma, 2007. — 752 s.
10. Davydova M. L. Professionalnoe myshlenie yuristov v sravnitelno-pravovom rakurse // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2015. — № 1 (9). — S. 66–72.
11. Didikin A. B., Ogleznev V. V. Ontologiya i epistemologiya prava: analiticheskaya tradiciya: monografiya. — Novosibirsk: Novosibirskij gosudarstvennyj un-t, 2012. — 200 s.
12. Zhuravlev S. Yu. Kriminalisticheskij stil myshleniya: metodicheskoe sodержanie i sootnoshenie s kvalifikacionnym ponimaniem rassleduemyh sobytij // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. — 2018. — № 1 (42). — S. 127–132.
13. Zajceva E. S. Yuridicheskoe prognozirovanie kak sredstvo ustanovleniya predelov pravovogo regulirovaniya // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. — 2021. — T. 27. — № 1 (82). — S. 221–225.
14. Zykov D. V. Vidy yuridicheskogo myshleniya: metodologicheskoe i teoretiko-pravovoe obosnovanie: dis. ... kand. yurid. nauk. — Volgograd, 2015. — 238 s.
15. Zjablova T. E., Mamchun V. V. Pravovye maksimy: problemy identifikacii // Vestnik Vladimirsogo yuridicheskogo instituta. — 2021. — № 1 (59). — S. 200–208.
16. Kleandrov M. I. Pravosudie i spravedlivost: monografiya. — M.: Norma: Infra-M, 2022. — 364 s.
17. Kornev A. V. Cifrovye tekhnologii, pravovye riski i problema ih minimizacii // Aktualnye problemy rossijskogo prava. — 2021. — T. 16. — № 9. — S. 11–20.
18. Kuklin S. V. Znachenie istochnikov (form) prava dlya formirovaniya stilya pravovogo myshleniya // Vestnik YuUrGU. Seriya «Pravo». — 2018. — T. 18. — № 3. — S. 81–87.
19. Lektorskij V. A. Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya. — M.: Lenand, 2019. — 256 s.
20. Malinova I. P. Epistemologiya prava // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. — 1999. — № 3. — S. 7–41.
21. Malyshkin A. V. Integraciya prava i religii v konstitucionno-pravovom regulirovanii // Gosudarstvo i pravo. — 2020. — № 10. — S. 45–54.
22. Melkevik B. Yuridicheskaya epistemologiya i «uzhe-pravo» // Pravovedenie. — 2015. — № 1 (321). — S. 6–49.
23. Mikeshina L. A. Determinaciya estestvenno-nauchnogo poznaniya. — L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1977. — 104 s.
24. Ovchinnikov A. I. Pravovoe myshlenie: dis. ... d-ra yurid. nauk — Rostov n/D, 2004. — 512 s.
25. Ovchinnikov A. I., Hakimov I. A. Pravoprimerenie, iskusstvennyj intellekt i kontekstualnoe znachenie principov prava // Yuridicheskaya tekhnika. — 2020. — № 14. — S. 481–484.

26. Pashencev D. A., Chernogor N. N. Pravovaya tradiciya i pravoporyadok: sootnoshenie i vzaimovliyanie // Pravozashchitnik. — 2017. — № 1. — S. 2.
27. Petrova E. A. Rol yuridicheskogo myshleniya v mekhanizme pravotvorchestva // Rossijskij zhurnal pravovykh issledovanij. — 2019. — T. 6. — № 1 (20). — S. 67–73.
28. Poldnikov D. Yu. Institut dogovora v pravovoj nauke Zapadnoj Evropy XI–XVIII vekov: uch. posobie / D. Yu. Poldnikov; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». — M.: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2013. — 376 s.
29. Romashov R. A. Pravovoe znanie i yuridicheskoe myshlenie kak sistemnye elementy pravovoj kultury // Pravo i gosudarstvo: kulturologicheskoe izmerenie: sbornik trudov konferencii. — SPb.: Sankt-Peterburgskij gumanitarnyj universitet profsoyuzov, 2019. — S. 30–33.
30. Ryahovskaya T. I. Preemstvennost v konstitucionnom prave v kontekste konstitucionnoj samobytnosti // Zhurnal rossijskogo prava. — 2021. — T. 25. — № 2. — S. 30–44.
31. Savenkov A. N. Filosofiya prava i yuridicheskoe myshlenie: istoriya i sovremennost // Voprosy filosofii. — 2019. — № 8. — S. 38–48.
32. Sanfilippo Ch. Kurs rimskogo chastnogo prava: uchebnik. — M.: Norma, 2007. — 463 s.
33. Sinyukov V. N. Pravo XX i XXI vekov: preemstvennost i novizna // Lex russica (Russkij zakon). — 2021. — T. 74. — № 2. — S. 9–20.
34. Smena tekhnologicheskikh ukladov i pravovoe razvitie Rossii: monografiya / D. A. Pashencev, M. V. Zaloilo, A. A. Dorskaya. — M.: IZiSP: Norma: Infra-M, 2021. — 184 s.
35. Timoshina E. V. Klassicheskoe i postklassicheskoe pravopominanie kak stili filosofsko-pravovogo myshleniya // Postklassicheskaya ontologiya prava: monografiya / pod red. I. L. Chestnova. — SPb.: Aletejya, 2016. — S. 218–294.
36. Habrieva T. Ya., Chernogor N. N. Budushchee prava. Nasledie akademika V. S. Styopina i yuridicheskaya nauka. — M.: Rossijskaya akademiya nauk; Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitelstve RF; Infra-M, 2020. — 176 s.
37. Chestnov I. L. Metodologiya i metodika yuridicheskogo issledovaniya: uchebnoe posobie. — SPb.: Sankt-Peterburgskij institut Generalnoj prokuratury Rossijskoj Federacii, 2004. — 128 s.
38. Chestnov I. L. Yuridicheskoe myshlenie v postklassicheskoy perspektive // Rossijskij zhurnal pravovykh issledovanij. — 2019. — T. 6. — № 1 (20). — S. 9–14.
39. Yuridicheskoe myshlenie: klassicheskaya i postklassicheskaya paradigmy: kol. monografiya / pod red. E. N. Tonkova, I. L. Chestnova. — SPb.: Aletejya, 2020. — 464 s.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.038-048

Э. Л. Лещина*

Совершенствование научно-теоретических основ доказывания в производстве по дисциплинарным делам

Аннотация. В статье рассматриваются основные научно-теоретические подходы к понятию и содержанию доказывания в юридическом процессе и производстве по дисциплинарным делам в системе государственной службы РФ. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что деятельность по доказыванию носит сложный, многозвенный характер, а в правовой науке продолжаются дискуссии по поводу характеристики содержания доказывания в административном процессе. Доказывание в административном процессе рассматривается специалистами одновременно как процессуальная деятельность и процессуальная форма познания, оно составляет содержание процессуальной деятельности, это одно из правовых средств установления обстоятельств индивидуально-конкретного дела. Обращаясь к содержанию доказывания, включающего в себя собирание, исследование, оценку и использование доказательств, автор обосновывает вывод, что в производстве по дисциплинарным делам в системе государственной службы, несмотря на разделение функций по собиранию и проверке доказательств, с их исследованием и оценкой, процессуальное доказывание как форма логического и процессуального познания осуществляется непрерывно, а доказательственная деятельность, несмотря на ее разное содержание и субъектный состав, является единой и осуществляется на всех процессуальных стадиях данного производства. Применительно к структуре и содержанию процессуальной формы правоприменительного административного производства доказывание выступает в виде юридической правоприменительной технологии и процессуального средства, используемого в целях достижения (познания) объективной истины. На основе выделенных признаков доказывания в производстве по дисциплинарным делам предлагается его авторское определение, выявляется структура предмета доказывания, показаны возможные направления совершенствования доказательственной деятельности.

Ключевые слова: юридический процесс; административный процесс; процессуальная форма; дисциплинарное дело; производство по дисциплинарным делам; доказательственное право; доказательственная деятельность; доказывание; содержание доказывания; предмет доказывания; доказательства.

Для цитирования: Лещина Э. Л. Совершенствование научно-теоретических основ доказывания в производстве по дисциплинарным делам // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 7. — С. 38–48. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.038-048.

© Лещина Э. Л., 2022

* Лещина Эдуард Леонидович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет)
ул. Коммуны, д. 149, г. Челябинск, Россия, 454080
leshina74@mail.ru

Improving Scientific and Theoretical Foundations of Proving in Disciplinary Proceedings

Eduard L. Leshchina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, South Ural State University (National Research University)
ul. Komunny, d. 149, Chelyabinsk, Russia, 454080
leshina74@mail.ru

Abstract. The paper discusses the main scientific and theoretical approaches to the concept and content of proving in the legal process and disciplinary proceedings in the civil service system of the Russian Federation. The analysis allows us to conclude that the proving process is complex, multi-layered, and discussions continue in legal science concerning characteristics of the content of evidence in the administrative process. Specialists consider proving in the administrative process both as a procedural activity and a procedural form of cognition. It constitutes the content of procedural activity, it is one of the legal means of establishing circumstances of a specific case. Referring to the content of proving that includes collecting, examining, evaluating and using of evidence, the author substantiates the conclusion that in disciplinary proceedings in the public service system, despite separation of functions for collecting and verifying evidence from their examination and evaluation, procedural proving as a form of logical and procedural cognition is carried out continuously. Evidentiary activity, despite its different content and subject composition, is unified and it is carried out at all procedural stages of the court proceedings. With regard to the structure and content of the procedural form of law enforcement administrative proceedings, proving acts as a legal law enforcement technology and procedural tool used to achieve (cognize) objective truth. On the basis of the identified evidentiary features in disciplinary proceedings, the author gives his own definition, determines the structure of the subject of proving and shows possible directions for improving evidentiary activities.

Keywords: legal process; administrative process; procedural form; disciplinary case; disciplinary proceedings; evidentiary law; evidentiary activity; proving; content of proof; subject of proof; evidence.

Cite as: Leshchina EL. Sovershenstvovanie nauchno-teoreticheskikh osnov dokazyvaniya v proizvodstve po disciplinarnym delam [Improving Scientific and Theoretical Foundations of Proving in Disciplinary Proceedings]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(7):38-48. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.038-048. (In Russ., abstract in Eng.).

Характеризуя производство по дисциплинарным делам в системе государственной службы РФ, следует подчеркнуть, что его правовая регламентация видится пока еще не идеальной. Это объясняется в том числе и недостаточным уровнем опосредования данной деятельности административно-процессуальными нормами, сохраняющимся воздействием на государственно-служебные отношения доктрины трудового права, отрицающей наличие как такового юридического процесса в ходе привлечения работников к дисциплинарной и материальной ответственности. Анализ нормативных правовых актов, посвященных рассматриваемым вопросам, позволяет констатировать, что доказательственная деятельность

в производстве по дисциплинарным делам государственных служащих является недостаточно формализованной, исключение составляет лишь порядок наложения дисциплинарных взысканий на военнослужащих, процессуальная регламентация которого сформирована во многом по аналогии с производством по делам об административных правонарушениях. Согласимся с авторитетным мнением И. В. Пановой, что «доказывание — большая и сложная тема для самостоятельного монографического исследования»¹. Также отметим, что разработка всего комплекса проблем доказывания в административном процессе не является целью работы, и далее будут рассмотрены понятие доказывания как познавательной деятельности и процессу-

---

¹ Панова И. В. Административно-процессуальная деятельность в РФ : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2017. С. 333.

альной категории, его содержание и предмет в производстве по дисциплинарным делам в системе государственной службы.

Что касается содержания доказывания. В свое время С. С. Алексеев предложил характеризовать доказывание в широком и узком смысле². Доказывание при узком подходе заключается только в мыслительной, оценочной деятельности, тогда как при широком подходе это одновременное сочетание и мыслительных, и практических операций, «удостоверение, подтверждение, обоснование правильности каких-либо мыслей или решений при помощи доводов, аргументов, фактов»³. В зависимости от такой характеристики содержания доказывания по-разному решается вопрос о том, входит ли в структуру доказывания оценка доказательств. Как пишет С. С. Алексеев, при широкой трактовке входит, «если речь идет о доказывании в смысле установления обстоятельств дела», и «не входит, если речь идет о процессуальном доказывании в узком смысле»⁴. Как видится, широкое понимание более приемлемо для гражданского судопроизводства, где стороны обязаны доказывать факты и обстоятельства, на которые ссылаются, а узкое — для юридического процесса в связи с совершением деликта.

К этой проблеме, наряду с С. С. Алексеевым, обращался и Е. В. Додин, справедливо отмечая, что «исследование соответствующей информации и ее оценка всегда идут параллельно и неразрывно. Так же невозможно разрывать

исследование и оценку полученной информации в процессе доказывания по конкретному правовому вопросу. В связи с этим доказывание в административном процессе представляет собой сложное понятие, включающее практическую и мыслительную деятельность по сборанию, исследованию и оценке необходимой для разрешения дела информации»⁵. В рамках производства по дисциплинарным делам круг обстоятельств, подлежащих установлению по делу и, соответственно, доказыванию, определяется законом⁶, а функции по сборанию и проверке доказательств в ходе возбуждения и установления обстоятельств дела, как правило, разделены с их исследованием и оценкой при рассмотрении дела. С учетом необходимости достижения объективной истины по делу всё вышеизложенное позволяет говорить, что в производстве по дисциплинарным делам доказательственная деятельность, несмотря на ее разное содержание и субъектный состав, является единой и осуществляется на всех его процессуальных стадиях, за исключением исполнения принятого решения.

Деятельность по доказыванию носит сложный, многозвенный характер, это «разновидность практической познавательной деятельности»⁷. В общей теории юридического процесса доказывание понимается в том числе и «как исследовательская деятельность, образующая содержание опосредованного юридического познания»⁸, и как процесс установления объективной истины в каждом юридическом деле⁹,

² Алексеев С. С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. Свердловск : Свердл. юрид. ин-т., 1973. Т. 2 : Нормативные юридические акты. Применение права. Юридическая наука (правоведение). С. 245.

³ Теория доказательств в советском уголовном процессе : монография / отв. ред. Н. В. Жогин. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Юрид. лит., 1973. С. 288.

⁴ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 248.

⁵ Додин Е. В. Доказательства в административном процессе. М. : Юрид. лит., 1973. С. 43.

⁶ Ч. 1 ст. 28.6 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»; ч. 2 ст. 59 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»; ч. 2 ст. 52 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.09.2021).

⁷ Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 116.

⁸ Теория юридического процесса / под общ. ред. В. М. Горшенева. Харьков : Вища школа, 1985. С. 109.

⁹ Теория юридического процесса. С. 110.

и как структурный компонент любого процессуального производства¹⁰.

В правовой науке получило широкое распространение понимание того, что доказывание является ядром, центральным компонентом процессуальной деятельности, сердцевинной юридическим процессом¹¹. Однако, как видится, в административном процессе доказывание составляет содержание процессуальной деятельности, это одно из правовых средств установления обстоятельств дела в целях его разрешения властным субъектом. В ходе рассмотрения юридического дела «первый подлежащий разрешению вопрос — это вопрос о фактических обстоятельствах дела, о фактическом составе»¹². Соответственно целям и предполагаемым результатам юридического процесса, процессуального производства, законодателем формируется его процессуальная форма, определяющая в том числе и виды, порядок, условия и последовательность совершения действий по сбору и проверке доказательств, принятия решений на основе их оценки и закрепления полученных результатов. Что касается возможности выделения в административном процессе самостоятельной процессуальной формы доказывания, то здесь правильнее говорить о процессуальной форме получения и документального закрепления доказательств. В итоге применительно к структуре и содержанию процессуальной формы правоприменительного административного производства доказывание выступает в виде юридической правоприменительной технологии и процессуального средства, используемого в целях достижения (познания) объективной истины. Однако следует отметить, что обстоятельства дела могут устанавливаться и на основе не входящей в предмет доказывания иной информации, полученной непроцессуальным путем, в том числе на основе очевидных фактов.

Говоря о взаимосвязи процессуального познания и процессуального доказывания в административном процессе и о возможности (невозможности) поставить между ними знак равенства, полагаем, что, хотя «познавательные элементы органически вплетены в административно-процессуальную деятельность, и познание здесь как бы совпадает с доказыванием»¹³, вместе с тем в процессе существует необходимость проверки сведений, знаний и выводов, полученных в процессе познания. Необходимо подчеркнуть, что знаниям об обстоятельствах конкретного дела характер достоверности придает именно доказывание. Познание по своему содержанию шире доказывания, последнее является лишь частью (формой) познавательного процесса. В нашем понимании процессуальное доказывание выступает процессуальной формой процессуального познания, его самостоятельной разновидностью.

Рассматривая состояние современного процессуального законодательства России, находим, что наиболее пробельной с точки зрения опосредования ее правовыми нормами выступает правовая регламентация административно-процессуального доказывания, а общее нормативное закрепление дефиниции доказывания (доказательственной деятельности) отсутствует, хотя правильное определение его понятия и содержания является основополагающим для всего административного процесса в целом. Общеизвестно, что юридический процесс и, соответственно, доказательственная процессуальная деятельность осуществляются не только в суде, в ней также активно участвуют органы публичного управления, их деятельность по доказыванию носит в основном внесудебный (административный) характер. Применительно к государственно-управленческой административной деятельности при переносе правового конфликта или правового спора для рассмотре-

¹⁰ Теория юридического процесса. С. 110.

¹¹ См., например: Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 328.

¹² Клейнман А. Ф. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. С. 3.

¹³ Васильев Ф. П. Теория доказательств в административном процессе. Процесс доказывания. Понятие и содержание процесса доказывания // Вестник Чувашского университета. 2006. № 3. С. 99.

ния (разрешения) по существу в суд обязанность доказывания законности своих действий, принятых решений также возложена на административный орган. Вместе с тем в установленных законом случаях доказывание в административной деятельности может выражаться и в форме материальной процедуры или происходить в виде мыслительной деятельности только в сознании уполномоченного руководителя (начальника), например при наложении взыскания в устной форме непосредственно после выявления дисциплинарного проступка.

Применительно к производству по дисциплинарным делам мы придерживаемся точки зрения, что надлежащие действия субъектов дисциплинарной власти по собиранию, процессуальному закреплению сведений об обстоятельствах совершения дисциплинарного проступка, иных данных, подлежащих установлению по дисциплинарному делу, их проверке и оценке, позволяют обеспечить соблюдение законных прав участников производства, установить объективную истину, принять обоснованное и законное решение. Несомненно, что только посредством доказывания субъектом дисциплинарной власти юридически значимых обстоятельств дисциплинарного дела в установленном процессуальном порядке, государственный служащий может быть признан виновным в совершении проступка.

Характеристика доказывания в административно-правовой литературе

В ходе доказывания по индивидуально-конкретному делу, связанному не только с конфликтной ситуацией (правонарушением, правовым спором), используются определенные приемы по-

знания, в виде источников доказательств могут быть использованы только определенные процессуальные средства, обладающие определенными свойствами (признаками), а процедуры доказывания, как правило, формализованы.

Приведем основные концепции административно-процессуального доказывания, встречающиеся в литературе.

Доказывание по делу об административном правонарушении Ф. П. Васильев определяет как «установление истины по факту административного правонарушения с использованием законных средств доказывания и правовая оценка уполномоченным правоприменительным субъектом доказательств с позиций объективности, достоверности, относимости, достаточности в их совокупности является сущностью и целью доказывания по делу об административном правонарушении¹⁴.

На основе проведенного диссертационного исследования Т. В. Казина делает вывод, что «доказывание представляет собой комплексный процесс, поскольку на всем протяжении доказательственной деятельности происходит познание и удостоверение фактов, обмен информацией, осуществляется мыслительно-логическая деятельность, происходит методичная работа с доказательствами и процессуальное оформление полученных результатов»¹⁵.

По концепции И. В. Пановой, процессуальное доказывание заключается в выявлении (собрании) и процессуальном оформлении, исследовании и оценке доказательств¹⁶.

В. А. Поникаров под доказыванием понимает процесс, связанный с собиранием, проверкой, оценкой любых фактических данных, осуществляемый субъектами доказывания и направленный на правильное и своевременное установление фактических обстоятельств по делу¹⁷.

¹⁴ Васильев Ф. П. Доказывание по делу об административном правонарушении : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 10.

¹⁵ Казина Т. В. Доказательства и доказывание в производстве по делам об административных правонарушениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 17.

¹⁶ Панова И. В. Указ. соч. С. 333.

¹⁷ Поникаров В. А. Понятие и содержание доказывания по делам об административных правонарушениях в административной деятельности исправительных учреждений и следственных изоляторов Федеральной службы исполнения наказаний // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 3 (25). С. 21.

С точки зрения представителя воронежской школы административного права О. С. Рогачевой, доказывание — это урегулированный нормами административно-процессуального права порядок установления объективной истины по делу, а процесс доказывания включает выявление, процессуальное оформление и исследование доказательств¹⁸.

По обоснованному мнению Б. В. Россинского, доказывание — это процесс установления объективной истины по делу, содержанием которого являются собирание, исследование, оценка и использование доказательств¹⁹. С одной стороны, доказывание служит установлению имевших место фактов, обстоятельств, их сущности, оценке значения для установления истины по делу, с другой — фиксации в определенном законом порядке и формах полученных результатов для придания им статуса доказательства²⁰. Данный подход считаем наиболее правильным, полностью отражающим предназначение и содержание доказывания и далее возьмем его за основу. Здесь также важно отметить, что, как видится, наряду с объективной истиной, материальной по своему содержанию, мы можем рассуждать и о наличии формальной по своей форме истины процессуальной — в виде формального знания всех обстоятельств дела, полученного в ходе процедуры, правильность которой не вызывает разумных сомнений.

Содержание (элементы) доказывания

По своему содержанию процесс доказывания складывается из ряда элементов, органически связанных между собой²¹. Проведенный анализ административно-правовой литературы выявил неоднозначные подходы к определению содер-

жения доказывания. В понимании авторов, обратившихся к данному вопросу, доказывание — это:

- выявление (собираение) доказательств (Д. Н. Бахрах; Б. Г. Гаприндашвили; Т. В. Казина; И. В. Панова; В. А. Поникаров; О. С. Рогачева; Б. В. Россинский);
- процессуальное оформление доказательств (Д. Н. Бахрах; И. В. Панова; О. С. Рогачева);
- исследование доказательств (Д. Н. Бахрах; Т. В. Казина; И. В. Панова; О. С. Рогачева; Б. В. Россинский);
- проверка доказательств (Б. Г. Гаприндашвили; В. А. Поникаров);
- оценка доказательств (Б. Г. Гаприндашвили; И. В. Панова; В. А. Поникаров; Б. В. Россинский);
- использование доказательств (Б. В. Россинский).

Все эти элементы (виды) доказательственной деятельности, несмотря на их самостоятельное значение, неразрывно связаны между собой. Как видится, доказательства в административном процессе должны быть:

- 1) *собраны*, т.е. получены, обнаружены, восприняты субъектом, ведущим производство, рассматривающим дело, или представлены уполномоченному лицу участниками производства по своей инициативе. Получение (легализация) доказательств предполагает в том числе и их надлежащее оформление, фиксирование, приобщение к материалам дела;
- 2) *проверены* (исследованы), т.е. всесторонне изучены, проанализированы правоприменителем, участниками процесса, имеющаяся в них информация осмыслена применительно к задачам данного производства, выяснена их относимость, допустимость, достовер-

¹⁸ Общее административное право : учебник : в 2 ч. Ч. 2 : Административно-деликтное право (КоАП РФ). Административное судопроизводство (КАС РФ) / под ред. Ю. Н. Старилова ; Воронежский государственный университет. 2-е изд., пересмотр. и доп. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2017. С. 294.

¹⁹ Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право : учебник. 3-е изд., пересмотр. и доп. М. : Норма, 2008. С. 663.

²⁰ Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Указ. соч. С. 663 ; Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право : учебник. 4-е изд., пересмотр. и доп. М. : Норма, 2009. С. 759.

²¹ Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 298.

- ность и достаточность, установлены их источники, соотнесены с другими доказательствами, имеющимися в деле;
- 3) *оценены* в ходе мыслительной, логической деятельности уполномоченных лиц для установления соответствия фактических сведений, полученных в ходе конкретного производства, обстоятельствам, подлежащим установлению по делу, определенным законом, вследствие чего создаются предпосылки для принятия процессуального решения по делу;
- 4) проверенные, исследованные и оцененные доказательства должны быть *использованы* в виде логических аргументов для формирования и обоснования правильности принимаемых решений по делу.

При этом если собирание (процессуальное закрепление) и проверка доказательств идут друг за другом, то этап оценки доказательств «не только является заключительным моментом процесса доказывания, но и пронизывает все предыдущие этапы»²².

Хотелось бы остановиться также на характеристике элементов доказательственной деятельности, которые в юридической литературе иногда называют этапами (стадиями)²³. Такой подход видится не совсем удачным, поскольку предполагает определенную самостоятельность, независимость этапов (стадий), «наводит на мысль об их чередовании, предполагает разрыв их во времени»²⁴, хотя, в принципе, для логической характеристики процесса познания такой подход не исключается. Вместе с тем в юридическом процессе функциональные стадии следуют одна за другой, и достижение целей и задач текущей стадии дает возможность перехода на следующую (очередную) стадию,

поэтому предложение о возможности выделения отдельных самостоятельных этапов (или стадий) доказательственной процессуальной деятельности не соответствует определенной законодателем последовательности и порядку совершения процессуальных действий.

Доказывание не исчерпывается обнаружением и представлением доказательств, оно включает в себя: а) собирание, исследование и оценку доказательств (процессуальный аспект доказывания) и б) логическое обоснование выдвинутого тезиса — обвинительного или оправдательного (логический аспект доказывания)²⁵. Деятельность по доказыванию как форма логического и процессуального познания осуществляется непрерывно, и ее элементы применительно к рамкам одного дела могут повторяться и служат установлению истины, хотя могут иметь разное содержание и разный субъектный состав, формы на различных стадиях процесса. При этом степень выясненности обстоятельств дела также может меняться. На начальной стадии производства по дисциплинарному делу (разбирательства, служебной проверки) целью доказывания выступает процессуальное закрепление доказательств факта совершения проступка, виновности лица, иных обстоятельств, подлежащих установлению по делу, и, таким образом, обеспечения всех условий для дальнейшей их проверки и оценки правоприменителем в ходе рассмотрения дела, их достаточность для принятия решения по существу. На стадии рассмотрения дела властный субъект производит проверку и оценку собранных на начальной стадии производства или получение, исследование, проверку и оценку представленных (истребованных) дополнительно

²² Михайловская И. Б. Предмет доказывания в советском уголовном процессе // Ученые записки / Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции РСФСР. М. : Госюриздат, 1958. Вып. 8. С. 151–152.

²³ Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам; проблемы теории и правового регулирования : монография. Тольятти : Волжский университет имени В.Н. Татищева, 1997. С. 11 ; Казина Т. В. Указ. соч. С. 18 ; Россинский С. Б. О собирании, формировании, исследовании и использовании доказательств в уголовном процессе (продолжая дело профессора С. А. Шейфера) // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 4. С. 49 ; Решетникова И. В. Доказывание в гражданском процессе : учеб.-практ. пособие для вузов. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2021. С. 217–218.

²⁴ Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 297.

²⁵ Матвиенко Е. А. Судебная речь. Изд. 2-е, доп. Минск : Высшая школа, 1972. С. 158.

доказательств для установления всех значимых обстоятельств дела, использует надлежащие доказательства для принятия обоснованного решения и его процессуального обоснования. В случаях проверки в ходе правового спора вышестоящим руководителем, судом, комиссией государственного органа по служебным спорам законности и обоснованности ранее принятого решения по делу проверка, оценка и использование доказательств могут осуществляться заново.

Основные признаки доказывания в производстве по дисциплинарным делам:

- это вид юридической процессуальной деятельности;
- это исследовательская и мыслительная деятельность;
- это форма процессуального познания;
- нацелено на установление объективной истины по делу (обстоятельств, подлежащих установлению по делу), обоснование выводов и процессуальных решений с использованием законных правовых средств — доказательств;
- включает в себя собирание, проверку, правовую оценку и использование доказательств;
- осуществляется в соответствии с требованиями процессуального законодательства;
- в собирании, представлении и исследовании доказательств вправе участвовать все участники производства, однако официальную оценку доказательствам дает правоприменитель;
- обязанность (бремя) доказывания обстоятельств дела возложена на уполномоченных должностных лиц, субъектов дисциплинарной власти.

При формулировании понятия доказывания в административном процессе целесообразно использовать два подхода. При первом подходе в собирании, исследовании, проверке доказательств участвуют все участники производства (дела), а их оценку и использование осуществляет правоприменитель. При втором это процессуальная деятельность только должностных лиц — субъектов дисциплинарной власти, военного прокурора, судьи гарнизонного военного суда; иные участники производства участвуют в

представлении, в некоторых случаях — исследовании доказательств, и их субъективная оценка доказательств не имеет юридического значения для решения дела.

Таким образом, *доказывание в производстве по дисциплинарным делам* — урегулированная нормами процессуального законодательства деятельность субъектов дисциплинарной власти, осуществляемая при содействии иных участников производства, направленная на собирание, проверку, правовую оценку и использование доказательств в целях установления обстоятельств, подлежащих выяснению по делу (объективной истины), формирования выводов и принятия процессуальных решений. *Доказывание (в узком понимании)* — урегулированная нормами процессуального законодательства деятельность субъектов дисциплинарной власти по установлению фактических обстоятельств дисциплинарного дела на основе собирания, проверки, правовой оценки и использования доказательств.

Круг обстоятельств, подлежащих установлению при привлечении военнослужащего к дисциплинарной ответственности, закреплен в ч. 1 ст. 28.6 Федерального закона № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», в рамках служебной проверки по факту совершения дисциплинарного проступка: сотрудником органа внутренних дел — в ч. 2 ст. 52 Федерального закона № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; государственным гражданским служащим — в ч. 2 ст. 59 Федерального закона № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Согласно существующим правовым установлениям, *структура предмета доказывания по дисциплинарному делу может быть следующей:*

- 1) обстоятельства, относящиеся к событию дисциплинарного проступка, — наличие противоправного действия (бездействия), место, время, способ, обстановка совершения;
- 2) виновность лица в совершении проступка, мотив и цель его совершения;
- 3) причины и условия совершения дисциплинарного проступка;

- 4) наличие и характер вредных последствий дисциплинарного проступка;
- 5) обстоятельства, позволяющие индивидуализировать дисциплинарное взыскание или исключающие производство по делу.

Исчерпывающее установление обстоятельств, подлежащих выяснению по дисциплинарному делу, в отличие от КоАП РФ, не предполагает «расширительного толкования предмета доказывания»²⁶ и обуславливает запрет для правоприменителя использовать процессуальные средства для познания фактических обстоятельств дела, не установленных законом.

В заключение следует сказать о возможных направлениях совершенствования доказательственной деятельности в производстве по дисциплинарным делам.

Во-первых, это единообразное определение для всех видов государственной службы, за исключением военной, процессуальных форм доказательств и их закрепление в законодательстве.

Во-вторых, закрепление в законодательстве о государственной службе, за исключением военной, процедур получения доказательств и процессуальных требований к ним.

В-третьих, установление критериев признания доказательств недействительными, что исключит их использование при вынесении решения по делу.

Отдельного осмысления требует вопрос о возможности использования процессуальной аналогии в доказательственной деятельности по индивидуально-конкретным делам в случае отсутствия соответствующих норм в административно-процессуальном законодательстве.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. Т. 2 : Нормативные юридические акты. Применение права. Юридическая наука (правоведение). — Свердловск : Свердл. юрид. ин-т, 1973. — 401 с.
2. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право : учебник. — 3-е изд., пересмотр. и доп. — М. : Норма, 2008. — 816 с.
3. Васильев Ф. П. Доказывание по делу об административном правонарушении : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2005. — 52 с.
4. Васильев Ф. П. Теория доказательств в административном процессе. Процесс доказывания. Понятие и содержание процесса доказывания // Вестник Чувашского университета. — 2006. — № 3. — С. 99–114.
5. Додин Е. В. Доказательства в административном процессе. — М. : Юрид. лит., 1973. — 192 с.
6. Казина Т. В. Доказательства и доказывание в производстве по делам об административных правонарушениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2012. — 25 с.
7. Клейнман А. Ф. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе. — М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1950. — 72 с.
8. Марфицин П. Г., Мартынов А. В. Доказательства и доказывание в уголовном процессе и производстве по делам об административных правонарушениях: сравнительно-правовой анализ // Административное право и процесс. — 2012. — № 5. — С. 23–27.
9. Матвиенко Е. А. Судебная речь. — Изд. 2-е, доп. — Минск : Вышэйшая школа, 1972. — 256 с.
10. Михайловская И. Б. Предмет доказывания в советском уголовном процессе // Ученые записки / Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции РСФСР. — М. : Госюриздат, 1958. — Вып. 8. — С. 126–162.

²⁶ Марфицин П. Г., Мартынов А. В. Доказательства и доказывание в уголовном процессе и производстве по делам об административных правонарушениях: сравнительно-правовой анализ // Административное право и процесс. 2012. № 5 // URL: <https://justicemaker.ru/view-article.php?art=3854&id=22> (дата обращения: 10.09.2021).

11. Общее административное право : учебник : в 2 ч. — Ч. 2 : Административно-деликтное право (КоАП РФ). Административное судопроизводство (КАС РФ) / под ред. Ю. Н. Старилова ; Воронежский государственный университет. — 2-е изд., пересмотр. и доп. — Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2017. — 452 с.
12. Панова И. В. Административно-процессуальная деятельность в РФ : монография. — М. : Норма, Инфра-М, 2017. — 452 с.
13. Поникаров В. А. Понятие и содержание доказывания по делам об административных правонарушениях в административной деятельности исправительных учреждений и следственных изоляторов Федеральной службы исполнения наказаний // Уголовно-исполнительное право. — 2016. — № 3 (25). — С. 19–22.
14. Решетникова И. В. Доказывание в гражданском процессе : учеб.-практ. пособие для вузов. — 7-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2021. — 388 с.
15. Россинский С. Б. О собирании, формировании, исследовании и использовании доказательств в уголовном процессе (продолжая дело профессора С. А. Шейфера) // Юридический вестник Самарского университета. — 2017. — Т. 3. — № 4. — С. 49–57.
16. Теория доказательств в советском уголовном процессе : монография / отв. ред. Н. В. Жогин. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М. : Юрид. лит., 1973. — 736 с.
17. Теория юридического процесса / под общ. ред. В. М. Горшенева. — Харьков : Вища школа, 1985. — 192 с.
18. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам; проблемы теории и правового регулирования : монография. — Тольятти : Волжский университет имени В.Н. Татищева, 1997. — 92 с.

Материал поступил в редакцию 27 сентября 2021 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev S. S. Problemy teorii prava: kurs lekcij: v 2 t. T. 2: Normativnye yuridicheskie akty. Primenenie prava. Yuridicheskaya nauka (pravovedenie). — Sverdlovsk: Sverdl. yurid. in-t, 1973. — 401 s.
2. Bahrah D. N., Rossinskij B. V., Starilov Yu. N. Administrativnoe pravo: uchebnik. — 3-e izd., peresmotr. i dop. — M.: Norma, 2008. — 816 s.
3. Vasilev F. P. Dokazyvanie po delu ob administrativnom pravonarushenii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2005. — 52 s.
4. Vasilev F. P. Teoriya dokazatelstv v administrativnom processe. Process dokazyvaniya. Ponyatie i sodержanie processa dokazyvaniya // Vestnik Chuvashskogo universiteta. — 2006. — № 3. — S. 99–114.
5. Dodin E. V. Dokazatelstva v administrativnom processe. — M.: Yurid. lit., 1973. — 192 s.
6. Kazina T. V. Dokazatelstva i dokazyvanie v proizvodstve po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2012. — 25 s.
7. Klejnman A. F. Osnovnye voprosy teorii dokazatelstv v sovetskom grazhdanskom processe. — M.; L.: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1950. — 72 s.
8. Marficin P. G., Martynov A. V. Dokazatelstva i dokazyvanie v ugovnom processe i proizvodstve po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah: sravnitelno-pravovoj analiz // Administrativnoe pravo i process. — 2012. — № 5. — S. 23–27.
9. Matvienko E. A. Sudebnaya rech. — Izd. 2-e, dop. — Minsk: Vyshejschaya shkola, 1972. — 256 s.
10. Mihajlovskaya I. B. Predmet dokazyvaniya v sovetskom ugovnom processe // Uchenye zapiski / Vsesoyuznyj institut yuridicheskikh nauk Ministerstva yusticii RSFSR. — M.: Gosyurizdat, 1958. — Vyp. 8. — S. 126–162.
11. Obshchee administrativnoe pravo: uchebnik: v 2 ch. — Ch. 2: Administrativno-deliktnoe pravo (KoAP RF). Administrativnoe sudoproizvodstvo (KAS RF) / pod red. Yu. N. Starilova; Voronezhskij gosudarstvennyj universitet. — 2-e izd., peresmotr. i dop. — Voronezh: Izdatelskij dom VGU, 2017. — 452 s.

12. Panova I. V. Administrativno-processualnaya deyatel'nost v RF: monografiya. — M.: Norma, Infra-M, 2017. — 452 s.
13. Ponikarov V. A. Ponyatie i sodержanie dokazyvaniya po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah v administrativnoj deyatel'nosti ispravitel'nyh uchrezhdenij i sledstvennyh izolyatorov Federalnoj sluzhby ispolneniya nakazaniy // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. — 2016. — № 1 (25). — S. 19–22.
14. Reshetnikova I. V. Dokazyvanie v grazhdanskom processe: ucheb.-prakt. posobie dlya vuzov. — 7-e izd., pererab. i dop. — M.: Yurajt, 2021. — 388 s.
15. Rossinskij S. B. O sobiranii, formirovanii, issledovanii i ispolzovanii dokazatel'stv v ugovnom processe (prodolzhaya delo professora S. A. Shejfera) // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. — 2017. — T. 3. — № 4. — S. 49–57.
16. Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugovnom processe: monografiya / otv. red. N. V. Zhogin. — Izd. 2-e, ispr. i dop. — M.: Yurid. lit., 1973. — 736 s.
17. Teoriya yuridicheskogo processa / pod obshch. red. V. M. Gorsheneva. — Harkov: Vishcha shkola, 1985. — 192 s.
18. Shejfer S. A. Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovnym delam; problemy teorii i pravovogo regulirovaniya: monografiya. — Tolyatti: Volzhskij universitet imeni V.N. Tatischeva, 1997. — 92 s.

Проблемы правовой регламентации и особенности подачи обращений в форме электронного документа

Аннотация. Сегодня абсолютное большинство обращений подается гражданами с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», их доля среди всех обращений достигает 95 %. Стремительный рост количества обращений граждан, подаваемых в форме электронных документов, вызванный прежде всего развитием информационных технологий и простотой подачи таких обращений, заставляет говорить об острой необходимости правовой регламентации порядка работы с электронными обращениями, прежде всего на федеральном уровне, и постоянного совершенствования организации работы с этими обращениями в органах власти и организациях всех уровней. Гражданам должны быть понятны единые правила подачи таких обращений. Обращения граждан в форме электронных документов вызывают наибольший интерес у исследователей ввиду своей распространенности, неурегулированности и особенностей, однако комплексных исследований данного вида обращений не проводилось. Автором анализируются судебная практика, нормативные правовые акты и практика применения различными органами и организациями актов по организации работы с обращениями в форме электронных документов, выявляются правовые пробелы и заслуживающие внимания в виде правовой регламентации на уровне федерального законодательства инициативы и практики, делаются конкретные предложения по изменению законодательства. Публикация подготовлена на основе общенаучного диалектического метода. Специальными методами, использованными при подготовке публикации, являются: системно-структурный, формально-юридический, логический и сравнительно-правовой. Под обращениями граждан в данной статье подразумеваются обращения граждан, объединений граждан, в том числе юридических лиц.

Ключевые слова: обращения граждан; электронное обращение; обращение в электронном виде; обращение в форме электронного документа; право на обращение; электронная приемная; интернет-обращение; обращение через Интернет; работа с электронными обращениями; электронный документ; обращение на адрес электронной почты.

Для цитирования: Степкин С. П. Проблемы правовой регламентации и особенности подачи обращений в форме электронного документа // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 7. — С. 49–58. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.049-058.

Problems of Legal Regulation and Peculiarities of Filing Appeals in the Form of an Electronic Document

Stanislav P. Stepkin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Faculty of Law, Russian State Social University
ul. Vilgelma Pika, d. 4, str. 1, Moscow, Russia, 129226
stepkin.sciences@mail.ru

Abstract. Today, the absolute majority of appeals are submitted by citizens via the Internet information and telecommunications network. Their share among all appeals reaches 95%. A rapid growth in the number of citizens' appeals submitted in the form of electronic documents, caused primarily by the development of information technology and the ease of filing such appeals, makes it necessary to talk about the urgent need for legal regulation of the procedure for processing electronic appeals, primarily at the federal level. The system needs continuous improvement of work with these appeals in authorities and organizations at all levels. Citizens should understand uniform rules for submitting such appeals. Citizens' appeals in the form of electronic documents are of the greatest interest to researchers due to their prevalence, lack of regulation and peculiarities. However, no comprehensive studies of this type of appeals have been conducted. The author analyzes judicial practice, regulatory legal acts and practice of various bodies and organizations working with appeals in the form of electronic documents, identifies legal gaps, initiatives and practices that need legal regulation at the level of federal legislation, makes specific proposals for legislative amendments. The publication was prepared on the basis of the general scientific dialectical method. The special methods used in the preparation of the publication are: system-structural, formal-legal, logical and comparative-legal methods. The paper refers to the appeals of citizens, associations of citizens and legal entities as citizens' appeals.

Keywords: citizens' appeals; electronic appeal; appeal in the form of an electronic document; right to appeal; electronic reception; Internet appeal; appeal via the Internet; work with electronic appeals; electronic document; appeal to an e-mail address.

Cite as: Stepkin SP. Problemy pravovoy reglamentatsii i osobennosti podachi obrashcheniy v forme elektronnoho dokumenta [Problems of Legal Regulation and Peculiarities of Filing Appeals in the Form of an Electronic Document]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(7):49-58. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.049-058. (In Russ., abstract in Eng.).

Сама формулировка «обращение в форме электронного документа» появилась в Федеральном законе от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»¹ (далее — Федеральный закон № 59-ФЗ), прежде всего в п. 1 ст. 4, благодаря инициативе группы депутатов Государственной Думы В. Н. Плигина, Е. А. Самойлова и А. Н. Хайруллина и нашла свою реализацию во вступившем в силу 1 января 2011 г. Федеральном законе от 27.07.2010 № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с

принятием Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»², в первоначальном тексте ч. 3 ст. 8 Федерального закона № 59-ФЗ упоминались «обращения, поступившие в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу по информационным системам общего пользования», чем был определен способ направления (канал поступления) таких обращений.

Количество обращений граждан стремительно растет, чему, безусловно, способствует возможность их подачи с использованием

¹ Российская газета. № 95. 05.05.2006.

² Российская газета. № 169. 02.08.2010.

информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Так, в адрес Президента РФ за 2011 г. поступило 962 034 обращения, из них всего 490 704 обращения в форме электронного документа, а за 2021 г. количество обращений в форме электронных документов составило 688 995 из 867 491 поступившего обращения³. В адрес Государственной Думы ФС РФ за 2019 г. поступило 204 300 обращений, из них 147 300 — в форме электронного документа, а за 2021 г. из 493 600 обращений поступило 435 400 обращений в форме электронных документов⁴. В Правительство РФ за 2014 г. поступило 97 179 обращений, из них около 64 000 — в форме электронного документа, а за 2021 г. число обращений в форме электронных документов составило более 147 000 из 164 571⁵.

Однако справедливым будет отметить, что право граждан на обращение в форме электронного документа в ряде случаев носит декларативный характер. Так, на отдаленных территориях Российской Федерации всё еще имеются случаи отсутствия возможности подключения к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»⁶ либо финансовых средств на его подключение⁷, что делает невозможной подачу обращения таким способом.

И. Е. Бочкарев указывает на сложность толкования норм Федерального закона № 59-ФЗ обычным гражданином, чему способствует название и содержание ряда статей данного закона, регулирующих работу только с письменными обращениями, что вносит существенный

дисбаланс в юридическую конструкцию федерального закона⁸.

Таким образом, следует констатировать, что действующая редакция Федерального закона № 59-ФЗ порядок подачи обращения в форме электронного документа не регулирует, а ряд важных законоположений может применяться к обращениям в форме электронного документа лишь по аналогии права, хотя, на взгляд автора, они должны быть четко регламентированы именно в тексте данного специального закона, должны быть понятными гражданам и прозрачными.

При этом понятие «электронный документ» дается только в п. 11.1 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁹ и определено как документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах. А порядок обращения в форме электронного документа не определен и в других федеральных актах, например в Федеральном законе от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»¹⁰, пункт 4 ст. 1 которого предусматривает подачу запроса в виде электронного документа, однако не регламентирует возможный способ подачи такого запроса.

³ Официальный сайт Управления Президента РФ по работе с обращениями граждан и организаций // URL: <http://www.letters.kremlin.ru/digests> (дата обращения: 02.04.2022).

⁴ Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // URL: <http://duma.gov.ru/representative/letters/session/> (дата обращения: 02.04.2022).

⁵ Официальный сайт Правительства РФ // URL: <http://services.government.ru/overviews/> (дата обращения: 02.04.2022).

⁶ ГИС ЖКХ // URL: https://dom.gosuslugi.ru/webhelp/main/index.html#source/och/perechen_nas_punktov_bez_interneta.html (дата обращения: 02.04.2022).

⁷ Росстат: почти треть домохозяйств не имеет доступа к Интернету // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4900915> (дата обращения: 02.04.2022).

⁸ Бочкарев И. Е. О праве на обращение в форме электронного документа // Информационное право. 2015. № 4. С. 17–21.

⁹ Российская газета. № 165. 29.07.2006.

¹⁰ Российская газета. № 25. 13.02.2009.

Напротив, законодательное закрепление порядок подачи обращения в форме электронного документа находит:

- в ст. 37 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹¹, где прямо определена подача обращения посредством заполнения специальной формы на официальном сайте Конституционного Суда РФ в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;
- в п. 12 принятых в соответствии с ч. 2 ст. 10 Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»¹² Требований к предоставлению в электронной форме государственных и муниципальных услуг (посредством электронной формы запроса на едином портале, порталах услуг или официальных сайтах);
- в ч. 3 ст. 125 Арбитражного процессуального кодекса РФ¹⁴ (посредством единого портала государственных и муниципальных услуг либо системы электронного документооборота участника арбитражного процесса с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия);
- в ч. 1.1 ст. 3 Гражданского процессуального кодекса РФ¹⁵;
- в ч. 2.1 ст. 45 Кодекса административного судопроизводства РФ¹⁶ (посредством федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», либо

информационной системы, определенной Верховным Судом РФ, Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, либо систем электронного документооборота участников процесса с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия).

При этом уточнения способов подачи обращения в форме электронного документа в указанные кодифицированные акты были внесены лишь в декабре 2021 г., до этого в них также существовала правовая неопределенность.

И. Н. Дворянский описывает успешный опыт функционирования в Казани электронных терминалов по приему обращений граждан, устанавливаемых в органах прокуратуры, целью которых является подача обращений и правовое просвещение граждан¹⁷. Однако несмотря на возможность таких терминалов предоставлять вспомогательные услуги по сканированию и копированию документов и, безусловно, важную функцию по правовому просвещению граждан, представляется, что высокая стоимость таких терминалов не позволит достичь их широкого распространения. Кроме того, установка терминалов именно в органах власти лишает их смысла, так как гражданину все равно приходится посещать орган лично, и в этом случае он часто даже более оперативно может подать устное или письменное обращение без использования технических средств.

Подчеркивая отсутствие в Федеральном законе № 59-ФЗ нормы, регулирующей порядок обращения в форме электронного документа,

¹¹ Российская газета. № 138–139. 23.07.1994.

¹² Российская газета. № 168. 30.07.2010.

¹³ Постановление Правительства РФ от 26.03.2016 № 236 «О требованиях к предоставлению в электронной форме государственных и муниципальных услуг» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 05.04.2016.

¹⁴ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета. № 137. 27.07.2002.

¹⁵ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

¹⁶ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

¹⁷ Дворянский И. Н. Электронный терминал по приему обращений граждан // Законность. 2011. № 4. С. 26–27.

и, как следствие, общего порядка обращения в форме электронного документа, Верховный Суд РФ отметил право субъектов осуществлять собственное правовое регулирование, в том числе ограничивать подачу обращения в форме электронного документа одним техническим способом, например электронной приемной на официальном сайте, иметь различия технического характера при подаче обращения через сайт (количество символов электронного обращения, размер файлов вложенных документов), что нельзя расценить как ограничение права на обращение¹⁸. И такая правовая регламентация сегодня активно используется, например, в п. 1 § 22.1 Регламента Конституционного Суда Российской Федерации¹⁹, п. 11.3 Регламента Правительства Санкт-Петербурга²⁰, п. 15.2 Регламента Федеральной таможенной службы²¹ и т.д.

Рассматривая Типовой регламент внутренней организации федеральных органов исполнительной власти²², следует отметить, что с учетом развития информационных технологий и наличия современных систем электронного документооборота в федеральных органах исполнительной власти совершенно необоснованной выглядит норма п. 12.9 данного Типового регламента о распечатывании интернет-обращения для дальнейшей работы с ним, как с письменным. Согласно Типовому регламенту федеральный орган исполнительной власти может не рассматривать интернет-обращение в случаях, когда оно имеет некорректное содержание, является

дубликатом ранее направленного обращения или содержит недостоверные сведения о заявителе и/или его адресе, что нельзя признать обоснованным, учитывая наличие в Федеральном законе № 59-ФЗ исчерпывающего перечня случаев, когда обращение не рассматривается, в связи с чем эта норма не подлежит расширительному толкованию. Однако перечисленные случаи заслуживают внимания для учета их при разработке изменений в Федеральном законе № 59-ФЗ.

Суды Санкт-Петербурга, рассмотрев жалобу гражданина на отказ органов власти Санкт-Петербурга дать ответ на его обращение, направленное на адрес электронной почты, по существу, указали, что порядок подачи обращений в форме электронного документа только посредством сервиса «Электронная приемная» определен подзаконными актами, в связи с чем обращения, направленные на адреса электронной почты, могут не рассматриваться²³.

Однако на практике встречаются случаи, когда орган или должностное лицо принимают обращения, поступившие на адрес электронной почты, в том числе по причине отсутствия сервиса «Электронная приемная» на сайте. Здесь правовое значение имеет указание на сайте органа адреса электронной почты, а также информации о приеме либо о неприеме обращений граждан на адрес электронной почты²⁴. Вместе с тем электронная почта обычно предназначена для обмена общедоступной инфор-

¹⁸ Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 21.02.2018 № 78-АПГ17-26 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.03.2022).

¹⁹ Регламент Конституционного Суда РФ // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 4.

²⁰ Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 16.12.2003 № 100 «Об утверждении Регламента Правительства Санкт-Петербурга» // Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга. № 1. 05.01.2004.

²¹ Приказ ФТС России от 04.09.2018 № 1380 «Об утверждении Регламента Федеральной таможенной службы» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 26.09.2018.

²² Постановление Правительства РФ от 28.07.2005 № 452 «О Типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 2005. № 31. Ст. 3233.

²³ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 11.07.2017 № 33а-14849/2017 по делу № 2а-5699/2017 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.04.2022).

²⁴ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 24.02.2015 № 33-2133/2015 по делу № 2-3967/2014 ; апелляционное определение Верховного суда Республики Коми от 03.03.2016 № 33а-1450/2016 ; апелляционное определение Пермского краевого суда от 17.09.2014 по делу № 33-8203 ;

мацией в служебных целях, обращения граждан к такой информации не относятся, в том числе по причине наличия в них персональных данных. Объем письма, направляемого по адресу электронной почты, часто ограничен, почтовый сервер принимает входящую почту не со всех доменных имен и часто отправляет подозрительные сообщения в спам.

С. М. Зубарев и С. В. Сабаева в своем исследовании, анализируя Федеральный закон № 59-ФЗ, отмечают, что он не содержит отдельных статей, регулирующих процедуру рассмотрения именно электронных обращений, а также указывают на неприемлемость подачи обращения по электронной почте, так как это не обеспечивает защиту сведений о частной жизни гражданина и его персональных данных²⁵ и может повлечь нарушение конституционных прав гражданина, закрепленных в ст. 23 и 24 Конституции РФ²⁶. Однако ряд граждан, ссылаясь на нежелание заполнять какие-либо формы на сайтах, требуют приема обращений именно по электронной почте, что не имеет под собой правовых оснований.

В целях реализации права подачи гражданином обращения в форме электронного документа на официальных сайтах в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» практически всех органов открыты разделы по приему обращений. Однако ввиду отсутствия четко регламентированного на федеральном уровне порядка подачи таких обращений требования на данных ресурсах разнятся. Так, различие выражается в допустимом количестве

символов текста обращения (не более 2 000 знаков на сайте Правительства РФ²⁷ и др.), в количестве, размере и формате прикрепляемых файлов (не более двух файлов общим размером не более 5 Мб на сайте Правительства РФ²⁸; файлы общим размером не более 15 Мб на сайте Генеральной прокуратуры РФ²⁹; не более пяти файлов, размером не более 5 Мб каждый, на сайте Совета Федерации ФС РФ³⁰ и др.), необходимости авторизации через федеральную государственную информационную систему Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА), обеспечивающую идентификацию, аутентификацию и авторизацию пользователя (сайты Генеральной прокуратуры РФ, МЧС России и др.), и осуществления дополнительных действий после подачи обращения, например переход по ссылке (сайты Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Государственной Думы ФС РФ, Генеральной прокуратуры РФ, МЧС России и др.) или ввод кода (сайт МВД РФ и др.), отправленных на указанный при подаче обращения адрес электронной почты. При этом ограничение объема файлов часто продиктовано ограниченным объемом серверов органов власти, а исходя из буквального толкования ч. 1 ст. 7 Федерального закона № 59-ФЗ именно в тексте обращения, а не в приложениях излагается суть предложения, заявления или жалобы.

С. Г. Бывальцева в своем исследовании отмечает, что ограничение объема обращения создает существенные препятствия в реализации права на обращение и поэтому не должно применяться в отношении электронных обра-

---

апелляционное определение Красноярского краевого суда от 08.06.2016 по делу № 33а-7442/2016 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.04.2022).

²⁵ Зубарев С. М., Сабаева С. В. Электронные обращения граждан в системе общественного контроля // Административное право и процесс. 2019. № 5. С. 12–17.

²⁶ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 04.07.2020.

²⁷ Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://services.government.ru/letters> (дата обращения: 01.04.2022).

²⁸ Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://services.government.ru/letters> (дата обращения: 01.04.2022).

²⁹ Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/internet-reception/personal-receptionrequest> (дата обращения: 01.04.2022).

³⁰ Официальный сайт Совета Федерации ФС РФ. URL: <http://pisma.council.gov.ru/> (дата обращения: 01.04.2022).

щений³¹. Данное мнение является весьма дискуссионным, так как из обращения на 10 листах сложно вычлениТЬ суть предложения, заявления или жалобы гражданина и, учитывая объем рассматриваемых за день должностным лицом обращений, многостраничный текст не принесет желаемого гражданином результата, для изложения сути и просительной части, а также адекватного восприятия текста в абсолютном большинстве случаев достаточно до 3 страниц текста обращения. В другом исследовании С. Г. Бывальцева, отмечая неурегулированность порядка подачи обращения в форме электронного документа, указывает на то, что зачастую гражданин не имеет возможности подтвердить отправку обращения через интернет-приемные³², с чем сложно согласиться, так как при подаче обращения на сайте органа гражданин почти всегда получает уведомление о получении его обращения, а в некоторых органах еще и о регистрации обращения с указанием его входящего номера.

Справедливую дискуссию вызывает указание в текстах обращений граждан ссылок на различные интернет-ресурсы и видеохостинги, так как переход по ним может вести к риску заражения компьютера вирусами, а просмотр роликов требует значительного времени и технических возможностей, таких как, например, высокая скорость Интернета и оперативная память компьютера. В большинстве государственных органов системы электронного документооборота установлены на автоматизированных рабочих местах с закрытым контуром, то есть не имеющих выхода в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», что делает невозможным просмотр подобных материалов.

До 2017 г. гражданину предоставлялось право выбора способа получения ответа на обращение в форме электронного документа в силу норм ч. 4 ст. 10 Федерального закона № 59-ФЗ (письменно или в электронном виде), однако с вступлением в силу Федерального закона № 355-ФЗ³³ настоящая часть изложена в новой редакции, согласно которой на обращение, поступившее в форме электронного документа, ответ направляется только в форме электронного документа на адрес электронной почты, указанный в обращении. В пояснительной записке к законопроекту № 220209-7³⁴ было прямо указано на оптимизационную цель данной инициативы по сокращению расходов на отправку письменных ответов на обращения в форме электронного документа, с чем сложно не согласиться, так как, выбрав способ электронного взаимодействия с органом, гражданин выразил свою волю по способу коммуникаций, а предоставление возможности направления дополнительных материалов к обращению в форме электронного документа и получения ответа в виде документа на бумажном носителе приводит к сложности организационных процессов и увеличению расходов обеих сторон, учитывая долю обращений, поступающих в форме электронных документов, связанную с возможностью их подачи из любой страны мира и в любое время суток. При этом справедливым будет отметить, что данной нормой минимизируются и расходы граждан на подачу обращения, так как электронная форма не требует расхода канцелярских принадлежностей, приобретения конверта и оплаты почтовых марок, а также существенно сокращает временные затраты на написание и подачу обращения.

³¹ Бывальцева С. Г. Защита органами прокуратуры права граждан на обращение в форме электронного документа // Законность. 2019. № 12. С. 25–30.

³² Бывальцева С. Г. Обеспечение реализации конституционного права граждан на обращение органами прокуратуры: проблемы правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 4. С. 31–35.

³³ Федеральный закон от 27.11.2017 № 355-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации”» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 27.11.2017.

³⁴ Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/220209-7> (дата обращения: 28.03.2022).

Урегулировав способ направления ответа на обращение, законодатель не уделил внимание требованию к форме ответа, и этот пробел вынужденно восполняет судебная практика. Так, ответ должен содержать электронную подпись уполномоченного должностного лица, его подписавшего, либо являться сканированным образом письменного документа³⁵.

Как справедливо отмечают М. А. Андреев и Ю. М. Кукарина, при реализации возможности подачи обращений в форме электронных документов не были учтены неблагоприятные, прежде всего для органов государственной власти и местного самоуправления, последствия, в том числе возникновение у гражданина ощущения снижения уровня ответственности за содержание обращения в форме электронного документа и создание эффекта массового участия различных граждан в одной проблеме или вопросе всего одним гражданином³⁶. Простота и оперативность подачи таких обращений увеличили многократность подачи обращений от одного и того же заявителя, веерность рассылки одного обращения в несколько органов и нескольким должностным лицам, депутатам, сенаторам и т.д., массовые, в том числе акционные, рассылки обращений разными гражданами по одному и тому же вопросу в различные органы и их должностным лицам. Организуемые провокаторами акции с призывами обрушить информационные системы государственных и муниципальных органов, направить максимально возможное количество обращений в форме электронных документов и, не дожидаясь ответа, начать обжалование нарушения трехдневного срока регистрации таких обращений определенно не учитывались в качестве возможных рисков и недобросовестного поведения граждан, что понимают и злоупотребляющие правами лица. Так, органы власти не могут одновременно увеличить количество служащих, работающих с обращениями граждан, возможность автома-

тической регистрации поступающих в форме электронного документа обращений также реализована далеко не всеми органами, поскольку это требует доработки информационных систем и ощутимых финансовых затрат. Всё это нередко приводит к реальному нарушению сроков регистрации и направления ответов на обращения. Именно при подаче обращений в форме электронного документа граждане часто используют вымышленные факты, имена, адреса электронной почты, позволяют себе использовать оскорбления и угрозы, обостренные эмоции, поддаваясь какой-то странной уверенности в своей анонимности и недосыгаемости.

Рассматривая законодательные инициативы, можно отметить, что достаточно подробной регламентации обращение в форме электронного документа подвергается в проекте федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации» от 05.04.2019³⁷, разработанном Советом при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, который в Государственную Думу до настоящего времени не внесен. Так, в ст. 10 проекта закона предлагаются две формы подачи электронного обращения: через специальную форму подачи или личный кабинет на официальном сайте органа либо на адрес электронной почты органа, если органом не реализован первый вариант и такая возможность также отсутствует на портале единой системы обработки и хранения обращений (предлагается к созданию этим же проектом закона).

При этом обращает на себя внимание вопрос идентификации граждан, возникновения случаев, когда с одного адреса электронной почты поступают обращения разных заявителей, что не обеспечивает конфиденциальности ответа и защиты информации о частной жизни и персональных данных. Другая проблема связана с тем, что гражданин при обращении часто использует различные адреса электронной почты,

³⁵ Определение Московского городского суда от 06.05.2019 № 4га/5-431/2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.04.2022).

³⁶ Андреев М. А., Кукарина Ю. М. Организация работы с электронными обращениями граждан на современном этапе // Делопроизводство. 2019. № 4. С. 33–40.

³⁷ Сайт Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. URL: http://president-sovet.ru/docs/normative_initiatives/proekt_federalnogo_zakona_o_poryadke_rassmotreniya_obrashcheniy_grazhdan_v_rossiyskoy_federatsii/ (дата обращения: 26.02.2022).

что не позволяет его идентифицировать даже в рамках одного органа, в результате чего в информационных системах появляется несколько дублирующих записей (карточек) одного и того же гражданина, так как системе недостаточно только Ф. И. О. гражданина и она соотносит граждан, используя также реквизит «адрес».

Остроту проблемы создает невозможность получить достоверную информацию о принадлежности адреса электронной почты именно заявителю. На практике встречались случаи поступления обращений от злоумышленников, в том числе соседей, родственников, коллег, которые таким образом пытались получить информацию о гражданине, представляясь его именем, в том числе нарушить медицинскую тайну, жалуюсь на плохое обслуживание в медицинском учреждении, постановку неверного диагноза, недостаток лечения и реабилитации, поскольку ответ от органов здравоохранения обычно содержит подробные разъяснения по существу. Эта проблема опасна еще и тем, что должностные лица вынуждены постоянно балансировать между распространением информации третьим лицам и требованием о необходимости объективного и всестороннего рассмотрения обращения (п. 1 ч. 1 ст. 10 Федерального закона № 59-ФЗ).

Отсутствие единой системы подачи и обработки обращений граждан приводит к различным подходам и способам работы с обращениями. Так, система приема обращений граждан в форме электронного документа на сайте МЧС России маркирует обращение как «Новая заявка» по форме «Обращения граждан», используя явно сервисную модель системы документооборота.

Правительством РФ с 12 ноября 2020 г. по 30 декабря 2022 г. проводится эксперимент по использованию федеральной государствен-

ной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» для направления гражданами и юридическими лицами в государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения, иные организации, осуществляющие публично значимые функции, и их должностным лицам сообщений и обращений, а также для направления такими органами и организациями ответов на указанные сообщения и обращения³⁸. Несмотря на то, что эксперимент еще не завершен и подводить его итоги рано, следует отметить, что данный портал образовывался прежде всего в целях предоставления государственных и муниципальных услуг (ст. 21 Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»), а многие органы власти их гражданам не оказывают в силу своего функционала и, соответственно, не подключены к portalу.

Заслуживающим особого внимания представляется портал «Электронная приемная органов власти Республики Башкортостан», при помощи которого гражданин может обратиться в любой орган региона. В «Электронной приемной» с обращениями сначала работает модератор, который, определив их тематику, отправляет обращения для регистрации и дальнейшего рассмотрения в соответствующие органы власти по компетенции³⁹.

Требования к обращениям в форме электронных документов также необходимо регулировать. Так, норма о рассмотрении письменных обращений, не поддающихся прочтению (ч. 4 ст. 11 Федерального закона № 59-ФЗ), применяется к обращениям в форме электронных документов по аналогии права — по причине того, что они также могут не поддаваться прочтению,

³⁸ Постановление Правительства РФ от 10.11.2020 № 1802 «О проведении эксперимента по использованию федеральной государственной информационной системы “Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)” для направления гражданами и юридическими лицами в государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения, иные организации, осуществляющие публично значимые функции, и их должностным лицам сообщений и обращений, а также для направления такими органами и организациями ответов на указанные сообщения и обращения» // СЗ РФ. 2020. № 47. Ст. 7519.

³⁹ Указ Президента Республики Башкортостан от 18.01.2013 № УП-5 «Об информационной системе “Электронная приемная органов власти Республики Башкортостан”» // Официальный интернет-портал правовой информации Республики Башкортостан. URL: www.npa.bashkortostan.ru. 22.06.2013.

в том числе из-за умышленного искажения слов, добавления знаков препинания, символов, пробелов и т.д. Аналогично и с продлением срока рассмотрения письменного обращения (ч. 2 ст. 12 Федерального закона № 59-ФЗ).

Подводя итог исследования, следует сделать вывод о необходимости регулирования порядка подачи и работы с обращениями в форме электронного документа на федеральном уровне, направленного прежде всего на повышение уровня ответственности граждан перед компетентными органами за достоверность сообщаемых сведений, на унификацию требований к подаче и рассмотрению обращения: установление единой формы подачи обращения на официаль-

ных сайтах органов с указанием региона события; регламентация способов подачи обращения (официальный сайт органа, электронная почта, создаваемый единый специализированный интернет-портал обращений граждан и т.д.); установление требований к объему текста, размеру и формату прилагаемых файлов; необходимость авторизации или идентификации через ЕСИА и (или) подписания обращения электронной подписью; обязательность получения подтверждения о подаче такого обращения; работу с обращениями в форме электронного документа, включая перенаправление по компетенции, в системе электронного документооборота без распечатывания на бумажном носителе.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андреев М. А., Кукарина Ю. М. Организация работы с электронными обращениями граждан на современном этапе // *Делопроизводство*. — 2019. — № 4. — С. 33–40.
2. Бочкарев И. Е. О праве на обращение в форме электронного документа // *Информационное право*. — 2015. — № 4. — С. 17–21.
3. Бывальцева С. Г. Защита органами прокуратуры права граждан на обращение в форме электронного документа // *Законность*. — 2019. — № 12. — С. 25–30.
4. Бывальцева С. Г. Обеспечение реализации конституционного права граждан на обращение органами прокуратуры: проблемы правового регулирования // *Конституционное и муниципальное право*. — 2020. — № 4. — С. 31–35.
5. Дворянский И. Н. Электронный терминал по приему обращений граждан // *Законность*. — 2011. — № 4. — С. 26–27.
6. Зубарев С. М., Сабеева С. В. Электронные обращения граждан в системе общественного контроля // *Административное право и процесс*. — 2019. — № 5. — С. 12–17.

Материал поступил в редакцию 4 апреля 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Andreev M. A., Kukarina Yu. M. Organizatsiya raboty s elektronnyimi obrashcheniyami grazhdan na sovremennom etape // *Deloproizvodstvo*. — 2019. — № 4. — S. 33–40.
2. Bochkaev I. E. O prave na obrashchenie v forme elektronного документа // *Informatsionnoe pravo*. — 2015. — № 4. — S. 17–21.
3. Byvalceva S. G. Zashchita organami prokuratury prava grazhdan na obrashchenie v forme elektronного документа // *Zakonnost*. — 2019. — № 12. — S. 25–30.
4. Byvalceva S. G. Obespechenie realizatsii konstitutsionnogo prava grazhdan na obrashchenie organami prokuratury: problemy pravovogo regulirovaniya // *Konstitutsionnoe i municipalnoe pravo*. — 2020. — № 4. — S. 31–35.
5. Dvoryanskiy I. N. Elektronnyy terminal po priemu obrashchenij grazhdan // *Zakonnost*. — 2011. — № 4. — S. 26–27.
6. Zubarev S. M., Sabaeva S. V. Elektronnye obrashcheniya grazhdan v sisteme obshchestvennogo kontrolya // *Administrativnoe pravo i process*. — 2019. — № 5. — S. 12–17.

БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА И БАНКОВСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.059-070

И. Е. Михеева*

Недобросовестные практики в деятельности банковских экосистем

Аннотация. В статье рассмотрены особенности проявления недобросовестного поведения со стороны банков как специальных субъектов правонарушения. Автором сделан вывод, что на современном этапе происходит трансформация банковской деятельности, обусловленная появлением банковских экосистем, цифровизацией банковской деятельности, концентрацией у банков больших данных клиентов, а также высокорисковым характером банковской деятельности для клиентов. В этой связи появляются новые практики недобросовестного поведения. В работе обосновано, что создание кредитными организациями других юридических лиц, основной деятельностью которых должна являться запрещенная для самих банков торговая, страховая и производственная деятельность, следует квалифицировать как разновидность недобросовестного поведения. Автор на основе проведенного исследования пришел к выводу о том, что появление банковских экосистем, продажа банками услуг некредитных финансовых организаций, а также внедрение новых технологий предопределяет необходимость совершенствования гражданско-правовой ответственности банков за недобросовестное поведение.

Ключевые слова: правонарушение; банковские экосистемы; недобросовестное поведение; противоправные действия; кредитные организации; агрегаторы; доверительное отношение; цифровые платформы; ответственность; банковские правоотношения.

Для цитирования: Михеева И. Е. Недобросовестные практики в деятельности банковских экосистем // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 7. — С. 59–70. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.059-070.

Unfair Practices in Banking Ecosystems

Irina E. Mikheeva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Department of Banking Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
ya.miheeva@yandex.ru

Abstract. The paper examines peculiarities of manifestation of unfair behavior by the banks as specific subjects of an offense. The author concludes that at the present stage banking activities are being transformed due to the emergence of banking ecosystems, digitalization of banking activities, concentration of big customer data in

---

© Михеева И. Е., 2022

* Михеева Ирина Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой банковского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ya.miheeva@yandex.ru

banks and a high-risk nature of banking activities for customers. In this regard, new practices of unfair behavior are emerging. The paper substantiates that creation of other legal entities by credit organizations, the main activity of which should be trading, insurance and production activities prohibited for banks, should be qualified as a kind of unfair behavior. Based on the conducted research, the author came to the conclusion that the emergence of banking ecosystems, the sale of services by banks to non-credit financial organizations and new technologies predetermine the need to improve the liability of banks for unfair behavior.

Keywords: offense; banking ecosystems; unfair behavior; illegal actions; credit organizations; aggregators; trust relationship; digital platforms; responsibility; banking legal relations.

Cite as: Mikheeva I.E. Nedobrosovestnye praktiki v deyatel'nosti bankovskikh ekosistem [Unfair Practices in Banking Ecosystems]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(7):59-70. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.059-070. (In Russ., abstract in Eng.).

Субъект любого правонарушения, как писал Н. С. Малейн, «вряд ли может включаться в состав правонарушения наряду с другими элементами. Субъект “творит”, выполняет состав правонарушения, а не является его “частью”. Тем не менее без субъектов нет правонарушения, и потому учение о субъекте составляет неотъемлемую часть учения о правонарушении»¹. Как оценочное понятие в гражданском праве, добросовестность характеризует субъекта².

В гражданском праве существуют примеры, когда действующим законодательством предусмотрено привлечение к гражданско-правовой ответственности за недобросовестное поведение специальных субъектов. Так, статьей 53.1 ГК РФ предусмотрено привлечение к ответственности лица, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, в случае, если будет доказано, что при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей оно действовало в том числе *недобросовестно*. С такого лица могут быть взысканы убытки. О. В. Гутников, рассматривая привлечение к ответственности за корпоративные правонарушения в рамках указанной нормы, пишет, что «в корпоративном праве, наоборот, должен действовать принцип специалитета (от-

ветственность наступает только... в отношении тех субъектов, которые *expressis verbis* указаны в законе, учредительных документах юридического лица или в корпоративном договоре)»³.

Таким образом, выделение специального субъекта недобросовестного поведения в банковской деятельности представляется важным для данного исследования, поскольку позволит определить особенности привлечения такого лица к гражданско-правовой ответственности.

Во-первых, в банковских правоотношениях обязательной стороной являются кредитные организации, которые в силу ст. 5 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности»⁴ наделены исключительным правом совершать в совокупности все банковские операции, в частности привлекать вклады, осуществлять переводы, открывать счета и размещать денежные средства от своего имени и т.п.

Во-вторых, степень фактического неравенства сторон банковских правоотношений достигает высокого уровня в силу различных факторов (экономического, правового), а вред, который может быть причинен, является масштабным: практически все потребители обслуживаются в банках.

Особенность проявления недобросовестного поведения со стороны банков на современ-

¹ Малейн Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М. : Юрид. лит., 1985. С. 192.

² Дроздова Т. Ю. Добросовестность в современном гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 15.

³ Гутников О. В. Корпоративная ответственность участников коммерческих операций: проблемы и перспективы развития // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 1. С. 47.

⁴ СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

ном этапе обусловлена наличием в совокупности следующих факторов: доверительным отношением клиентов к банку; трансформацией банковской деятельности как результатом цифровизации и появления банковских экосистем; концентрацией у банков больших данных клиентов, а также высокорисковым характером банковской деятельности для клиентов.

Доверительное отношение клиентов к банкам. В литературе неоднократно отмечался лично-доверительный характер отношений сторон отдельных договоров. Так, Л. Г. Ефимова сформулировала определение лично-доверительного договора для банковских договорных правоотношений. Под лично-доверительной сделкой она понимает «договор, правовой режим которого: 1) приводит к появлению прав и обязанностей, тесно связанных с личностью кредитора и/или должника. Как известно, это приводит к невозможности передачи этих прав и обязанностей в порядке универсального или сингулярного правопреемства. При этом совершенно необязательно, чтобы все права и обязанности, возникающие из договора, оказывались тесно связанными с личностями обеих сторон этого договора. Достаточно, чтобы хотя бы некоторые из них, пусть в отдельных случаях, не могли быть переданы третьи лицам (личный характер); 2) устанавливает правило, в соответствии с которым утрата доверия со стороны одной из сторон договора давала бы ей право в изъятие из общего порядка расторжения договора отказаться от его исполнения в одностороннем, внесудебном порядке без указания причин (доверительный характер)»⁵. Лично-доверительный характер, пишет далее Л. Г. Ефимова, «имеют также те банковские сделки, которые являются разновидностями указанных договоров. В первую очередь речь может идти о лично-доверительном характере расчетных сделок и договора банковского счета, который содержит элемент предварительного договора о заключении в будущем расчетных сделок»⁶.

При этом следует отметить, что гражданское законодательство к правам, неразрывно связанным с личностью кредитора, относит, в частности, требования об алиментах и о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью (ст. 382 ГК РФ). В этой связи представляется, что с точки зрения гражданского законодательства правоотношения, возникающие из банковской деятельности, сложно назвать личными.

В то же время нельзя отрицать доверительный характер, который основан на отношении клиентов к банку.

Возникновение доверительного характера в банковских правоотношениях объясняется следующим.

Во-первых, у клиента исторически, еще с советских времен, сформировалось повышенное доверие к деятельности банков, поскольку существовавшие тогда только государственные банки специализировались в разных сферах экономики, не осуществляли высокорисковой деятельности, поддерживались государством.

Во-вторых, повсеместный переход на безналичные расчеты вынуждает клиентов хранить свои деньги в банке, что также со временем формирует доверие. На текущий счет клиента — физического лица, в том числе к которому привязана банковская карта, фактически в обязательном порядке перечисляется заработная плата.

Учитывая политику Банка России, направленную на стимулирование именно безналичных расчетов, можно утверждать, что клиенты в скором времени не смогут осуществлять какие-либо операции наличными денежными средствами без участия банков. Соответственно, в ближайшей перспективе будет сформировано обязательно-доверительное отношение в части хранения денег в банке, даже для тех клиентов, которые в настоящий момент не пользуются услугами банков при расчетах.

В-третьих, особое значение банковских правоотношений предопределено тем, что деятельность кредитных организаций лицензируется,

---

⁵ Ефимова Л. Г. Банковские сделки: право и практика. М. : НИМП, 2001. С. 120.

⁶ Ефимова Л. Г. Указ. соч. С. 121.

за ней осуществляется постоянный надзор со стороны Банка России.

Представляется, что доверие клиентов обеспечивается также нормами права, предусматривающими защиту клиента как слабой стороны банковского договора. Так, по договорам, в которых клиент выступает в качестве кредитора при размещении денежных средств, он может, например, расторгнуть договор (договор банковского счета расторгается по заявлению клиента в любое время — п. 1 ст. 859 ГК РФ) либо отказаться от него (по договору вклада любого вида, заключенному с гражданином, банк в любом случае обязан выдать по первому требованию вкладчика сумму вклада или ее часть и соответствующие проценты (п. 2 ст. 837 ГК РФ)).

Таким образом, банковская деятельность в силу своей специфики если не всегда имеет доверительный характер, то, в любом случае, вызывает у клиентов доверия больше, чем деятельность большинства других организаций.

На доверие потребителей к банковской деятельности также, в частности, влияют:

- правила ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» о банковской тайне, предусматривающей особый правовой режим представления информации третьим лицам в отношении операций и сделок клиентов;
- положения Федерального закона от 23.12.2003 № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации»⁷, предусматривающие возмещение по застрахованным вкладам в размере 100 % суммы

вкладов в банке, но не более 1 400 000 руб., а в отдельных случаях и 10 000 000 руб.

При этом считается, что банки с участием государства вызывают большее доверие, поскольку имеют финансовую поддержку за счет бюджета. На 10 крупнейших банков из 388 действующих приходится около 72 трлн руб. активов, что составляет почти 76 % от общей доли банковского сектора⁸. При этом в России наблюдается увеличение доли банков с государственным участием в России⁹.

Как неоднократно указывали суды, по договорам, заключаемым с потребителями, перемена кредитора (банка) не должна нарушать требования законодательства о лицензировании¹⁰.

Данный пример свидетельствует о том, что суды отмечают, что именно банк, получивший соответствующее разрешение (лицензию), может быть стороной банковского договора.

Таким образом, под доверительным отношением клиента к банку следует понимать сложившееся в силу ряда как объективных, так и субъективных причин отношение клиента к банку, в результате которого он уверен в *существовании дополнительных гарантий, которые минимизируют его риски* при заключении сделок именно с банком.

Однако в ряде случаев, используя доверительное отношение своих клиентов, банки ведут себя недобросовестно. Одним из таких примеров является реализация услуг некредитных финансовых организаций, совершение которых банкам от своего имени запрещено (страховая, производственная и торговая деятельность).

⁷ СЗ РФ. 2003. № 52 (ч. I). Ст. 5029.

⁸ Финансовый супермаркет Банки.ру // URL: <https://journal.open-broker.ru/economy/kontroliruemye-gosudarstvom-rossiyskie-banki/> (дата обращения: 16.01.2022).

⁹ Якунин С. В. Доминирование банков с государственным участием в России: современные тенденции // Финансовый журнал. 2019. № 3. С. 73.

¹⁰ В пункте 51 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9) указано, что «разрешая дела по спорам об уступке требований, вытекающих из кредитных договоров с потребителями (физическими лицами), суд должен иметь в виду, что Законом о защите прав потребителей не предусмотрено право банка, иной кредитной организации передавать право требования по кредитному договору с потребителем (физическим лицом) лицам, не имеющим лицензии на право осуществления банковской деятельности, если иное не установлено законом или договором, содержащим данное условие, которое было согласовано сторонами при его заключении».

Представляется, что создание кредитными организациями других юридических лиц, основной деятельностью которых должна являться запрещенная для самих банков торговая, страховая и производственная деятельность, следует квалифицировать как *разновидность недобросовестного поведения в форме обхода закона*.

Еще один пример недобросовестного поведения: банки, предлагая услуги третьих лиц, в частности с использованием агрегаторов, владельцем которых они являются, распространяют такое доверие и на них, в том числе путем раздачи своего бренда. Это становится возможным в связи с использованием больших данных о клиентах, которые обслуживаются в банке, через мобильные приложения, клиенты массово получают доступ к таким услугам.

Указанные примеры будут более подробно рассмотрены далее.

Особенности деятельности банковских экосистем. В докладе председателя Банка России Э. С. Набиуллиной было отмечено, что «экосистемы, безусловно, привлекательны для клиентов, дают возможность получать в одной среде, одном приложении почти все, что нужно человеку каждый день. Но мы понимаем, что экосистемы таят и свои риски: банки инвестируют средства вкладчиков в новые бизнесы, в свою экспансию»¹¹.

Особенностью России является лидирующая роль финансового сектора в создании экосистем¹². Появление банковских экосистем стало следствием «поиска новых способов сохранить свое место посредника при совершении банковских операций»¹³, а также снижение доходов от традиционных банковских операций.

Причиной широкого распространения деятельности банковских экосистем в России стало наличие у банков большого объема данных о клиентах: используя клиентскую базу, они предоставляют информацию о других компаниях, входящих в экосистему.

Современные банковские экосистемы начали зарождаться в конце XX в., когда банки стали создавать свои страховые дочерние компании.

В последние годы в России появляются банковские экосистемы, созданные на информационной платформе банков. По мнению М. Н. Иванович, «основой формирования экосистем стало формирование цифровых технологий и вызванные ими изменения поведенческих предпочтений потребителя»¹⁴.

Данную позицию следует дополнить тем, что основной причиной появления экосистем в России является желание банков увеличить доходы за счет небанковских доходов.

В действующем законодательстве отсутствует легальное определение понятия «экосистема». Однако данная дефиниция сейчас широко обсуждается. Так, в докладе Банка России дано следующее определение: «Экосистема (цифровая экосистема) — совокупность сервисов, в том числе платформенных решений, одной группы компаний или компании и партнеров, позволяющих пользователям получать широкий круг продуктов и услуг в рамках единого бесшовного интегрированного процесса»¹⁵. В литературе «банковская экосистема фактически трактуется в рамках создания и развития банковской группы, включающей в себя различные компании (финансовые и нефинансовые), предлагающие клиентам кредитных

---

¹¹ Набиуллина Э. С. Выступление на встрече Ассоциации Банков России 18 февраля 2021 г. // URL: http://static.consultant.ru/obj/file/doc/bank_180221-en.pdf#utm_campaign=hotdocs&utm_source=consultant&utm_medium (дата обращения: 16.01.2022).

¹² Экосистемы: подходы к регулированию : доклад для общественных консультаций Банка России. Апрель. 2021 г. // URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf. С. 3 (дата обращения: 16.01.2022).

¹³ Генкин А., Михеев А. Блокчейн: Как это работает и что ждет нас завтра. М. : Альпина Паблишер, 2018. С. 178.

¹⁴ Иванович М. Н. Экосистема ПАО «Сбербанк». Продукты экосистемы для юридических лиц. // Достижения науки и образования. 2020. 14 (68). С. 49.

¹⁵ Экосистемы: подходы к регулированию. С. 45.

организаций разнообразные финансовые и нефинансовые услуги и товары с целью удовлетворения как можно большего объема их потребностей»¹⁶. Таким образом, в указанных определениях все авторы отмечают объединение услуг и товаров на одной платформе (сервисе).

В российском праве деятельность экосистем специально не урегулирована.

Экосистемы используют агрегаторы (цифровые платформы) с целью предоставления клиентам информации об услугах и о товарах разных лиц. Понятие «агрегатор», на базе которого осуществляется деятельность банковских экосистем, отсутствует в действующем законодательстве. Однако в Законе РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»¹⁷ (далее — Закон «О защите прав потребителей») в

2020 г. появилось определение понятия «владелец агрегатора информации о товарах (услугах)»¹⁸ (далее — владелец агрегатора).

Банк как владелец агрегатора должен соответствовать всем установленным к его деятельности требованиям. В банковских экосистемах кредитные организации представляют информацию о различных финансовых и нефинансовых услугах и товарах.

В статье 9 Закона «О защите прав потребителей» установлены требования к представлению информации об изготовителе (об исполнителе, о продавце, владельце агрегатора)¹⁹.

Как пишет В. П. Курганов, «правила работы и условия пользования площадкой устанавливаются банком — владельцем агрегатора самостоятельно, оказываемые банками услуги являются платными»²⁰.

¹⁶ Трушина К. В., Смагин А. В. Тренд на развитие крупнейших банков в парадигме экосистемы (к вопросу о понятии «экосистема») // *Банковские услуги*. 2019. № 12. С. 8.

¹⁷ СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

¹⁸ Федеральный закон от 31.07.2020 № 290-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О защите прав потребителей”» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5049.

¹⁹ Согласно указанному федеральному закону владелец агрегатора — это организация независимо от организационно-правовой формы либо индивидуальный предприниматель, которые являются владельцами программы для электронных вычислительных машин и (или) владельцами сайта и (или) страницы сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и которые предоставляют потребителю в отношении определенного товара (услуги) возможность одновременно ознакомиться с предложением продавца (исполнителя) о заключении договора купли-продажи товара (договора возмездного оказания услуг), заключить с продавцом (исполнителем) договор купли-продажи (договор возмездного оказания услуг), а также произвести предварительную оплату указанного товара (услуги) путем наличных расчетов либо перевода денежных средств владельцу агрегатора в рамках применяемых форм безналичных расчетов в соответствии с п. 3 ст. 16.1 настоящего Закона и Федеральным законом от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе». Владелец агрегатора обязан довести до сведения потребителей информацию о себе и о продавце (об исполнителе) (фирменное наименование (наименование), место нахождения (адрес), режим работы, государственный регистрационный номер записи о создании юридического лица, фамилию, имя, отчество (если имеется), государственный регистрационный номер записи о государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя), а также об имеющихся изменениях в указанной информации. Владелец агрегатора доводит до сведения потребителей информацию о себе и о продавце (об исполнителе) посредством ее размещения на своем сайте и (или) странице сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Информацию о продавце (об исполнителе) владелец агрегатора вправе довести до сведения потребителей посредством размещения на своем сайте и (или) странице сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» ссылки на сайт продавца (исполнителя) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

²⁰ Курганов В. Баланс интересов // *Банковское обозрение*. 2019. № 3. С. 85.

Организационно-правовые формы деятельности участников банковских экосистем в настоящее время только формируются.

По мнению А. А. Иванова, «отношения между владельцем агрегатора и пользователями могут быть построены по нескольким моделям»²¹.

В практической деятельности крупных российских банков экосистемы получили широкое распространение, они построены по разным моделям. Так, Экосистема «Сбера» включает в себя различные организации, созданные на единой цифровой платформе. В экосистему включены различные услуги: доставка, лечение, перевозка, покупка, путешествия, развлечения и т. д.²² Экосистема «Сбера» фактически включает его дочерние компании. Как указано на сайте банка, в общей сложности «Сбербанк» приобрел и создал с нуля более 60 компаний, которые оказывают услуги как повседневного спроса, так и в бизнес-сегменте и области новых технологий²³.

Услуги, которые предлагаются в экосистеме «Сбера», не являются услугами самого банка. Граждане обращаются в компании, услуги которых размещены на единой информационной площадке «Сбера», в большей части по той причине, что они являются клиентами банка, имеют его приложение. Кроме того, указание в названии этих компаний бренда «Сбер» вызывает у них дополнительное доверие, основан-

ное на отношениях с банком. Представляется, что использование указанного бренда вводит клиентов в заблуждение относительно лица, которое будет предоставлять услугу, продавать товар на электронной площадке. Если бы такого эффекта от бренда «Сбер» не было, очевидно, что банк не стал бы так широко его использовать. Представляется, что такое поведение представляет собой разновидность недобросовестного поведения. Однако ответственность за него действующим законодательством не предусмотрена.

Как пишет Е. Д. Суворов, «ответственность должна иметь место всегда, когда потребитель проявляет лояльность по отношению к бренду. Так как владелец агрегатора делится своим брендом с производителями (продавцами, исполнителями) путем привлечения потребителей к приобретению соответствующих товаров (работ, услуг), он должен отвечать за качество реализованного продукта, покупка которого была обусловлена доверием к его бренду»²⁴.

В этой связи еще раз отмечаем, что предоставление банковского бренда другим участникам банковской экосистемы — разновидность недобросовестного поведения кредитной организации в форме усиления ею информационной диспропорции, поскольку применение банковского бренда вводит потребителя в заблуждение относительно стороны

---

²¹ В частности, выделяют:

- модель представительства (предполагает использование договора поручения, в том числе в отношениях как с потребителями, так и с производителями);
- модель комиссии (реализуется через использование договора комиссии (в том числе двойной комиссии), т.е. при совершении сделок агрегатор действует от собственного имени);
- модель передачи товаров, выполнения работ, оказания услуг (в этом случае услуга бизнес-агрегатора может состоять в подборе нужного производителя, регламентации его деятельности и контроле за качеством);
- смешанную модель (сочетает несколько договорных видов из перечисленных выше);
- модель *sui generis* (обосновывает особый тип договорного регулирования, используемого в отношениях с участием агрегаторов торговли (выполнения работ или оказания услуг)).

См.: Иванов А. А. Бизнес-агрегаторы и право // Закон. 2017. № 5. С. 145.

²² Цифровая экосистема «Сбера» // URL: <https://www.sberbank.com/ru/eco> (дата обращения: 16.01.2022).

²³ Экосистема «Сбера» // URL: <https://spec.tass.ru/sber180/ekosistema-sbera> (дата обращения: 16.01.2022).

²⁴ Суворов Е. Д. Некоторые проблемы электронной торговли: к вопросу об ответственности владельцев агрегаторов перед потребителями // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 9. С. 60.

и правовой природы договора, заключаемого им с другим участником экосистемы, а также способствует распространению на этого участника банковской экосистемы доверия, которое испытывает потребитель к кредитной организации.

Осуществление на электронной площадке в рамках банковской экосистемы деятельности, которой запрещено заниматься самим банкам, а именно производственной, страховой и торговой деятельности, представляется не соответствующим требованиям к банковской деятельности.

Еще одной особенностью банковских экосистем является включение любой компании в экосистему банка, что позволяет ей пользоваться персональными данными клиента, которые предоставляются банку.

Согласно ст. 12 Закона «О защите прав потребителей», если иное не предусмотрено соглашением между владельцем агрегатора и продавцом (исполнителем) или не вытекает из существа отношений между ними, ответственность за исполнение договора, заключенного потребителем с продавцом (исполнителем) на основании представленной владельцем агрегатора информации о товаре (об услуге) или о продавце (об исполнителе), а также за соблюдение прав потребителей, нарушенных в результате передачи потребителю товара (услуги) ненадлежащего качества и обмена непродуктового товара надлежащего качества на аналогичный товар, несет продавец (исполнитель).

Однако представляется, что указанной ответственности банка-агрегатора недостаточно, поскольку данной нормой не учитываются недобросовестные действия, которые совершает банк. Банк своим брендом *создает иллюзию дополнительных гарантий для клиентов за счет использования и «раздачи» своего фирменного наименования, что и является недобросовестным поведением.*

При этом в настоящей работе не стоит задача всестороннего исследования деятельности банковских экосистем, правовые проблемы их деятельности настолько масштабны, что могут быть предметом самостоятельного исследования, в работе данный вопрос проанализирован с целью выявления связи между их появлением и недобросовестным поведением банков.

Согласимся с тем, что «выработка мер ответственности перед потребителем владельца агрегатора строится на необходимости защиты такой слабой стороны в правоотношении, как потребитель»²⁵.

Таким образом, банковская экосистема представляет собой объединение самостоятельных юридических лиц, которое является разновидностью банковской группы (одно или несколько небанковских юридических лиц находятся под контролем или значительным влиянием кредитной организации), которое отвечает следующим признакам: все участники банковской группы объединены общим наименованием (в том числе брендом), пользуются предоставленной кредитной организацией информационно-тех-

²⁵ Суворов Е. Д. Указ. соч. С. 61.

Очевидно, что потребитель выигрывает от того, что дополнительно ответственным перед ним является владелец агрегатора. Вопрос о том, несет ли он ответственность один либо наряду с продавцом, — это уже вопрос усиления ответственности, но потребитель не должен лишаться защиты своих интересов путем исключения имущественной массы владельца агрегатора из потенциального источника реализации таких интересов. Отметим, что именно по такому пути идет в целом потребительское законодательство: перед потребителем отвечает не только продавец, но и производитель и импортер. Они отвечают по договору независимо от того, что стало причиной неисполнения обязательства перед потребителем (ст. 18 Закона о защите прав потребителей), а потому аргумент об отсутствии вины и иные возражения со стороны владельца агрегатора не должны иметь силы: все участники торговой цепочки (от сбыта производителем до сбыта потребителю) должны гарантировать своей массой реализацию имущественных интересов потребителя. В связи с этим особое положение владельцев агрегаторов вновь ставит вопрос о причинах нарушения принципа равенства; как мы полагаем, причин, заслуживающих отклонения от общего принципа, нет.

нической инфраструктурой: платформой-агрегатором, базой данных кредитной организации о ее клиентах, включая их персональные данные («большие данные»); пользуются доверием, которое оказано обществом этой кредитной организации.

В указанном случае участник экосистемы, нарушивший свои договорные обязательства, будет нести перед потребителем договорную ответственность, а банк — внедоговорную субсидиарную ответственность, целью применения которых является полное возмещение убытков, понесенных потребителем.

Для осуществления любой инновации необходимы партнеры-потребители и партнеры-поставщики²⁶. Для обеспечения деятельности банковских экосистем широко задействуются не только другие компании, но и клиенты — потребители. Именно наличие в банках большой клиентской базы дает им возможность формировать экосистемы и эффективно ими управлять.

Большие данные о клиентах. В платформенной экономике данные становятся ключевой ценностью²⁷.

В силу специфики банковской деятельности каждая кредитная организация имеет информацию о своих клиентах. Концентрация в банке данных о ее клиентах обусловлена выполнением ими обязанности по идентификации клиентов при совершении банковских операций, предусмотренной законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов.

Сбор документов клиентов для совершения банковских операций предусмотрен нормативными актами Банка России, в частности инструкцией Банка России от 30.05.2014 № 153-И «Об открытии и закрытии банковских счетов, счетов по вкладам (депозитам), депозитных счетов»²⁸.

Доступ к большим массивам данных и их эффективная обработка оказывают заметное

влияние на усиление рыночной власти, в том числе потому, что обладание такими данными дает широкие возможности для внедрения, использования и развития в своем бизнесе следующих практик:

- технологии BigData и программатик-инструменты в сфере маркетинга, а также таргетированные и контекстные инструменты в этой сфере;
- профилирование потребителей финансовых услуг (в том числе посредством поведенческого анализа и составления портрета пользователя);
- аналитика посредством искусственного интеллекта и машинного обучения (эффективность зависит от объема данных, на основании которых происходит обучение)²⁹.

Владение большими данными и их использование в рамках экосистем уже не вызывает сомнений. Как пишет С. Г. Иванович, «использование данных о клиенте и его потребностях, иными словами — агрегация данных о своих клиентах из различных сервисов, дает понимание, какие потребности клиента необходимо удовлетворить. К примеру, его предпочтения в покупках, его возраст, его семейное положение, а также история поиска и пользования сервисами экосистемы. В том числе общие платформы, сбор и обработка информации искусственного интеллекта — всё это позволяет эффективно обмениваться данными и использовать их для удовлетворения потребностей клиентов. В первую очередь было создано ядро — успешный и стабильный основной бизнес. В нашем случае это банковские услуги и сервисы для юридических лиц»³⁰. Так, например, на официальном сайте «Сбера» указано, что в его экосистеме — 101,5 млн активных розничных клиентов³¹.

Изучая большие данные клиентов, банки имеют возможность направлять им информаци-

²⁶ См.: Быстрова А. В., Вартаева Р. С. Экологический подход к стратегической конкуренции // Современная конкуренция. 2019. Т. 13. № 4 (76). С. 19.

²⁷ Экосистемы: подходы к регулированию. С. 4.

²⁸ Вестник Банка России. 2010. № 23.

²⁹ Экосистемы: подходы к регулированию. С. 3.

³⁰ Иванович М. Н. Указ. соч. С. 50.

³¹ Экосистема «Сбера».

онные сообщения об оказании услуг компаниями, которые аффилированы именно с банком и таким образом влиять и ограничивать их выбор.

Риски банковской деятельности для ее клиентов. По мнению В. А. Ойгензихта, «риск — многогранная категория, выступающая в качестве субъективного основания ответственности, самостоятельного вида вины и в то же время как условие возложения убытков при отсутствии вины»³². В литературе, рассматривая институт гражданско-правовой ответственности, тему рисков связывают с возмещением вреда не его причинителем, а, например, владельцем источника повышенной опасности, работодателем. Таким образом, в случае с рисками речь должна идти не о договорной, а о деликтной ответственности банков.

Вопросы повышенных рисков в связи с трансформацией банковской деятельности стали предметом обсуждения на совещании при Президенте РФ в 2020 г., на котором было отмечено, что при трансформации банковского сектора «возникают не только новые возможности для бизнеса, для граждан, но и дополнительные риски. И чтобы предотвратить, снизить потенциальные риски, необходимо своевременно, с опережением настраивать регуляторную базу в цифровой сфере, заниматься вопросами кибербезопасности, а также предусматривать такие

механизмы, чтобы инвестиции банков в другие, непрофильные для них сектора не ставили под угрозу сохранность средств вкладчиков»³³.

Следует отметить, что риски в банковской деятельности можно разделить на риски для банка и риски для клиента. Поскольку в работе исследуется недобросовестное поведение банков, далее будут рассматриваться риски, которые возникают для клиентов вследствие недобросовестного поведения банков.

С попытками дать определение понятия «риск» мы встречаемся в ряде работ отечественных авторов; различная трактовка этого слова предопределила и различие в определениях, ибо под эту категорию авторы подводят и разные правовые явления³⁴.

В отечественной цивилистике устоялись три концепции риска — объективная, субъективная и дуалистическая, объединяющая оба подхода³⁵.

Термин «риск» применяется в различных значениях. При вине в форме эвентуального умысла и грубой неосторожности (самонадеянности) правонарушитель знает о возможности наступления неблагоприятных последствий и, не желая их, в первом случае — допускает, а во втором — надеется предотвратить эти последствия и, таким образом, как бы «рискует»³⁶.

Для настоящего исследования представляют интерес те риски, которые возникают для кли-

³² Ойгензихт В. А. Проблемы риска в гражданском праве (общая часть). Душанбе : Изд-во ИРФОН, 1972. С. 9.

³³ Совещание о ситуации в банковской сфере // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64955> (дата обращения: 16.01.2022).

³⁴ Ойгензихт В. А. Указ. соч. С. 9.

³⁵ Горячкина Д. А. К вопросу о категории «риск» в теории гражданского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. Вып. 22 (13). 2011. С. 91.

Представители объективной концепции (Н. С. Малеин, А. А. Собчак, О. А. Кабышев, А. Ю. Бушев) под риском понимают возможность (или опасность) наступления неблагоприятных последствий (имущественного или личного характера). По мнению О. А. Кабышева, риск — это опасность возникновения неблагоприятных последствий (имущественного или личного характера), относительно которых неизвестно, наступят они или нет, его наступление чревато материальными потерями. В договорном обязательстве под риском понимается вероятность наступления не подлежащих компенсации за счет другой стороны обязательства убытков или иных расходов, условием возникновения которых не является вина лица, на чью имущественную сферу они будут отнесены в силу закона или договора. Объективное существование риска обусловлено многовариантностью путей общественного развития, отношений, в которые вступают субъекты социальной жизни, их вероятностным характером.

³⁶ Малеин Н. С. Указ. соч. С. 162.

ентов в результате действий, связанных с заключением договоров.

Выявление риска необходимо тогда, когда речь идет об ответственности за чужую вину. По общему правилу, риск должен нести тот, кто его создал, в случае с деятельностью экосистем риск создается банком.

Поддерживая теорию виновности банка при недобросовестном поведении, считаем, что в случае, когда банки реализуют услуги третьих лиц с использованием агрегаторов (цифровых платформ) речь должна идти об их ответственности за риск, когда вред причинен непосредственно третьим лицом, допущенным на цифровую платформу банка.

По общему правилу, при обнаружении в товаре недостатков ответственность, в том числе возмещение причиненных потребителю убытков, согласно ч. 2, 3 ст. 18 Закона «О защите прав потребителей» несет продавец, изготовитель (их уполномоченные организации или уполномоченные индивидуальные предприниматели) или импортер товара. Между тем при наступлении обстоятельств, указанных в ч. 6 ст. 24 Закона

«О защите прав потребителей», ответственным по проведению расчетов с потребителем в случае приобретения им товара ненадлежащего качества будет только продавец.

В заключение отметим, что в ситуации, когда лицо, действующее под брендом банка, не исполняет свои обязательства или ведет себя недобросовестно, банк должен привлекаться к деликтной ответственности по обязательствам такого юридического лица, поскольку он способствует введению потребителя в заблуждение относительно стороны и правовой природы договора. Внедоговорная ответственность банков должна быть в данном случае субсидиарной по отношению к договорной ответственности юридического лица.

Кроме того, выделение банка как специального субъекта ответственности за недобросовестное поведение обосновывается сферой применения предлагаемой ответственности — банковская деятельность, высокой степенью фактического неравенства сторон банковских правоотношений и возможным вредом, причиняемым таким поведением.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Генкин А., Михеев А. Блокчейн : Как это работает и что ждет нас завтра. — М. : Альпина Паблишер, 2018. — 592 с.
2. Горячкина Д. А. К вопросу о категории «риск» в теории гражданского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. Вып. 22 (13). — 2011. — С. 90–91.
3. Гражданское право : учебник : в 2 т. / И. З. Аюшеева, Е. Е. Богданова, Б. А. Булаевский [и др.] ; под ред. Е. Е. Богдановой. — М. : Проспект, 2020. — Т. 1. — 440 с.
4. Гутников О. В. Корпоративная ответственность участников коммерческих операций: проблемы и перспективы развития // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2019. — № 1.
5. Экосистемы: подходы к регулированию : доклад для общественных консультаций Банка России. Апрель 2021 // URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf (дата обращения: 16.01.2022).
6. Дроздова Т. Ю. Добросовестность в современном гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005. — 25 с.
7. Ефимова Л. Г. Банковские сделки: право и практика. — М. : НИМП, 2001. — 654 с.
8. Иванов А. А. Бизнес-агрегаторы и право // Закон. — 2017. — № 5. — С. 145–157.
9. Иванович М. Н. Экосистема ПАО «Сбербанк». Продукты экосистемы для юридических лиц // Достижения науки и образования. — 2020. — № 14 (68). — С. 49–51.
10. Курганов В. Баланс интересов // Банковское обозрение. — 2019. — № 3. — С. 84–85.
11. Малейн Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. — М. : Юрид. лит., 1985.
12. Набиуллина Э. С. Выступление на встрече Ассоциации Банков России 18 февраля 2021 г. // URL: http://static.consultant.ru/obj/file/doc/bank_180221-en.pdf#utm_campaign=hotdocs&utm_source=consultant&utm_medium (дата обращения: 16.01.2022).

13. *Ойгензишт В. А.* Проблема риска в гражданском праве. Часть общая. — Душанбе : Ирфон, 1972. — 224 с.
14. *Суворов Е. Д.* Некоторые проблемы электронной торговли: к вопросу об ответственности владельцев агрегаторов перед потребителями // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2019. — № 9. — С. 57–67.
15. Топ-10 финтех-стартапов, способных убить банки // URL: <https://psm7.com/articles/top-10-fintech-startapov-sposobnyx-ubit-banki.html> (дата обращения: 16.01.2022).
16. *Трушина К. В., Смагин А. В.* Тренд на развитие крупнейших банков в парадигме экосистемы (к вопросу о понятии «экосистема») // Банковские услуги. — 2019. — № 12. — С. 7–11.
17. *Якунин С. В.* Доминирование банков с государственным участием в России: современные тенденции // Финансовый журнал. — № 3. — 2019. — С. 64–74.
18. *Moore J.* The Death of Competition: Leadership and strategy in the age of business ecosystems. — New York : Harper Business, 1996. — 320 p.

Материал поступил в редакцию 16 января 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Genkin A., Miheev A. Blokchejn: Kak eto rabotaet i chto zhdet nas zavtra. — M.: Alpina Publisher, 2018. — 592 s.
2. Goryachkina D. A. K voprosu o kategorii «risk» v teorii grazhdanskogo prava // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. Vyp. 21 (13). — 2011. — S. 90–91.
3. Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 2 t. / I. Z. Ayusheeva, E. E. Bogdanova, B. A. Bulaevskij [i dr.]; pod red. E. E. Bogdanovoj. — M.: Prospekt, 2020. — T. 1. — 440 s.
4. Gutnikov O. V. Korporativnaya otvetstvennost uchastnikov kommercheskih operacij: problemy i perspektivy razvitiya // Pravo. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki. — 2019. — № 1.
5. Ekosistemy: podhody k regulirovaniyu: doklad dlya obshchestvennyh konsultacij Banka Rossii. Aprel 2021 // URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf (дата обращения: 16.01.2022).
6. Drozdova T. Yu. Dobrosovestnost v sovremennom grazhdanskom prave: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2005. — 25 s.
7. Efimova L. G. Bankovskie sdelki: pravo i praktika. — M.: NIMP, 2001. — 654 s.
8. Ivanov A. A. Biznes-agregatory i pravo // Zakon. — 2017. — № 5. — S. 145–157.
9. Ivanovich M. N. Ekosistema PAO «Sberbank». Produkty ekosistemy dlya yuridicheskikh lic // Dostizheniya nauki i obrazovaniya. — 2020. — № 11 (68). — S. 49–51.
10. Kurganov V. Balans interesov // Bankovskoe obozrenie. — 2019. — № 3. — S. 84–85.
11. Malein N. S. Pravonarushenie: ponyatie, prichiny, otvetstvennost. — M.: Yurid. lit., 1985.
12. Nabiullina E. S. Vystuplenie na vstreche Associacii Bankov Rossii 18 fevralya 2021 g. // URL: http://static.consultant.ru/obj/file/doc/bank_180221-en.pdf#utm_campaign=hotdocs&utm_source=consultant&utm_medium (дата обращения: 16.01.2022).
13. Ojgenziht V. A. Problema riska v grazhdanskom prave. Chast obshchaya. — Dushanbe: Irfon, 1972. — 224 s.
14. Suvorov E. D. Nekotorye problemy elektronnoj trgovli: k voprosu ob otvetstvennosti vladelcev agregatorov pered potrebiteljami // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. — 2019. — № 9. — S. 57–67.
15. Top-10 fintekh-startapov, sposobnyh ubit banki // URL: <https://psm7.com/articles/top-10-fintech-startapov-sposobnyx-ubit-banki.html> (дата обращения: 16.01.2022).
16. Trushina K. V., Smagin A. V. Trend na razvitie krupnejshih bankov v paradigme ekosistemy (k voprosu o ponyatii «ekosistema») // Bankovskie uslugi. — 2019. — № 12. — S. 7–11.
17. Yakunin S. V. Dominirovaniye bankov s gosudarstvennym uchastiem v Rossii: sovremennye tendencii // Finansovyj zhurnal. — № 3. — 2019. — S. 64–74.
18. Moore J. The Death of Competition: Leadership and strategy in the age of business ecosystems. — New York: Harper Business, 1996. — 320 p.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.071-079

М. А. Егорова*

Основные направления правового регулирования «зеленого» налогообложения для целей предпринимательской деятельности: опыт зарубежных стран¹

Аннотация. В статье исследованы отдельные аспекты воздействия «зеленой» экономики на трансформацию экологического законодательства, «зеленого» налогообложения. На современном этапе развития экономических отношений в странах Европейского Союза все больше совершенствуются экономические модели, которые направлены на создание богатства и обеспечение роста экономики без ущерба для окружающей среды, т.е. на переход к «зеленой» экономике. Современные стратегические меры «зеленого» роста стран Европейского Союза находятся в непосредственной реализации инструментами права и оказывают воздействие на развитие предпринимательской деятельности. Автором проанализирована система «зеленого» налогообложения, существующая за рубежом, как инструмент правового воздействия на субъекты предпринимательской деятельности в части соблюдения экологических норм и стандартов. Рассмотрены виды «зеленых» налогов, их назначение, выделены классификационные критерии: цель введения, объект налогообложения, сфера применения, вид экономической деятельности. Особо выделен налог на углерод. Это связано с повышенным вниманием к количеству выбросов углекислого газа в атмосферу, а также с экологической повесткой по снижению углеродного следа. Приведены конкретные примеры налогового регулирования за рубежом, даны предложения по его развитию. Отмечается важность соблюдения баланса интересов государства, общества и предпринимателей при введении «зеленого» налогообложения, необходимость стимулирования компаний к внедрению передовых экологических технологий путем предоставления налоговых преференций.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность; стратегические меры; трансформация права; государственное регулирование; трансграничное углеродное регулирование; декарбонизация; защита окружающей

---

¹ Статья подготовлена с использованием материалов СПС «КонсультантПлюс».

© Егорова М. А., 2022

* *Егорова Мария Александровна*, доктор юридических наук, профессор кафедры конкурентного права, начальник Управления международного сотрудничества Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), эксперт Центра научной и экспертной аналитики Международного центра компетенций «АйПи» ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности»

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
maegorova@msal.ru

среды; зеленая экономика; зеленое налогообложение; экологические налоги; зеленый рост; углеродный след; налог; экологические платежи.

Для цитирования: Егорова М. А. Основные направления правового регулирования «зеленого» налогообложения для целей предпринимательской деятельности: опыт зарубежных стран // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 7. — С. 71–79. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.071-079.

Main Directions of «Green» Taxation Regulation for the Business Purposes: Experience of Foreign Countries²

Maria A. Egorova, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Competition Law; Head of the Department of International Cooperation, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); expert, Center for Scientific and Expert Analytics of the International Competence Center «IP», Russian State Academy of Intellectual Property
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
maegorova@msal.ru

Abstract. The paper examines some aspects of the impact of the «green» economy on transformation of environmental legislation and «green» taxation. At the present stage of economic development in the countries of the European Union, economic models aimed at creating wealth and ensuring economic growth without harming the environment, i.e., the transition to a «green» economy, are being increasingly improved. Modern strategic measures of «green» growth of the European Union countries are directly implemented by the instruments of law and have an impact on the development of entrepreneurship. The author considers the system of «green» taxation existing abroad as an instrument of legal influence on business entities in terms of their compliance with environmental norms and standards. The author examines the types of «green» taxes and their purpose, describes classification criteria that include a purpose of introduction, an object of taxation, a scope of application and a type of economic activity. Special attention is paid to the carbon tax because of increased attention to the amount of carbon dioxide emissions into the atmosphere and an agenda to reduce the carbon footprint. The paper dwells on specific examples of tax regulation abroad and makes proposals for its development. The author highlights the importance of maintaining a balance of interests between the state, society and entrepreneurs when introducing «green» taxation, the need to encourage companies to introduce advanced eco-friendly technologies by providing tax preferences.

Keywords: entrepreneurial activity; strategic measures; transformation of law; state regulation; cross-border carbon regulation; decarbonization; environmental protection; green economy; green taxation; environmental taxes; green growth; carbon footprint; tax; environmental payments.

Cite as: Egorova MA. Osnovnye napravleniya pravovogo regulirovaniya «zelenogo» nalogooblozheniya dlya tseley predprinimatelskoy deyatel'nosti: opyt zarubezhnykh stran [Main Directions of «Green» Taxation Regulation for the Business Purposes: Experience of Foreign Countries]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(7):71-79. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.071-079. (In Russ., abstract in Eng.).

Принципы предпринимательского права — это основные идеи, начала, которые пронизывают систему предпринимательского законодательства и реализуются в отношениях с участием различных субъектов предпринимательской деятельности. К отраслевым принци-

пам предпринимательской деятельности можно отнести: принцип свободы предпринимательской деятельности, принцип единства экономического пространства, принцип недопущения осуществления недобросовестной конкуренции, принцип достижения баланса государственного

² The article was prepared using the materials of the Reference system «ConsultantPlus».

и иного социального регулирования предпринимательской деятельности³.

Необходимо отметить, что бизнес в XXI в. становится все более социально ориентированным, приобретает «человеческое лицо». Сначала предприниматели начали уделять больше внимания персоналу, затем — участвовать в социальных проектах и инициативах, стремясь не только к извлечению прибыли, но и к внесению вклада в благополучие общества. В настоящее время экологическая повестка приобретает наибольшую актуальность во всем мире. Вопросы сохранения климата и защиты окружающей среды находят свое отражение не только в политических решениях, международных соглашениях, но и в усиливающихся требованиях к предпринимательской деятельности.

Во всем мире пытаются выработать способы предотвращения глобального изменения климата. Поскольку основная причина загрязнения окружающей среды — хозяйственная деятельность человека, то именно в сторону субъектов хозяйственной деятельности направлено пристальное внимание государства и общества.

Можно выделить основные вопросы, с которыми связана работа: сокращение выбросов углекислого газа в атмосферу, снижение углеродного следа (декарбонизация), использование энергоэффективных технологий, экономия ресурсов, перерабатываемость отходов производства и т.п.

Однако потребность в быстром решении проблем защиты окружающей среды порождает необходимость принимать меры со стороны государства, а не только полагаться на экологически ответственный подход предпринимателей.

В мировой практике (в том числе и в России) применяются системы стандартизации производства, которые предполагают соблюдение норм, не позволяющих наносить большой ущерб экологии. За нарушение установленных норм применяются штрафные санкции.

Еще одним инструментом воздействия на поведение субъектов предпринимательской деятельности является введение так называемого «зеленого» налогообложения. Налог на загрязнение может являться экономически оправданным способом государственного вмешательства в функционирование конкурентного рынка в случае, когда рыночная система сама не способна устранить отрицательный внешний эффект в производстве в виде загрязнения и достичь парето-оптимального состояния⁴.

Правовое регулирование «зеленого» налогообложения наиболее распространено в зарубежных странах, в России только обсуждается возможность его внедрения. Вместе с тем механизм взимания экологических налогов в целом проработан⁵. «Зеленые» налоги — средство пополнения бюджета и возможность перераспределения бюджетных средств на реализацию социально-экономических проектов и государственных программ⁶.

Ввиду того что в ЕС «зеленый курс» является одновременно и стратегией роста, «зеленое» налогообложение направлено на экологическую перезагрузку экономики после пандемии COVID-19.

Экологические, или «зеленые», налоги включают налоги на энергию, транспорт, загрязнение и ресурсы. Энергетические налоги — это налоги на энергетические продукты и электроэнергию,

³ Принципы частного права : монография / отв. ред. Т. П. Подшивалов, В. В. Кванина, М. С. Сагандыкова. М. : Проспект, 2018. С. 161–173.

⁴ Pigou A. C. The Economics of Welfare. 3th ed. London : Macmillan, 1920. URL: <http://pombo.free.fr/pigou1920.pdf> (дата обращения: 05.12.2021).

⁵ Реализация механизмов зеленой экономики. Внедрение экологических налогов // URL: <https://ruslom.com/wp-content/uploads/2019/02/realizatsiya-mehanizmov-zelenoy-ekonomiki.pdf> (дата обращения: 01.09.2021).

⁶ Adolf C., Röhrig K. Green Taxes As a means of financing the EU budget: policy options // The Greens/European Free Alliance. October 2016. 76 p. URL: https://green-budget.eu/wp-content/uploads/2016-10-20_FINAL_Policy-Options-for-Ecological-European-own-resources.pdf (дата обращения: 05.12.2021).

используемые для транспорта (бензин и дизельное топливо), а также для других целей (мазут, природный газ, уголь и электроэнергия, используемые для отопления). Инициативы по экологическому налогообложению как на уровне ЕС, так и на уровне государств-членов направлены на реализацию экологической политики, при этом поощряется переход к более чистой энергии и устойчивой промышленности, новым, экологичным привычкам в европейском сообществе. Кроме того, «зеленое» налогообложение может способствовать устойчивому росту, обеспечивать «ресурсную справедливость» между поколениями и поддерживать уровень налоговых поступлений для государств — членов ЕС, позволяя им сокращать другие налоги, которые не соответствуют концепции устойчивого развития ООН, например налоги на работников (зарплатные налоги).

«Зеленое» налогообложение включено в структуру механизмов «зеленой» экономики. Однако экологический налог может негативно отразиться на экономическом развитии стран, так как существует опасность искажения налоговой базы, демотивирования субъектов экономики и снижения их деловой активности, увеличения затрат на производство и производственную инфраструктуру.

США и Китай — страны с наибольшим объемом выбросов углекислого газа в атмосферу. Ими имплементированы рыночные инструменты по сокращению выбросов парниковых газов. В свою очередь, Евросоюз стремится реализовать самую амбициозную цель в мире — сократить к 2030 г. выбросы парниковых газов на 40 %⁷. В отличие от цели ЕС по Европейскому зеленому курсу, которая формулируется как достижение климатической нейтральности к 2050 г., цель Китая до 2060 г. предполагает только углеродную нейтральность.

Переход к климатической нейтральности требует глубоких социальных изменений. В этом смысле «зеленое» налогообложение

должно вписываться в более широкий политический контекст, объединяющий множество инструментов, таких как ценообразование, субсидии, стандарты и инвестиции в общественную инфраструктуру. Введение национальных экологических налогов позволяет решать конкретные экологические проблемы в каждом отдельном государстве. Поскольку последствия загрязнения часто сильнее всего сказываются на домохозяйствах с низкими доходами, предотвращение загрязнения окружающей среды с помощью налогов и рыночных инструментов с тщательным учетом того, как они распространяются на граждан, может повысить социальную ориентированность налогообложения и ввести в действие принцип «загрязнитель платит».

На основе классификационных признаков выделяются следующие подгруппы экологических налогов:

- 1) по цели введения: налоги, покрывающие расходы на охрану окружающей среды, регулирующие (стимулирующие), увеличивающие налоговые доходы государства;
- 2) по объекту налогообложения: налоги на загрязняющие вещества, налоги на средства производства, налоги на виды деятельности;
- 3) по сфере применения: энергетические налоги, транспортные налоги, налоги на загрязнение и налоги на ресурсы;
- 4) соответствующие виду экономической деятельности (промышленность, сельское хозяйство, рыболовство и рыбководство, транспорт, домохозяйства, группа нерезидентов) налоги.

Современное понимание экологического налога имеет целью изменение экологического поведения компаний и домохозяйств с усилением стимулирующей функции, связанной со стоимостью экологического ущерба⁸.

В законодательстве о налоге на выбросы углерода устанавливаются правила относительно того, какое юридическое лицо будет нести ответственность за уплату налога правитель-

⁷ *Zachmann G., Williams B. M.* A European carbon border tax: much pain, little gain // Policy Contribution Issue. No. 5. March 2020. P. 1–19.

⁸ *Ермакова Е. А., Тюпакова Н. Н.* Комплексная классификация экологических налогов // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. № 2 (71). С. 122–130. С. 124.

ству (налогоплательщик). Налог на выбросы углерода призван дать потребителям стимул к изменению своего поведения и уменьшению потребления ископаемого топлива.

Углекислый газ попадает в атмосферу в основном при сжигании ископаемого топлива (например, угля, природного газа и нефти), твердых отходов, деревьев и изделий из дерева. Углекислый газ удаляется из атмосферы, когда он поглощается растениями, или в водах океана в процессе биологического круговорота углерода, или искусственно в рамках улавливания и хранения углерода. В связи с этим существует два основных подхода к определению объектов налогообложения. Один («топливный») подход фокусируется на единицах объема или веса топлива, дающего выбросы при сгорании, при этом ставка налога основана на стандартизированных количествах содержания углерода в этих топливах. Другой метод, в настоящее время преобладающий в юрисдикциях во всем мире, — взимание налога на выбросы углерода с конкретных ископаемых видов топлива, прежде всего нефти, газа и угля, а также продуктов их переработки⁹. Выбор конкретного подхода к налогообложению зависит от национальных предпосылок и конкретной юрисдикции.

Имеет место проблема, связанная с перемещением компаниями своей углеродоемкой производственной деятельности из регионов с жесткими правилами выбросов (например, высокими ценами на углерод) в регионы с менее строгими стандартами. Есть опасения, что более строгая климатическая политика в ЕС может привести к потере доли рынка иностранными компаниями и к увеличению выбросов в атмо-

сферу в регионах с низким уровнем контроля загрязнения окружающей среды.

В системе статистической отчетности Российской Федерации экологический налог — это налог, исчисляемый на базе показателя (измеряемого в натуральных или заменяющих их единицах), отражающего явление, имеющее доказанное специфическое негативное влияние на окружающую среду (п. 4.150 ЦО СПЭУ¹⁰).

Прочие экологические платежи являются дополнительными категориями к рассматриваемым в ЦО СПЭУ экологическим налогам и включаются в счет экологических налогов и платежей в связи с их актуальностью для определения национальной природоохранной политики, а также обеспечения сопоставимости между странами, формирующими статистическую информацию по методологическим указаниям ОЭСР 2019¹¹. Прочие экологические платежи включают доходы бюджета, которые не считаются налогами в соответствии с определениями системы национальных счетов (СНС), такие как рента, регулярные платежи, штрафы и пени, исчисляемые на базе показателя, имеющего доказанное специфическое негативное влияние на окружающую среду.

Категориями налоговой базы, формирующими экологические налоги, согласно приказу Росстата от 31.12.2020 № 872¹² являются:

1) налоги на энергоносители — налоговые поступления, взимаемые с энергетических продуктов как для транспортных средств (бензин, дизельное топливо), так и для стационарных объектов (углеводородное сырье, продукты его переработки, электричество). Сюда включаются также налоги на

⁹ Committee of Experts on International Cooperation in Tax Matters. Eighteenth session. New York, 23–26 April 2019. E/C.18/2019/CRP.4 // URL: https://www.un.org/esa/ffd/wp-content/uploads/2019/04/18STM_CRP4-Environmental-tax-issues.pdf (дата обращения: 05.12.2021).

¹⁰ Приказ Росстата от 31.12.2020 № 872 «Об утверждении методических указаний по формированию счета экологических налогов и платежей» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Методологические указания ОЭСР по формированию счетов налоговых поступлений, связанных с окружающей средой, 2019 г. = Environmentally related tax revenue accounts: OECD methodological guidelines in line with the SEEA // URL: https://seea.un.org/sites/seea.un.org/files/lg_24_10e.pdf (дата обращения: 05.12.2021).

¹² Приказ Росстата от 31.12.2020 № 872 «Об утверждении Методических указаний по формированию счета экологических налогов и платежей» // СПС «КонсультантПлюс».

- биотопливо и любые другие виды энергии из возобновляемых источников;
- 2) транспортные налоги — налоговые поступления, связанные с производством, торговлей, владением и использованием транспортных средств и связанных с ними транспортных услуг, если они соответствуют общему определению экологических налогов;
  - 3) налоги на загрязнение окружающей среды — налоговые поступления на измеренные или рассчитанные выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух стационарными источниками, на сбросы загрязняющих веществ в водные объекты, хранение и захоронение отходов (размещение отходов);
  - 4) налоги на природные ресурсы — налоговые поступления, связанные с забором или использованием природных ресурсов, таких как биологические ресурсы и ресурсы древесины. Все налоги и платежи, относящиеся к добыче или использованию минерально-энергетических, земельных, почвенных ресурсов, исключаются из данной категории. Категориями, формирующими прочие экологические платежи, являются:
    - 1) платежи за землепользование — поступления средств, которые взимаются с деятельности, оказывающей негативное воздействие на окружающую среду, по использованию земли. В категории «платежи за землепользование» не учитывается понятие «земельный налог», применяемое в Налоговом кодексе Российской Федерации, где земля рассматривается как объект недвижимости, ввиду различий применяемых налоговых баз;
    - 2) платежи за добычу нефти и природного газа — поступления средств от ресурсной ренты и налогов, взимаемых с добытого углеводородного сырья в виде нефти, газового конденсата и природного газа, не учитываемые в национальных счетах в качестве налогов на производство;
    - 3) платежи за добычу природных ресурсов (за исключением нефти и природного газа) — поступления средств от ресурсной ренты и налогов, взимаемых с прибыли добывающих компаний, плата за добычу газового конденсата и природного газа, использование этих природных ресурсов;
    - 4) штрафы — обязательные платежи (возмещение убытков), связанные с нарушением норм, правил и требований в области охраны окружающей среды.
- Распределение экологических налогов по институциональным секторам экономики осуществляется в соответствии с классификацией институциональных секторов экономики (КИСЕ), утвержденной Росстатом. КИСЕ гармонизирована с официальной версией на русском языке Статистической классификации видов экономической деятельности в Европейском экономическом сообществе (редакция 2) (NACE Rev.2)¹³.
- В России все предприятия в 12 городах с наиболее загрязненным воздухом обяжут установить автоматизированные датчики выбросов в течение 2022 г. Штрафам подвергнутся компании, не сократившие выбросы на 20 %. В проекте 487 объектов, включая объекты транспортной инфраструктуры, предприятия и частный сектор. В 2019 г. принят закон об эксперименте по квотированию вредных выбросов¹⁴. Он проводится с 1 января 2020 г. по 31 декабря 2024 г. в промышленных центрах (Братск, Красноярск, Липецк, Магнитогорск, Медногорск, Нижний Тагил, Новокузнецк, Норильск, Омск, Челябинск, Череповец, Чита), включенных в федеральный проект «Чистый воздух», который является частью национального проекта «Экология».
- Среди инструментов, призванных ограничить и сократить выбросы парниковых газов (ПГ), наиболее гибкими и эффективными считаются

¹³ Statistical classification of economic activities in the European Community. КДЕС Редакция 2 (на русском языке) // URL: https://ec.europa.eu/eurostat/ramon/miscellaneous/gen_intro_classif_files/docs/NACE_Rev_2_Introductory_guidelines_RU.pdf (дата обращения: 05.12.2021).

¹⁴ Федеральный закон от 26.07.2019 № 195-ФЗ «О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части снижения загрязнения атмосферного воздуха» // СЗ РФ. 2019. № 30. Ст. 4097.

экономические (рыночные) инструменты, то есть такие, которые создают фактическую цену на углерод. Это позволяет заложить в стоимость продукции те внешние издержки, которые экономике и обществу в целом придется понести для преодоления последствий выбросов, монетизируя урон окружающей среде. Наиболее популярны из таких инструментов — углеродные налоги и системы торговли квотами (СТК, Emissions Trading System, ETS). По состоянию на октябрь 2020 г. Всемирный банк насчитал 64 действующих или имеющих дату начала действия инициативы по углеродному ценообразованию. Инициативы охватывают 46 национальных и 35 субнациональных юрисдикций и покрывают 22,3 % глобальных выбросов ПГ (22 Гт CO₂-экв).

В России углеродное регулирование продолжает развиваться, хотя углеродное ценообразование пока не применяется. Согласно Указу Президента РФ от 04.11.2020 № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов»¹⁵, вступившему в силу 30 декабря 2021 г., определен национальный вклад в реализацию Парижского соглашения. Предельный уровень выбросов к 2030 г. ограничен уровнем 70 % от значения 1990 г. В рамках «климатического пакета» инструментов управления выбросами, разрабатываемого Минэкономразвития России, подразумевается принятие закона о выбросах парниковых газов, разработка стратегии развития с низким уровнем выбросов парниковых газов, а также создание системы добровольных климатических проектов, которая сделает возможным оборот углеродных единиц¹⁶. Кроме того, в январе 2021 г. утверждена дорожная карта реализации на территории Сахалинской области эксперимента для отработки подходов по формированию системы верификации и учета выбросов и поглощений¹⁷. В результате эксперимента на Сахалине появится первая в России региональ-

ная система международной торговли углеродными единицами, а регион сможет выйти на углеродную нейтральность к 2025 г.

Во Франции углеродный налог, введенный в 2014 г., является частью национальных тарифов на потребление энергопродуктов. Углеродный налог стал дополнением к СТК ЕС. В настоящее время указанный налог установлен на уровне 44,6 евро / т CO₂ и распространяется на выбросы в основном от промышленности, жилищного сектора и транспорта (с некоторыми исключениями), а также на все ископаемое топливо.

Трансграничное углеродное регулирование в ЕС — мера защиты европейского бизнеса от экологического демпинга и предотвращения так называемой утечки углерода в случаях, когда компании, базирующиеся в ЕС, перемещают свои углеродоемкие предприятия в страны с менее жесткой климатической и экологической политикой в целях снижения производственных затрат. Трансграничное углеродное регулирование (Carbon Border Adjustment Mechanism, CBAM) должно создать для производителей в странах, не входящих в ЕС, стимулы для экологизации своих производственных процессов. Вводится оно будет постепенно: с 2023 г. начнет действовать по упрощенной схеме, а старт полной реализации действия механизма запланирован на 2026 г. С 2023 г. производителям необходимо будет отчитываться о размере углеродного следа своей продукции, а с 2026 г. — платить сбор¹⁸. В соответствии с климатическим законодательством ЕС, CBAM первоначально будет применяться к импорту товаров с высоким риском выбросов CO₂ (carbon leakage) в атмосферу при производстве товаров из следующих групп: цемент, черные металлы и сталь (в том числе трубы и рельсы), удобрения и алюминий. CBAM не будет распространяться на страны, которые заключили соглашение о слиянии своей системы торговли выбросами с

¹⁵ СЗ РФ. 2020. № 45. Ст. 7095.

¹⁶ Международные подходы к углеродному ценообразованию / Департамент многостороннего экономического сотрудничества Минэкономразвития РФ. М., 2021. 19 с.

¹⁷ Дорожная карта по эксперименту // URL: <https://ecology.sakhalin.gov.ru/climate-project/about-climate-project/34-dorozhnaja-karta-po-jeksperimentu.html> (дата обращения: 05.12.2021).

¹⁸ Углеродный налог в ЕС : доклад Deloitte / Департамент налогов и права. 20 июля 2021 г. С. 2.

европейской системой, страны — члены Таможенного союза (Исландию, Лихтенштейн, Норвегию и Швейцарию), а также на некоторые зависимые территории ЕС. При этом импорт товаров из США и Великобритании не освобождается от данного регулирования.

Российским компаниям необходимо быть готовыми подтвердить углеродоемкость продукции и взаимодействовать с регуляторами ЕС для проработки вопросов, возникающих в связи с введением трансграничного углеродного регулирования.

Таким образом, можно констатировать необходимость развития в Российской Федерации «зеленого» налогообложения. При этом важно соблюдать баланс интересов государства, общества и предпринимателей. Внедрение экологических технологий и перестройка процессов предприятия в сторону экологизации требует немалых затрат. Если к затратам прибавить увеличенные налоговые сборы, то может возникнуть чрезмерная финансовая нагрузка на предприятия. А это, в свою очередь, приведет к уклонению от выполнения требований по защите окружающей среды. А. А. Копина подчеркивает, что нельзя сосредотачиваться исключительно

на поиске новых объектов налогообложения, тем самым рискуя пошатнуть устойчивость налоговой и экономической системы. Напротив, необходимо формировать в налоговой политике комплексные подходы, в том числе влияющие на потребление, поддержку новых инновационных технологий, климатических проектов, проектов по выработке «зеленой» энергии, а также стимулировать изменение подходов к потреблению¹⁹.

Например, можно предоставлять налоговые льготы предприятиям, использующим возобновляемые источники энергии или внедряющим новые технологии в производство. Это будет способствовать стимулированию предпринимателей к изменениям в сторону экологичности, а также позволит компенсировать хотя бы какую-то часть расходов на экологические инвестиции.

«Зеленое» налогообложение должно не отражать нацеленность государства на наказание предприятий, не обладающих достаточным потенциалом для экологизации бизнеса, а служить должным стимулом для развития и внедрения новых технологий, соответствующих климатическим стандартам.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ермакова Е. А., Тюпакова Н. Н. Комплексная классификация экологических налогов // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. — 2018. — № 2 (71). — С. 122–130.
2. Копина А. А. Налоговые стимулы энергетического перехода и реализации стратегий зеленой экономики // Финансовое право. — 2021. — № 12. — С. 24–34.
3. Принципы частного права : монография / отв. ред. Т. П. Подшивалов, В. В. Кванина, М. С. Сагандыкова. — М. : Проспект, 2018. — 400 с.
4. Adolf C., Röhrig K. Green Taxes As a means of financing the EU budget: policy options. The Greens / European Free Alliance. — October 2016. — 76 p.
5. Pigou A. C. The Economics of Welfare. — 3rd ed. — London : Macmillan, 1920.
6. Zachmann G., Williams B. M. A European carbon border tax: much pain, little gain // Policy Contribution. — Issue No. 5. — March 2020.

Материал поступил в редакцию 5 декабря 2021 г.

¹⁹ Копина А. А. Налоговые стимулы энергетического перехода и реализации стратегий зеленой экономики // Финансовое право. 2021. № 12.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Ermakova E. A., Tyupakova N. N. Kompleksnaya klassifikaciya ekologicheskikh nalogov // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo socialno-ekonomicheskogo universiteta. — 2018. — № 1 (71). — S. 122–130.
2. Kopina A. A. Nalogovye stimuly energeticheskogo perekhoda i realizacii strategij zelenoj ekonomiki // Finansovoe pravo. — 2021. — № 12. — S. 24–34.
3. Principy chastnogo prava: monografiya / otv. red. T. P. Podshivalov, V. V. Kvanina, M. S. Sagandykova. — M.: Prospekt, 2018. — 400 s.
4. Adolf C., Röhrig K. Green Taxes As a means of financing the EU budget: policy options. The Greens / European Free Alliance. — October 2016. — 76 p.
5. Pigou A. C. The Economics of Welfare. — 3rd ed. — London: Macmillan, 1920.
6. Zachmann G., Williams B. M. A European carbon border tax: much pain, little gain // Policy Contribution. — Issue No. 5. — March 2020.

Проблемы инверсивного держания

Аннотация. Законодательное регулирование, устанавливая формы отношений между лицами, в случае несоблюдения предложенной модели поведения предполагает либо применение санкций, либо квалификацию фактических отношений в соответствии с установленными правовыми формами. В последнем случае нередко осуществляется вменение таким отношениям признаков, которые могут не иметь ничего общего с реальностью. Так, например, предлагается рассматривать группу лиц как преследующую вынесенную за скобки единую цель коллективную общность, а в поведении хозяйствующих субъектов искать некий не установленный ни в одной норме, но существующий, по мнению налогового органа, стандарт осмотрительного поведения. При этом субъекты, которые решили скрыть свои реальные отношения путем манипулирования либо искажения правовой формы, исходят из конкретных, признаваемых этими участниками в качестве регулирующих их поведение причин и условий. Последние позволяют заинтересованному лицу скрываться за формальной личностью держателя активов или корпоративных инструментов и в то же время давать контролируемому лицу обязательные, хотя и не имеющие формальных оснований указания. В статье на примере использования контролируемого держателя автор предлагает подход, в соответствии с которым для целей перекалфикации скрывающихся за ширмой правовой формы отношений необходимо выявлять реальный фактический субстрат отношений и придавать им юридическое значение.

Ключевые слова: правовая форма; правовая вуаль; группа лиц; действительные отношения; фактическая связанность; аффилированность; фактическая аффилированность; контролируемое лицо; инверсивное держание.

Для цитирования: Каменков М. В. Проблемы инверсивного держания // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 7. — С. 80–90. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.080-090.

Problems of Inverse Possession

Maxim V. Kamenkov, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer, Institute for the Development of Competition and Antimonopoly Regulation, St. Petersburg State University; Assistant Notary of the Notary Public S. V. Yashchenkova, Notary District, St. Petersburg nab. Universitetskaya, d. 7-9, St. Petersburg, Russia, 199034
kamenski.max@yandex.ru

Abstract. Legislative regulation, establishing the forms of relations between persons, in case of non-compliance with the proposed model of behavior, provides for either the application of sanctions or the qualification of actual relations in accordance with established legal forms. In the latter case, signs that may have nothing to do with reality are often imputed to such relationships. Thus, for example, the author proposes to consider a group of persons as a collective community pursuing a single goal put out of brackets, and to look for a certain standard

© Каменков М. В., 2022

* Каменков Максим Валерьевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель Института развития конкуренции и антимонопольного регулирования СПбГУ, помощник нотариуса нотариального округа Санкт-Петербург Яценкова С. В. Университетская наб., д. 7–9, г. Санкт-Петербург, Россия, 199034
kamenski.max@yandex.ru

of prudent conduct in the actions of business entities that is not established in any norm, but that exists, in the opinion of the tax authority. At the same time, the entities that decided to conceal their real relationships by manipulating or distorting the legal form, act due to the specific reasons and conditions recognized by these entities as regulating their behavior. The latter allow an interested person to hide behind the formal identity of the holder of assets or corporate instruments and at the same time give the controlled person mandatory, although not formal, instructions. In the paper, using the example of a controlled holder, the author suggests an approach according to which, for the purposes of reclassifying the relations hiding behind the screen of the legal form, it is necessary to identify the real factual substrate of the relations and give them legal meaning.

Keywords: legal form; legal veil; group of persons; actual relations; actual connectedness; affiliation; actual affiliation; controlled person; inverse possession.

Cite as: Kamenkov MV. Problemy inversivnogo derzhaniya [Problems of Inverse Possession]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(7):80-90. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.080-090. (In Russ., abstract in Eng.).

Государство осуществляет регулирование общественных отношений посредством установления их идеальных моделей, которые принято называть правоотношениями или правовыми формами этих общественных отношений¹. И хотя мы понимаем, что реальные отношения не сводимы к этим формальным моделям, в указанных законами случаях они должны строиться именно в соответствии с ними. При этом законодательством, и в особенности судебной практикой, активно порицается использование правовой формы не в соответствии с действительным ее содержанием.

Так, статьей 170 ГК РФ запрещены сделки, которые совершаются лишь для вида либо прикрывают другую сделку. Способы разрешения коллизии формы и существа в данном случае являются: перекалфикация договора в целом или его отдельных условий по правилам о притворных сделках, прямое применение общеправового принципа справедливости и приоритет

выявления действительной общей воли сторон над буквальным толкованием договора². В случае с прямым применением принципа справедливости буква закона игнорируется, поскольку в конкретной ситуации правовая форма является инструментом злоупотребления или даже причинения вреда³.

В соответствии со ст. 54.1 НК РФ, при искажении правовой квалификации операций должна быть дана правовая оценка данным операциям на основе установления их *подлинного экономического содержания* с учетом оценки наличия в действиях налогоплательщика разумных экономических или иных причин и обстоятельств, свидетельствующих о его намерениях получить экономический эффект⁴. Например, при установлении искусственности дробления бизнеса на несколько организаций в целях соответствия требованиям специальных налоговых режимов к налогоплательщику могут быть применены те последствия, которых

---

¹ Белов В. А. Гражданско-правовые формы отношений, направленных на обеспечение исполнения обязательств (на примере способов обеспечения, предусмотренных главой 23 Гражданского кодекса РФ) // Меры обеспечения и меры ответственности в гражданском праве : сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2010. С. 173.

² Федотов Д. В. Коллизия между юридической формой и экономическим содержанием договора и способы ее разрешения на примере договора выкупного лизинга // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 6. С. 110.

³ Васильев А. С. Мы — счастливейшее среднее арифметическое // Уральский журнал правовых исследований. 2019. № 1 (2). С. 55.

⁴ П. 7 и 9 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды»; п. 22 письма ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

он недобросовестно стремился избежать, т.е. налоговые обязательства определяются и вменяются исходя из подлинного экономического содержания взаимоотношений, так, как если бы искусственно раздробленный бизнес был оформлен на одно лицо⁵.

Банкротному законодательству российское право обязано развитием идеи фактически контролирующих лиц⁶. Так, при соблюдении некоторых условий подлежат привлечению к субсидиарной ответственности контролирующие лица, которые могут определять действия должника не только в соответствии с формализованными для этого основаниями, — учитывается любое влияние, способное определить существенные условия сделок⁷. Кроме того, по мнению ВС РФ, в соответствии со ст. 4 Закона РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»⁸, понятие юридической аффилированности не требует доказывания того, что участники одной группы формализовали свою деятельность⁹, и предполагает возможность доказывания фактической аффилированности, когда сохраняется любым иным образом возможность оказывать влияние на принятие решений в сфере ведения предпринимательской деятельности¹⁰.

Во всех вышеуказанных случаях законодатель и правоприменитель исходят из следующих посылок:

1) субъекты совершают действия, имеющие юридическое значение;

2) субъекты по тем или иным причинам не используют предусмотренную законом форму для моделирования своих отношений;

3) неиспользование предусмотренной законом модели влечет либо переквалификацию в соответствии с предусмотренной законом формой или принципами ее построения, либо наступление тех или иных последствий, в том числе ответственности.

Между тем за гранью концепции преваляирования существа над формой остается тот факт, что стороны хотя и не используют предусмотренную законом форму, однако выстраивают свои отношения на основе правил и критериев, которые между собой считают действующими и регулятивными. Следовательно, используют иную форму для выстраивания отношений с другими лицами. При этом сложно согласиться с мнением, что, например, признание лица фактически контролирующим корпорацию — это инструмент выявления (материализации) *правовой связи* между субъектами¹¹. Такая связь вполне может не иметь никакого правового закрепления и покоиться на чисто натуральных основаниях.

Вышеприведенное поведение репрезентативно даже не в целенаправленных предпринимательских отношениях, для которых свойственно сознательное манипулирование правовой формой в целях максимизации прибыли, а в рамках ординарного гражданского оборота.

Так, при совершении нотариальных действий¹² в процессе общения с гражданами нередко можно услышать следующие тезисы:

⁵ Жигачев А. В. Искусственное «дробление» бизнеса в розничной торговле: признаки, риски и последствия // СПС «КонсультантПлюс». 2019.

⁶ Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития : монография / Е. Г. Афанасьева, А. В. Белицкая, В. А. Вайпан [и др.] ; отв. ред. Е. П. Губин. М., 2019. С. 182.

⁷ П. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475 по делу № А53-885/2014.

¹⁰ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.05.2017 № 306-ЭС16-20056(6).

¹¹ Шиткина И. С. Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве // Закон. 2018. № 7. С. 119.

¹² Автор в течение продолжительного времени исполняет обязанности разных нотариусов г. Санкт-Петербурга.

- «Эта квартира не моя, деньги на ее покупку принадлежали сыну, а он просто оформил ее на меня».
- «Я согласен с тем, что квартира по брачному договору будет принадлежать на праве собственности единолично супруге, поскольку деньги на приобретение давали ее родители, хотя это никак не было оформлено документами».
- «Я покупаю данную квартиру своему сыну, хотя и на мое имя, он просто еще слишком молод. Он будет жить в этой квартире, это его квартира. А оформляем так, чтобы не наделал глупостей».
- «Эта фирма моего супруга, я ничего не знаю о том, что там происходит. Нет, я не номинальный директор, я подписываю документы, получаю зарплату и вообще это наш семейный бизнес. Просто супруг не может быть директором (*прим.* — дисквалифицирован) и держать на себе долю из-за кредиторов».

Необходимо обратить внимание не столько на тот факт, что во всех указанных случаях стороны использовали правовую форму не в соответствии с ее назначением, сколько на то, что они придают определенным обстоятельствам регулирующее их поведение значение вопреки имеющимся правовым нормам. Из вышеприведенных примеров мы видим, что люди считали имущество принадлежащим не себе, несмотря на выполнение всех формальных требований для закрепления его за ними (в частности, государственную регистрацию) в силу различных обстоятельств, а именно:

- средства, использованные на приобретение имущества, им не принадлежали;
- они выступали в качестве формальных держателей для достижения целей как законных (например, оберегали молодого отпрыска от поспешных решений), так и незаконных (уклонение от исполнения обязательств перед кредиторами), которые считали оправданными;
- считали себя связанными обязательствами, несмотря на отсутствие формальных на то оснований, в силу моральных, этических, нравственных причин.

По сути дела, в таких ситуациях происходит *инверсия* (от лат. *inversio* — «переворачивание; перестановка»): вместе того чтобы соотносить свое поведение с государственными установлениями и формировать отношения в соответствии с ними, стороны используют их для построения другого социального конструкта, в котором санкционированная государством форма играет важную роль, но совсем не ту, которая ей отводится в законе.

Стоит мимоходом заметить, что отказ в совершении нотариальных действий в подобных случаях ввиду, например, злоупотребления правом либо несоответствия воли заявителя истребуемым правовым последствиям не является гарантией защиты оборота от использования правовой формы в качестве ширмы. Широкая распространенность подобных явлений говорит лишь о том, что запрос оборота в формальном прикрытии действительных отношений является реальной действительностью, а попытка борьбы с ним приводит лишь к адаптации участников к ограничениям и запретам (условно: одному нотариусу гражданин признался в своих целях и получил отказ в нотариальном удостоверении, у другого после отказа первого уже умолчал).

С одной стороны, приведенные особенности поведения не имеют значения, поскольку государство на подвластной ему территории самостоятельно организует общественные отношения и его установления имеют высшую юридическую силу. Следовательно, оно имеет право принуждать подвластное население следовать установленным им формам. С другой стороны, сами по себе запреты использования формы не в соответствии с реальными отношениями пока что не являются эффективными. Концепция же проникновения за вуаль правовой формы к действительному фактическому или экономическому нутру отношений хотя активно развивается, однако имеет один существенный недостаток.

Дело в том, что во всех существующих концепциях поиска реальных отношений за ширмой юридической формы не предполагается выяснения сути и условий сложившихся отношений. Наоборот, в законодательных актах и судебных доктринах объективно вменяется наличие в реальных отношениях некоего интуитивно

понятного, но оценочного критерия, который признается значимым для последующей юридической переквалификации: например, наличие общего экономического интереса у группы лиц или подлинного экономического содержания в хозяйственных операциях. Однако сущность этого критерия либо вообще не раскрывается в законах, либо ситуативно трактуется правоприменителем в каждом конкретном деле. При этом сам по себе главенствующий критерий либо видоизменяется до неузнаваемости в данных трактовках, либо остается в качестве пустой декларации, уступая место некоторой критической массе косвенных аргументов.

Например, наличие общего интереса у фактической группы лиц¹³ является, скорее, предполагаемым, а не обуславливающим критерием. Единство интересов (в том числе экономических) не существует в отрыве от особых отношений аффилированных лиц или группы лиц, а предопределено этими особенностями¹⁴. Полагаясь только на наличие у нескольких лиц общего интереса, мы можем признать в качестве аффилированных лиц любую ситуативно объединившуюся группу индивидов (например, решивших посмотреть спектакль в театре или послушать лекцию в аудитории).

Сам по себе критерий родственных связей как основание для аффилированности не выдерживает критики: как известно, существование отношений вражды или конкуренции между родственниками может в корне исключать их кооперацию¹⁵. Взаимосвязанность родственников может трансформироваться в сопутствующее недобросовестному поведению усло-

вие, когда качество таких отношений позволяет обратиться к законным инструментам для злоупотреблений¹⁶.

Некогда сформулированная в постановлении Президиума ВАС РФ от 20.04.2010 № 18162/09¹⁷ доктрина *должной осмотрительности* изначально предполагала возможность предоставления налоговой выгоды даже при наличии существенных пороков в документах при условии реальности осуществленных операций, а также совершения налогоплательщиком всех разумных и необременительных для бизнеса действий по исследованию правоспособности и экономических возможностей своего контрагента. Однако какой объем действий должно было совершить налогоплательщику, судебной доктриной не детализировалось. В итоге на практике при одном и том же наборе действий налогоплательщика по проверке своего контрагента (например, путем запроса учредительных и регистрационных документов) выносились решения как в пользу, так и против налогоплательщика. Последующее нормативное закрепление данной концепции в ст. 54.1 НК РФ, по мнению ФНС РФ, уже предполагало соблюдение налогоплательщиком некоего *стандарта осмотрительного поведения* в гражданском (хозяйственном) обороте, ожидаемого от разумного участника в сравнимых обстоятельствах. Данный стандарт предполагает проверку деловой репутации контрагента, в том числе посредством цифровых сервисов, выяснение наличия у него основных средств, промышленных мощностей, персонала и так далее. При этом никаких требований об этом в законе непосредственно не установлено.

¹³ П. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ См. подробнее: Каменков М. В. Общий интерес как признак группы лиц // Российское конкурентное право и экономика. 2021. № 2 (26). С. 42–48.

¹⁵ Буракова К. В. Синергия и диссонанс института контролирующего лица в законодательстве о банкротстве и института фактически контролирующего лица в корпоративном праве // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». 2020. № 2. С. 20.

¹⁶ Османова Д. О. Отношения родства или свойства как инструмент для злоупотреблений при несостоятельности (банкротстве) // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». 2018. № 3. С. 59.

¹⁷ Решение налогового органа признано недействительным в части отказа в предоставлении налоговых вычетов в заявленном обществу размере, поскольку выводы о получении налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды не основаны на материалах дела (см.: URL: <https://base.garant.ru/1795053/>).

Отдавая оценочные нормы исключительно на откуп правоприменителю, государство допускает формулирование формы в форме, причем минуя законодательный порядок проверки и принятия такой формы, который, к стати говоря, в рамках парламентской дискуссии предполагает учет интересов разных групп населения, а не только ведомственную необходимость. Тем более что трактовки оценочных норм в таких случаях во многом зависят от квалификации конкретных должностных лиц.

Представляется, что приблизить концепции проникновения к реальным отношениям сквозь вуаль правовой формы позволит придание значимости на законодательном уровне реальным особенностям складывающихся между участниками отношений и условиям, на которых участники их выстраивают.

Возьмем самый простой пример. С учетом действующих положений законов судебная практика придает большое значение наличию родственных отношений между участниками корпоративных отношений для *целей установления фактической аффилированности*. Учитываются как близкие родственные связи между участниками разных организаций¹⁸, так и отношения дальнего родства или свойства таких участников¹⁹.

В то же время сформулированная ВС РФ концепция говорит о возникновении фактической аффилированности в случае возможности оказания влияния одного лица на принятие решений другим лицом в сфере ведения предпринимательской деятельности. В чем такое влияние должно заключаться, закон не говорит. Позиция ВС РФ, согласно которой о совпадении интересов нескольких лиц можно говорить, если, в частности, их действия координируются одним лицом, обладающим полномочиями давать обя-

зательные для исполнения указания, свободно перемещать активы из одного лица в другое в собственных целях без учета прав кредиторов подконтрольных организаций, ясности не добавляет. Неясны ни природа таких полномочий, ни основания для их действенности. Ни в одном из законов не указан набор каких-либо средств влияния родственников друг на друга.

Получается, что, хотя концепция ВС РФ предполагает фактическую аффилированность только при возможности одного лица влиять на другое, практика усматривает такое влияние только ввиду наличия родственных связей. Последняя наделяется свойством потенциального проводника для совершения действий, которые были бы невозможны или крайне маловероятны между не связанными родством лицами. Однако насколько так есть в действительности, игнорируется. По сути, осуществляется моделирование реальности, то есть формулируется форма в форме, а то, что на самом деле в этих родственных отношениях происходит, остается за пределами внимания.

Между тем, хотя родственные отношения в силу своей латентности и интимности плохо поддаются анализу внешнего наблюдателя, находящиеся в такой связи лица не существуют в вакууме и состоят во взаимосвязи с другими индивидами общества. Закономерности бытия и развития последнего оказывают непосредственное влияние на действия родственников по отношению как друг к другу, так и к внешним силам. В этой связи исключительно сила материнской любви или морального долга нередко имеет вполне объективные причины, которые могут быть выявлены.

Основываясь на опыте общения с заявителями в нотариальных конторах, можно сделать вывод, что в тех случаях, когда родственник не

---

¹⁸ Постановления АС Северо-Западного округа от 23.08.2021 № Ф07-11552/2021 по делу № А56-86540/2018, от 22.06.2021 № Ф07-16752/2020 по делу № А56-67039/2018; АС Уральского округа от 21.07.2021 № Ф09-5115/21 по делу № А60-50333/2019; АС Восточно-Сибирского округа от 17.08.2020 по делу № А19-455/2019; АС Северо-Кавказского округа от 07.09.2016 по делу № А53-15833/2015; АС Волго-Вятского округа от 16.09.2019 по делу № А82-1526/2016; АС Поволжского округа от 20.03.2018 по делу № А12-45751/2015.

¹⁹ Постановления АС Северо-Западного округа от 18.06.2020 по делу № А56-116159/2018, от 30.06.2020 по делу № А56-22745/2019, от 03.07.2020 по делу № А56-78113/2017.

является заинтересованным в управлении корпоративной структурой лицом, но соглашается выступать в качестве номинального директора, или участника, или держателя имущества, возможность оказания влияния другим родственником строится на конкретных причинах:

1. Реальное контролирующее лицо имеет интерес в использовании инверсии правовой формы. Данный признак уже легально закреплен (пп. 3 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве) в части презумпции получения контролирующим лицом выгоды из деятельности номинальных руководителей или участников.

2. Степень доверия между конкретными родственниками:

- является ценностью, необходимость сохранения которой объективирует цели инверсии для родственника, первоначально не связанного с реализацией интереса контролирующего лица;
- позволяет не формализовать отношения, в рамках которых интересант дает указания родственнику и ожидает их исполнения.

Доверие в общесоциальном смысле означает уверенность в чьей-нибудь добросовестности, искренности, правильности чего-нибудь²⁰, такое отношение к действиям другого лица и к нему самому, которое основывается на убежденности в его правоте, верности, добросовестности, честности²¹. В этом смысле доверие как предположение о честности и надежности контрагента составляет необходимый элемент любой гражданско-правовой сделки²². Между тем в отдельных случаях доверие может приобретать особую значимость, как, например, в отношениях между доверителем и поверенным по договору поручения или в других фидуциарных сделках²³. Говоря о доверии между заинтересованным и подконтрольным лицами,

мы исходим из того, что доверие выступает в качестве безусловного базиса отношений фактической связанности и является ее отдельной самостоятельной ценностью.

3. Сохраняющаяся степень доверия является основанием:

- для получения родственником материальных выгод от таких отношений (систематическое или нет получение имущества либо недопустных в отсутствие такой степени доверия условий для той или иной деятельности);
- и/или сохранения имеющегося благосостояния задействованного родственника;
- и/или поддержания психологического комфорта такого родственника.

4. Законные инструменты, которые формально позволяют задействованному родственнику осуществлять контроль над юридическим лицом и/или имуществом, не воспринимаются им в качестве действительных. Такой родственник выступает в качестве временного держателя этих инструментов без наличия интереса в их использовании в собственных интересах. Однако при изменении степени доверия такой интерес потенциально может возникнуть. Надо сказать, возможность обернуть формально несуществующую ситуацию инвертированной формы в интересах держателя является обратным маркером таких отношений. В отношениях между иными лицами, не имеющими доверия соответствующей степени, все возможности законной формы будут использованы в интересах того, в чьих руках они находятся. На практике отсутствие экономического смысла сделок для подконтрольного лица и, напротив, финансовая выгода для контролирующего лица уже учитываются для оценки фактической подконтрольности²⁴.

Намеренно используя термины «держатель» и «держание», мы в данном случае отмечаем

²⁰ Словарь русского языка С. И. Ожегова // URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=6771> (дата обращения: 30.11.2021).

²¹ Словарь по этике / под ред. И. С. Кона. 4-е изд. М., 1981. С. 77.

²² Иоффе О. С. Советское гражданское право. Л., 1958. С. 208.

²³ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга 3 : Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М., 2011. С. 291.

²⁴ Буракова К. В. Указ. соч. С. 24.

наличие сходных с номинальным держанием ценных бумаг элементов²⁵:

- действия подконтрольного лица осуществляются в интересах другого;
- подконтрольное лицо основывается на вверенных ему заинтересованным лицом полномочиях, пусть даже источником полномочий и не выступает легитимная форма;
- при определенных условиях позволяет бенефициару скрываться за личностью номинального держателя.

Несложно заметить, что все указанные выше условия возникновения отношений фактической связанности между заинтересованным лицом и держателем не обязательно относятся только к родственным отношениям, что позволяет, во-первых, говорить об универсальности причин и условий подконтрольного неформализованного поведения и возможности их выявления не только в родственных отношениях, во-вторых, отыскивать их средствами познания внешнего наблюдателя.

Соответственно, при исследовании реальных особенностей участия родственного или даже иного подконтрольного лица в инвертированной схеме имеющимися средствами ведомственного и судебного познания необходимо действовать поэтапно:

1. Установить цель использования инвертированной формы. В тех случаях, когда ее невозможно определить с необходимой ясностью, данная цель может быть установлена умозрительно с учетом имеющихся данных об особенностях хозяйственной деятельности предприятия или контролирующего лица.

2. Изучить факты реальных отношений между заинтересованным лицом и подконтрольным, не ограничиваясь только формальными источниками, прибегая также к показаниям свидетелей, исследуя информацию о месте совместного жительства, ведении общего хозяйства, приобретении имущества за счет заинтересованного лица в пользу подконтрольного (как систематического, так и ценного разового),

общих поездках, частоте встреч и совместном проведении досуга.

3. Проанализировать источник доходов такого лица. Если средства получаются без их фиксации (например, наличными), возможно проанализировать расходы такого лица и требовать представить доказательства получения данных средств, не ограничиваясь формальными подтверждениями (например, договором дарения крупной суммы от лица, не имеющего соответствующего дохода).

4. Исследовать наличие общих имущественных интересов, таких как общая собственность, использование подконтрольным лицом имущества заинтересованного, получение дивидендов или процентов от деятельности юридического лица, группы лиц, либо доходов от контролируемого данными юридическими лицами имущества, либо имущества самого подконтрольного лица.

5. Выявить отсутствие заинтересованности в действиях подконтрольного лица в управлении юридическим лицом посредством установления такого поведения, которое бы не осуществлялось любым дееспособным участником оборота при сравнительно одинаковых обстоятельствах (например, совершение сделок, заведомо выгодных только заинтересованному лицу или иным подконтрольным ему лицам).

6. Определить причины и условия, при которых подконтрольное лицо, имеющее формальный контроль над корпоративной структурой или имуществом, не совершало выгодные с точки зрения ординарных условий оборота или предпринимательской деятельности действия (например, не распределяло дивиденды себе, а переводило доходы организации посредством беспроцентных займов другим юридическим лицам либо приобретало на юридическое лицо имущество потребительского значения: автомобили, драгоценности, жилую недвижимость, использующуюся не им самим).

Бесспорно, средства ретроспективного познания не позволяют установить все вышеука-

---

²⁵ Метелева Ю. А. Номинальное держание и доверительное управление на рынке ценных бумаг // Право и экономика. 1998. № 9. С. 23.

занные факты с безусловной степенью точности. Это имманентно присущий недостаток такой формы познания. Большинство установленных данных будет иметь косвенный характер, а сделанный на их основе вывод будет вероятностным. Стоит сказать в таком случае, что большинство экспертиз, в том числе судебных, обычно не дает стопроцентно точного ответа, что само по себе не исключает вынесения итогового решения по делу. Следовательно, правоприменителю неизбежно придется учитывать только часть информации для того, чтобы сделать общий вывод. Конечно, это тоже представляет собой моделирование реальности, однако не путем вменения абстрактного признака, а посредством умозаключения на основе имеющихся данных о действительных фактах.

Предложенный подход позволяет не ограничиваться простой констатацией наличия родственных отношений для выявления зависимости между лицами и учесть факты реальных отношений между лицами в целях установления возможности оказания влияния одного лица на другое посредством достаточной степени доверия для совершения действий, которые, скорее всего, были бы невозможны между ординарными участниками оборота, действующими в рамках рыночной экономики к своей выгоде. Данный механизм соответствует позиции Пленума ВС РФ, отраженной в п. 7 постановления от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства»²⁶, позволяющей доказывать отсутствие вхождения в группу лиц даже при наличии родственных отношений при условии установления автономности поведения родственника.

Другой вопрос, что бремя доказывания может быть распределено таким образом, что доказывать наличие или, наоборот, отсутствие реального влияния должно заинтересованное

лицо в зависимости от степени связанности между лицами. Автором ранее был предложен принцип определения степени влияния взаимозависимости на налогооблагаемые последствия при совершении сделок по типу светофора²⁷: одно лицо имеет возможность напрямую формировать волю другого лица («красный уровень» — злоупотребления наиболее вероятны); одно лицо может влиять на формирование воли другого лица, если не доказано иное («желтый уровень» — злоупотребления вероятны, но в конкретной ситуации может быть доказано обратное); одно лицо не может влиять на формирование воли другого лица, если не доказано иное («зеленый уровень» — злоупотребления маловероятны, но в конкретной ситуации может быть доказано обратное). При этом бремя доказывания предлагалось распределить следующим образом: при «красном уровне» отсутствие злоупотреблений доказывает налогоплательщик; при «желтом уровне» отсутствие злоупотреблений доказывает налогоплательщик; при «зеленом уровне» наличие злоупотреблений доказывает налоговый орган.

Представляется, что такой же способ распределения бремени доказывания можно применить и в случае с фактической зависимостью. В тех случаях, когда имеются законодательные презумпции наличия особых отношений между участниками (родственные отношения, наличие существенного корпоративного контроля и др.), данный уровень отношений является «красным» и отсутствие влияния должен доказывать тот, кто заинтересован в обратном выводе. «Желтым уровнем» можно назвать наличие «сестринских» отношений — ситуации, когда прямой формализованной связи нет, но присутствуют косвенные признаки (например, судебная практика усматривала фактическую аффилированность при наличии косвенного корпоративного контроля²⁸, факта представи-

²⁶ СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ См. подробнее: *Каменков М. В.* Проблемы налогообложения взаимозависимых лиц : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2016.

²⁸ Постановление Четвертого ААС от 05.03.2020 по делу № А19-6953/2017 ; постановление АС Уральского округа от 15.07.2020 по делу № А47-3041/2019.

тельства²⁹, прежних трудовых отношений³⁰). В данном случае доказывает влияние заинтересованное лицо. При «зеленом уровне» влияние предполагается отсутствующим, если заинтересованным лицом не приведены доказательства обратного.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белов В. А. Гражданско-правовые формы отношений, направленных на обеспечение исполнения обязательств (на примере способов обеспечения, предусмотренных главой 23 Гражданского кодекса РФ) // Меры обеспечения и меры ответственности в гражданском праве : сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. — М., 2010. — С. 173–208.
2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга 3 : Договоры о выполнении работ и оказании услуг. — М., 2011. — 1055 с.
3. Буракова К. В. Синергия и диссонанс института контролирующего лица в законодательстве о банкротстве и института фактически контролирующего лица в корпоративном праве // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». — 2020. — № 2. — С. 19–26.
4. Васильев А. С. Мы — счастливейшее среднее арифметическое // Уральский журнал правовых исследований. — 2019. — № 1 (2). — С. 45–63.
5. Жигачев А. В. Искусственное «дробление» бизнеса в розничной торговле: признаки, риски и последствия // СПС «КонсультантПлюс», 2019.
6. Иоффе О. С. Советское гражданское право. — Л., 1958. — 511 с.
7. Метелева Ю. А. Номинальное держание и доверительное управление на рынке ценных бумаг // Право и экономика. — 1998. — № 9. — С. 21–24.
8. Османова Д. О. Отношения родства или свойства как инструмент для злоупотреблений при несостоятельности (банкротстве) // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». — 2018. — № 3. — С. 57–60.
9. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития : монография / Е. Г. Афанасьева, А. В. Белицкая, В. А. Вайпан [и др.] ; отв. ред. Е. П. Губин. — М., 2019. — 664 с.
10. Федотов Д. В. Коллизия между юридической формой и экономическим содержанием договора и способы ее разрешения на примере договора выкупного лизинга // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 6. — С. 102–113.
11. Шиткина И. С. Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве // Закон. — 2018. — № 7. — С. 114–133.

Материал поступил в редакцию 2 декабря 2021 г.

---

²⁹ Постановления АС Западно-Сибирского округа от 20.07.2020 по делу № А03-5289/2017, от 10.09.2020 по делу № А02-54/2015.

³⁰ Постановление АС Уральского округа от 27.11.2019 по делу № А76-8896/2019, оставленное в силе определением судьи ВС РФ от 02.03.2020 № 309-ЭС20-626 ; постановления АС Поволжского округа от 20.08.2020 по делу № А55-35520/2018, от 15.07.2021 № Ф06-54076/2019 по делу № А65-20265/2018.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Belov V. A. Grazhdansko-pravovye formy otnoshenij, napravlennyh na obespechenie ispolneniya obyazatelstv (na primere sposobov obespecheniya, predusmotrennyh glavoy 23 Grazhdanskogo kodeksa RF) // Mery obespecheniya i mery otvetstvennosti v grazhdanskom prave: sbornik statej / ruk. avt. kol. i otv. red. M. A. Rozhkova. — M., 2010. — S. 173–208.
2. Braginskij M. I., Vitryanskij V. V. Dogovornoe pravo. Kniga 3: Dogovory o vypolnenii rabot i okazanii uslug. — M., 2011. — 1055 s.
3. Burakova K. V. Sinergiya i dissonans instituta kontroliruyushchego lica v zakonodatelstve o bankrotstve i instituta fakticheski kontroliruyushchego lica v korporativnom prave // Predprinimatelskoe pravo. Prilozhenie «Pravo i biznes». — 2020. — № 2. — S. 19–26.
4. Vasilev A. S. My — schastivejshee srednee arifmeticheskoe // Uralskij zhurnal pravovyh issledovanij. — 2019. — № 1 (2). — S. 45–63.
5. Zhigachev A. V. Iskusstvennoe «drobienie» biznesa v roznichnoj torgovle: priznaki, riski i posledstviya // SPS «KonsultantPlyus», 2019.
6. Ioffe O. S. Sovetskoe grazhdanskoe pravo. — L., 1958. — 511 s.
7. Meteleva Yu. A. Nominalnoe derzhanie i doveritelnoe upravlenie na rynke cennyh bumag // Pravo i ekonomika. — 1998. — № 9. — S. 21–24.
8. Osmanova D. O. Otnosheniya rodstva ili svojstva kak instrument dlya zloupotreblenij pri nesostoyatelnosti (bankrotstve) // Predprinimatelskoe pravo. Prilozhenie «Pravo i biznes». — 2018. — № 3. — S. 57–60.
9. Predprinimatelskoe pravo Rossii: itogi, tendencii i puti razvitiya: monografiya / E. G. Afanaseva, A. V. Belickaya, V. A. Vajpan [i dr.]; otv. red. E. P. Gubin. — M., 2019. — 664 s.
10. Fedotov D. V. Kolliziya mezhdru yuridicheskoy formoj i ekonomicheskim sodержaniem dogovora i sposoby ee razresheniya na primere dogovora vykupnogo lizinga // Aktualnye problemy rossijskogo prava. — 2021. — № 6. — S. 102–113.
11. Shitkina I. S. Otvetstvennost fakticheski kontroliruyushchih lic v korporativnom prave // Zakon. — 2018. — № 7. — S. 114–133.

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.091-098

К. А. Белозерова*

Влияние практики внедрения цифровых технологий на трудовую функцию работника и иные связанные с ней условия трудового договора

Аннотация. В статье рассматривается проблема влияния цифровых технологий на трудовую функцию. В качестве основных направлений влияния цифровизации на трудовую функцию определяются совершенствование способов ее выполнения и изменение ее содержания вследствие появления новых видов деятельности, связанных с использованием электронных устройств и технологий. Применительно к вопросу об использовании цифровых технологий в качестве новых способов осуществления трудовой функции, наряду с их преимуществами, дается оценка возможным рискам масштабной замены традиционных способов на цифровые, определяются пути минимизации таких рисков. Влияние цифровых технологий на содержание трудовой функции ставится в зависимость от того, каким способом изначально была определена трудовая функция в трудовом договоре, а также от того, насколько существенно изменяется трудовая функция под влиянием цифровых технологий, изменяется ли ее сущностное содержание. Кроме того, касательно влияния цифровых технологий на трудовую функцию ставится вопрос об уменьшении функционала работников, приводящем к сокращениям. В ходе рассмотрения влияния цифровизации на трудовую функцию определяется, как ее изменение может повлиять на другие условия трудового договора, находящиеся в зависимости от условия о трудовой функции.

Ключевые слова: цифровизация; цифровые технологии; трудовая функция; способы выполнения трудовой функции; условия трудового договора; квалификация; оценка деловых качеств; обучение работников; изменение условий трудового договора; сокращение; технологические изменения условий труда; соглашение об изменении условий трудового договора; гарантии работников на труд.

Для цитирования: Белозерова К. А. Влияние практики внедрения цифровых технологий на трудовую функцию работника и иные связанные с ней условия трудового договора // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 7. — С. 91–98. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.091-098.

© Белозерова К. А., 2022

* Белозерова Кристина Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137
belozerova-kristina@yandex.ru

The Impact of Digital Technologies on the Employee'S Labor Function and Other Related Terms of the Employment Contract

Kristina A. Belozerova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Labor Law, Ural State Law University named after V. F. Yakovleva
ul. Komsomolskaya, d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137
belozerova-kristina@yandex.ru

Abstract. The paper deals with the problem of the influence of digital technologies on labor. Main directions of the impact of digitalization on the labor function include improvement of the ways of its implementation and the change of its content in connection with the emergence of new types of activities related to the use of electronic devices and technologies. With regard to the use of digital technologies as new ways of performing a labor function and along with their advantages, the paper evaluates possible risks of large-scale replacement of traditional methods with digital ones, and determines the ways to minimize such risks. The influence of digital technologies on the content of the labor function depends on the way in which the labor function was originally defined in the employment contract, as well as on how significantly the labor function changes under the influence of digital technologies and whether its essential content changes. In addition, as an impact of digital technologies on the labor function the author raises the issue concerning reduction of employees' functionality leading to redundancies. Examining the impact of digitalization on the labor function, the paper describes how the labor function's change may affect other terms of an employment contract that depends on the terms of the labor function.

Keywords: digitalization; digital technologies; labor function; methods of performing a labor function; terms of an employment contract; qualification; assessment of business qualities; training of employees; change in the terms of an employment contract; reduction; technological changes in working conditions; agreement to change the terms of an employment contract; employee guarantees for work.

Cite as: Belozerova KA. Vliyanie praktiki vnedreniya tsifrovyykh tekhnologiy na trudovuyu funktsiyu rabotnika i inye svyazannye s ney usloviya trudovogo dogovora [The Impact of Digital Technologies on the Employee'S Labor Function and Other Related Terms of the Employment Contract]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(7):91-98. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.091-098. (In Russ., abstract in Eng.).

Трудовая функция работника, согласно ст. 57 Трудового кодекса РФ¹, является обязательным условием трудового договора. По сути, оно является центральным в трудовых отношениях, определяющим так или иначе все иные условия, основания и порядок возникновения трудовых отношений. В общем виде трудовая функция представляет собой содержательную характеристику труда, в целях получения которого работодатель принимает работника на работу и за осуществление которого выплачивает заработную плату. Именно трудовая функция определяет деловые качества, которым должен соответствовать работник для ее выполнения. Чаще всего именно трудовая функция является фактором применения сложных оснований возникновения трудовых отно-

шений, сопряженных с требованием прохождения предшествующих заключению трудового договора дополнительных процедур. От того, что составляет содержание трудовой функции (собственно говоря, от сложности включаемой в трудовую функцию работы, от ее видового многообразия), зависит оплата труда, а также условия труда на рабочем месте, характеризующие трудовой процесс, предоставляемые работнику гарантии и компенсации за работу, не отвечающую требованиям безопасности. Во многом именно трудовая функция влияет на устанавливаемый работнику режим рабочего времени и времени отдыха.

Соответственно, определяя трудовую функцию, стороны косвенно во многом определяют и общую характеристику трудовых отношений,

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета. 31.12.2001. № 256.

их основные условия. В этой связи изменение содержания трудовой функции работника и способа ее осуществления, как правило, неизбежно влечет за собой изменение и иных условий трудового договора.

Современное общество находится на пути активной трансформации, в рамках которой во все сферы жизни внедряются цифровые технологии, изменяя привычные правила, порядки, конструкции, ставя перед обществом новые вызовы и предлагая новые варианты решения сформировавшихся ранее задач. Не стало исключением и трудовое право. По точному замечанию Н. М. Саликовой и Е. М. Батухтиной, невозможно отрицать стремительное развитие информационного общества и его новые потребности, адаптироваться к новым условиям и технологиям необходимо как работодателям, так и работникам².

При этом внедрение цифровых технологий в трудовое право в общем виде можно представить в двух основных направлениях: организация электронного взаимодействия участников трудовых отношений и применение электронных технологий в процессе осуществления трудовой функции. Данные направления активно изучаются учеными, которые дают разную оценку перспективам и рискам их развития.

Внедрение электронного взаимодействия участников трудовых отношений преимущественно воспринимается как перспективное направление, адаптирующее классические трудовые отношения к новым реальностям цифрового общества, учитывающее динамичность жизни, упрощающее процесс обмена информацией и т.д. В частности, С. Ю. Головина указывает на то, что современные технологии организации наемного труда и управления персоналом диктуют необходимость правовой регламентации

инновационных способов применения информационных и телекоммуникационных технологий, потенциал которых еще не в полной мере использован в трудовом праве³.

Применение электронных технологий в процессе осуществления трудовой функции оценивается учеными менее позитивно. Опасения вызывает замена труда работников автоматизированными технологическими процессами, что может привести к высвобождению большого числа работников, не востребованных на рынке труда и испытывающих существенные затруднения в поиске новой работы. В частности, на такую потенциальную угрозу цифровизации в трудовом праве указывает И. А. Филипова⁴. Обращая внимание на ту же проблему, Н. Л. Лютов отмечает, что в наибольшей степени негативные последствия цифровизации коснутся работников старшего возраста, которые могут испытывать большие затруднения в адаптации к новым информационным и телекоммуникационным технологиям⁵. При этом традиционно именно у данной категории работников возникают сложности в поиске новой работы, поскольку многие работодатели отказываются принимать их на работу, отдавая предпочтение более молодым претендентам.

Применение цифровых технологий в процессе осуществления трудовой функции предоставляет работникам новые способы выполнения традиционных видов работ. Так, привычные трудовые действия совершаются с помощью электронных технологий и ресурсов. Многие из них стали привычными в трудовой деятельности уже достаточно давно, некоторые стали приобретать популярность только в последнее время.

Такие изменения изначально коснулись преимущественно сферы интеллектуального труда, где их применение было обусловлено

² Батухтина Е. М., Саликова Н. М. Электронный документ как доказательство: проблемы использования при разрешении трудовых споров // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 4. С. 108.

³ Головина С. Ю. Использование информационно-коммуникационных технологий в трудовом праве // Российский ежегодник трудового права. 2011. № 7. С. 2.

⁴ Филипова И. А. Влияние цифровых технологий на труд: ориентиры для трудового права. Н. Новгород, 2021. С. 81–82.

⁵ Лютов Н. Л. Адаптация трудового права к развитию цифровых технологий: вызовы и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 100.

широким распространением компьютерной и организационной техники. Например, подготовка текстовых документов уже повсеместно осуществляется посредством создания электронного документа, который переносится на бумажный носитель. Обмен информацией стал практически невозможен без использования сервисов электронной почты и разнообразных мессенджеров. Обращение в органы власти и управления происходит зачастую с применением специально создаваемых электронных сервисов. С использованием цифровых технологий создаются разнообразные базы данных, информационные ресурсы, упрощающие поиск и систематизацию необходимой работнику информации. В период пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 широкое распространение получили недооцениваемые ранее технологии онлайн-трансляций в качестве средства деловой коммуникации.

В последние годы внедрение основанных на применении цифровых технологий способов выполнения трудовой функции стало распространяться на область физического труда. Так, активно задействуются автоматизированные системы контроля качества труда, производственной и трудовой дисциплины, контроля доступа на территорию, средства автоматизированной диагностики и т.д.

При использовании цифровых технологий в значительной степени облегчается процесс выполнения работниками традиционных видов работ, снижаются трудозатраты, достигается экономия времени на выполнение работы, повышаются эффективность и качество труда. Экономические выгоды данных изменений, связанные с возможностью наращивания производства при снижении затрат на него, очевидны.

Кроме того, применение цифровых технологий при выполнении работником трудовой функции, даже с сохранением в неизменном виде содержательной части трудовой функции, существенно влияет на сами трудовые отношения.

Так, использование электронных устройств и технологий в качестве способа осуществления трудовой функции требует от работника соответствующих знаний, умений и навыков работы в

цифровой среде. Для того чтобы получить требуемый работодателю экономический эффект от внедрения цифровых технологий в качестве нового способа выполнения трудовых функций, работники должны обладать необходимыми сведениями относительно самих электронных устройств, их возможностей, применяемых на их основе технологий. Работники должны уметь использовать знания в целях осуществления эффективной трудовой деятельности. Если работник такой квалификацией не обладает, применение цифровых технологий будет иметь обратный эффект: сложное электронное устройство придет в негодность, потребует затрат на его ремонт или замену, на освоение и использование цифровых технологий в процессе осуществления трудовой деятельности будет тратиться больше времени и труда, чем на выполнение работы обычным способом. Соответственно, возникает объективная необходимость на стадии подбора работников оценивать цифровые квалификации кандидатов и потенциал их развития, а также обучать работников способам работы в новых условиях цифровой реальности.

При этом современное законодательство не всегда обеспечивает работодателя достаточными правовыми механизмами реализации указанных задач. Отбор претендентов должен осуществляться по правилам оценки деловых качеств преимущественно на основе анализа документов и в ходе абстрактной демонстрации навыков. Технологии отбора кандидатов, связанные с экспериментальным включением в трудовой процесс, несут опасность признания отношений по отбору трудовыми отношениями, возникшими на основании фактического допуска к работе. По этой причине объективная оценка фактических компетенций кандидата не всегда возможна. Обучение работников, с одной стороны, требует от работодателя существенных финансовых вложений, с другой стороны, как общее правило, предполагает наличие согласия самого работника на такое обучение.

Представляется, что первая проблема может быть решена без изменения законодательства. Достаточно выработать технологии опытной проверки компетенций кандидата, которые не будут сопряжены с поручением работнику

реальной работы. Применение таких технологий полностью соответствует требованиям законодательства и одновременно позволяет в полной мере решить задачу качественного отбора, стоящую перед работодателем. При этом целесообразно предоставление работодателю права не просто самостоятельно определять необходимость обучения работников, но и принимать обязательные для работников решения о направлении на такое обучение, ставя допуск к работе в зависимость от прохождения обучения. В настоящее время безусловное требование пройти обучение предусмотрено для работодателя только в исключительных случаях, установленных законом. Одновременно с этим в целях защиты прав работников пределы таких возможностей работодателя должны быть четко определены на уровне законодательства, государством должны быть установлены гарантии работников, чьи трудовые права могут быть ограничены в связи с несоответствием работника требованиям к уровню цифровой компетенции. Актуальным является также пересмотр подходов к образованию работников, повышение практической составляющей образования, при которой теоретическое обучение будет только средством выполнения практической работы в условиях цифровой реальности.

Кроме того, внедрение цифровых технологий в трудовой процесс в качестве способа выполнения трудовой функции влечет за собой увеличение объема выполняемой работником работы, уменьшение вредных факторов трудового процесса, связанных с неавтоматизированным выполнением работы, и т.д. При этом к какому-либо официальному кадровому оформлению такие изменения чаще всего не приводят. Соответственно, в рамках таких изменений крайне важно определить меры защиты работника от произвольного изменения условий его труда и чрезмерной эксплуатации его в трудовом процессе. В контексте вопроса об изменении условий труда особое значение приобретает адаптация правовых процедур изменений, при которых будет установлен предел, до которого

изменение условий труда будет допускаться без согласия работника. Такой предел должен быть определен с учетом значимости изменяемого условия труда в общей характеристике трудовых отношений и степени его изменения, а также обусловленности его изменения именно цифровой трансформацией трудового процесса, а не какими-либо иными причинами. Вопрос об увеличении объема работ может быть решен за счет пересмотра норм труда в связи с внедрением и развитием цифровых технологий в трудовом процессе, распространением цифровых компетенций среди работников, а также за счет повышения уровня гарантий права работника на соблюдение работодателями типовых норм труда.

Однако цифровые технологии влияют не только на способы осуществления трудовой функции. Во многом они изменяют содержание трудовой функции. На такое изменение трудовой функции работника в трудовом праве указал А. А. Туманов, связав его с появлением новых профессий и видов работ, обусловленных цифровыми технологиями⁶. При этом наибольший риск для стабильности трудовых отношений и защищенности работника несет изменение содержания трудовой функции в рамках конкретных трудовых отношений.

Для содержательного изменения трудовой функции ключевым является вопрос оснований и порядка таких изменений. Именно корректное установление и применение правил для изменения трудовой функции в связи с внедрением цифровых технологий является залогом эффективного развития производства с одновременной защитой прав работника.

Наиболее сложным представляется установление правовых оснований изменения трудовой функции работника. Статья 57 ТК РФ предписывает сторонам трудового договора закреплять трудовую функцию в договоре через указание профессии, должности, специальности или перечисление вида поручаемой работнику работы. Соответственно, если трудовая функция трудовым договором была определена

⁶ Туманов А. А. Электронное взаимодействие субъектов трудовых и непосредственно связанных с ними отношений: правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 33.

через формализованный признак должности, профессии или специальности, то порядок изменения трудовой функции будет напрямую зависеть от того, насколько новый вменяемый «цифровой» вид деятельности связан с ранее определенным функционалом работника. При определении трудовой функции путем перечисления видов деятельности включение новых обязанностей, как правило, сопряжено с необходимостью оформления изменения трудовой функции.

Включение в число обязанностей работника новой, связанной с внедрением цифровых технологий, но при этом относящейся в целом к функционалу работника, видится возможным в административном порядке без получения согласия работника. Так, в настоящее время в обязанности врачей вводится проведение осмотра пациентов с применением диагностического оборудования, ведение электронных карт пациентов, педагогических работников повсеместно обязывают создавать и использовать цифровые образовательные ресурсы, специалисты кадровой службы должны формировать и направлять с применением специального цифрового ресурса отчеты о движении кадров и т.д. Такие обязанности хотя и являются собой новые должностные обязанности работников соответствующих профессий, должностей и специальностей, по сути, не выходят за пределы сущностного содержания трудовой функции.

Качественное изменение трудовой функции вследствие внедрения цифровых технологий идет по двум основным направлениям: исключение устаревших и невостребованных в связи с внедрением цифровых технологий должностных обязанностей и включение новых видов работ, связанных с использованием электронных устройств и технологий.

Безусловно, наиболее активно происходит первый процесс. Многие виды работ, выполняемых ранее силами работников, начинают выполнять электронные устройства. Например, внедрение электронных систем продажи билетов с одновременным контролем пропусков на общественном транспорте заменяет труд билетеров и контролеров, работы по уборке выполняют роботы, мониторинг исправности работы

производственного оборудования осуществляют электронные датчики.

Полное исключение видов работ, составляющих трудовую функцию, приводит к необходимости сокращения штата работников. Частичное сокращение функционала неизбежно ставит перед работодателем вопрос об оптимизации кадровой структуры, которая либо также приводит к сокращениям, либо служит основанием снижения оплаты труда, сокращения рабочего времени и иных изменений условий. Наиболее подходящим способом изменить указанные условия трудового договора будет применение процедуры, установленной ст. 74 ТК РФ. В рассматриваемой ситуации одностороннее изменение условий трудового договора можно обосновать и наличием технологических изменений условий труда, и невозможностью сохранения условий трудового договора по причине таких технологических изменений. Однако в данном случае будет проблематично доказать непосредственную причинно-следственную связь между технологическими изменениями условий договора, а также неизменность трудовой функции. Так, несмотря на сохранение формального определения трудовой функции, ее содержание фактически изменится. При этом основанием изменения иных условий трудового договора будет собственно изменение трудовой функции под влиянием технологических изменений условий труда, а не сами технологические изменения. Таким образом, применение ст. 74 ТК РФ для описанных целей изменения условий трудового договора является некорректным, а иных механизмов, кроме договорных процедур, законодатель не предлагает.

Процесс автоматизации труда имеет своим следствием не только несомненные положительные значения для экономики и общества, но и серьезные риски. Указанный процесс сокращения трудовых функций неизбежно приведет к сокращению рабочих мест. Полностью остановить данный процесс практически невозможно. При этом, как справедливо отмечает О. В. Щербакова, решение вопроса о переводе трудового процесса в цифровую плоскость должно определяться тем, будет ли общество

выигрывать от применения цифровых технологий в данной сфере правоотношений⁷.

В целях минимизации описанных рисков важно закрепить достаточные гарантии работников, предусмотреть механизмы переуплотнения работников. Безусловно, одну из ключевых ролей в данном вопросе играет планирование в сфере обучения будущих работников. Однако на уровне трудового права важно определить минимальные гарантии для работников, потребность в которых утрачивается в связи с объективной необходимостью автоматизации трудового процесса (например, предусмотреть действующие механизмы предварительного переобучения работников, обеспечить квотирование рабочих мест для уволенных по указанным причинам работников, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации в связи с невозможностью найти работу по старой профессии и пройти обучение, определить гарантийные и компенсационные меры и т.д.).

Другим аспектом содержательного изменения трудовой функции является включение в число обязанностей работника новой, выходящей за привычное содержание соответствующей трудовой функции. При таких обстоятельствах видится необходимым говорить о качественном изменении содержания трудовой функции, требующем соблюдения определенных законом требований и процедур. Примером такого качественного изменения трудовой функции работников может служить включение в обязанности рабочего требования осуществлять простое обслуживание используемого им в работе цифрового оборудования, в обязанности специалиста охранной службы — требования следить за исправным состоянием систем контроля безопасности. Как представляется, вне зависимости от способа закрепления трудовой функции такое вменение новой обязанности в любом случае будет предполагать необходимость соблюдения установленного законода-

тельством порядка изменения трудовой функции работника. Действующее трудовое законодательство для описываемой ситуации предусматривает единственный вариант изменения условий трудового договора — достижение соглашения сторон по вопросу изменения трудовой функции. При этом расширение перечня видов работ, которые должен выполнять работник в рамках установленной трудовой функции, является достаточным основанием для работника требовать изменения условий трудового договора в части повышения оплаты труда, установления дополнительных гарантий.

Подводя итог, необходимо признать, что внедрение цифровых технологий в содержание трудовых отношений, в определение условий трудового договора в современной реальности и тенденциях является неизбежным. Цифровизация содержания трудовой деятельности работника имеет неоспоримые преимущества, связанные с облегчением труда, ускорением процесса выполнения должностных обязанностей, повышением качества труда, которые, в свою очередь, влияют не только на развитие работодателя, экономики страны, но и на качество жизни самого работника, который при меньших трудозатратах может сохранить либо увеличить свой доход, обезопасить свой труд. Однако цифровизация неминуемо приводит к пониманию того, что многие трудовые процессы, выполняемые человеком, можно эффективно заменить, применив цифровые технологии. Осознание работодателями простоты, эффективности и удобства работы с роботами может привести к серьезным социальным проблемам, прежде всего к безработице и, как следствие, невостребованности результатов производства. Именно поэтому первостепенной задачей становится определение политики и пределов замещения человеческого труда автоматизированными процессами. Одновременно в рамках выработанной политики и установленных пре-

⁷ Щербакова О. В. О возможности применения цифровых технологий при проведении предрейсового медицинского осмотра работников автомобильного транспорта // За права трудящихся! Защита социально-трудовых прав работников в изменяющемся мире: возможности и ограничения : материалы Шестой международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 9–10 декабря 2020 г.) / под общ. ред. Ю. В. Иванчиной, Е. А. Истоминой. Екатеринбург, 2021. С. 177–178.

делов особое значение приобретают полное и выверенное правовое регулирование оснований и процедур изменения трудовой функции работника и иных условий трудового договора, обусловленное внедрением в трудовой процесс цифровых технологий; выработка комплекса

гарантийных мер, направленных на защиту прав работника на труд и достойные условия труда; установление механизмов вовлечения работодателей в практику добросовестного и социально ответственного поведения при использовании цифровых технологий в трудовом процессе.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Батухтина Е. М., Саликова Н. М. Электронный документ как доказательство: проблемы использования при разрешении трудовых споров // Российское право: образование, практика, наука. — 2020. — № 4. — С. 103–110.
2. Головина С. Ю. Использование информационно-коммуникационных технологий в трудовом праве // Российский ежегодник трудового права. — 2011. — № 7. — С. 452–464.
3. Лютов Н. Л. Адаптация трудового права к развитию цифровых технологий: вызовы и перспективы // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 6. — С. 98–107.
4. Туманов А. А. Электронное взаимодействие субъектов трудовых и непосредственно связанных с ними отношений: правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2018.
5. Филипова И. А. Влияние цифровых технологий на труд: ориентиры для трудового права. — Н. Новгород, 2021. — 106 с.
6. ЩербакOVA О. В. О возможности применения цифровых технологий при проведении предрейсового медицинского осмотра работников автомобильного транспорта // За права трудящихся! Защита социально-трудовых прав работников в изменяющемся мире: возможности и ограничения : материалы Шестой международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 9–10 декабря 2020 г.) / под общ. ред. Ю. В. Иванчиной, Е. А. Истоминой. — Екатеринбург, 2021. — С. 177–180.

Материал поступил в редакцию 4 ноября 2021 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Batuhtina E. M., Salikova N. M. Elektronnyj dokument kak dokazatelstvo: problemy ispolzovaniya pri razreshenii trudovyh sporov // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. — 2020. — № 4. — S. 103–110.
2. Golovina S. Yu. Ispolzovanie informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij v trudovom prave // Rossijskij ezhegodnik trudovogo prava. — 2011. — № 7. — S. 452–464.
3. Lyutov N. L. Adaptaciya trudovogo prava k razvitiyu cifrovyh tekhnologij: vyzovy i perspektivy // Aktualnye problemy rossijskogo prava. — 2019. — № 6. — S. 98–107.
4. Tumanov A. A. Elektronnoe vzaimodejstvie subektov trudovyh i neposredstvenno svyazannyh s nimi otnoshenij: pravovoj aspekt: dis. ... kand. yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2018.
5. Filipova I. A. Vliyanie cifrovyh tekhnologij na trud: orientiry dlya trudovogo prava. — N. Novgorod, 2021. — 106 s.
6. Shcherbakova O. V. O vozmozhnosti primeneniya cifrovyh tekhnologij pri provedenii predrejsovogo medicinskogo osmotra rabotnikov avtomobilnogo transporta // Za prava trudyashchihsya! Zashchita socialno-trudovyh prav rabotnikov v izmenyayushchemsya mire: vozmozhnosti i ogranicheniya: materialy Shestoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Ekaterinburg, 9–10 dekabrya 2020 g.) / pod obshch. red. Yu. V. Ivanchinoy, E. A. Istominoy. — Ekaterinburg, 2021. — S. 177–180.

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.099-108

А. О. Михальская*

Предупреждение об увольнении работника по инициативе работодателя: перспективы адаптации зарубежного опыта в России

Аннотация. В 2020–2021 гг. в связи с эпидемией COVID-19 проблема расторжения трудового договора по инициативе работодателя приобрела дополнительную актуальность, поскольку количество увольнений и связанных с ними трудовых споров существенно возросло. В доктрине трудового права до сих пор концептуально не изучен вопрос, касающийся процедуры предупреждения об увольнении работника, сложившейся в разных странах. В статье приведена классификация предупреждения об увольнении работника, которая основана на положениях Конвенции МОТ № 158, Рекомендации № 166, а также Европейской социальной хартии. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу предупреждения об увольнении по инициативе работодателя в таких странах, как Австралия, Белоруссия, Великобритания, Германия, Испания, Китай, Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки, Франция. Делается вывод о том, что большинство стран придерживается подхода, согласно которому основополагающим критерием для определения срока предупреждения об увольнении работника по инициативе работодателя является стаж работы.

Ключевые слова: расторжение трудового договора; предупреждение об увольнении; уведомление; срок предупреждения об увольнении; работник; работодатель; стаж работы; Конвенция МОТ № 158; Рекомендация № 166; Европейская социальная хартия.

Для цитирования: Михальская А. О. Предупреждение об увольнении работника по инициативе работодателя: перспективы адаптации зарубежного опыта в России // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 7. — С. 99–108. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.099-108.

Notice of Termination of Employment at the Employer's Initiative: Prospects for Adapting Foreign Experience in Russia

Arina O. Mikhalskaya, Postgraduate Student, Department of Labour Law and Social Security Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
anira-am-95@yandex.ru

Abstract. In 2020–2021 due to the COVID-19 pandemic, the issue of termination of an employment contract at the initiative of the employer became more relevant, as the number of layoffs and related labor disputes increased significantly. The doctrine of labor law has not yet studied the concept of a notice of termination of employment developed in different countries. The paper provides a classification of a notice of termination of employment based on the ILO Convention No. 158, Recommendation No. 166, as well as the European Social Charter. The paper

---

© Михальская А. О., 2022

* Михальская Арина Олеговна, аспирант кафедры трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
anira-am-95@yandex.ru

---

is devoted to a comparative legal analysis of a notice of termination of employment at the employer's initiative in such countries as Australia, Belarus, Great Britain, Germany, Spain, China, the Russian Federation, the United States of America, France. The paper concludes that most countries adhere to the approach according to which the fundamental criterion for determining the period of notice of termination at the initiative of the employer is the length of service.

Keywords: termination of employment; notice of termination; letter of termination of employment; length of the notice period; employee; employer; work experience; ILO Convention No. 158; Recommendation No. 166; European Social Charter.

Cite as: Mikhalskaya AO. Preduprezhdenie ob uvolnenii rabotnika po initsiative rabotodatel'ya: perspektivy adaptatsii zarubezhnogo opyta v Rossii [Notice of Termination of Employment at the Employer's Initiative: Prospects for Adapting Foreign Experience in Russia]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(7):99-108. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.099-108. (In Russ., abstract in Eng.).

В настоящее время мировая экономика переживает тяжелый кризис, связанный с пандемией COVID-19, который отразился на всей сфере правовых отношений, а также повлиял на изменения в трудовых отношениях. Вследствие пандемии работодателям приходится в короткие сроки расторгать трудовые договоры с работниками из-за сокращения штата либо по причине ликвидации организации увольнять всех работников.

Вопросы, касающиеся защиты от увольнения по инициативе работодателя, являются ключевым аспектом в трудовых отношениях. В большинстве зарубежных стран защита прав работника от увольнения по инициативе работодателя осуществляется с помощью такого механизма, как предупреждение об увольнении. В России используется совершенно иная модель защиты от увольнения по инициативе работодателя, чем в других странах: средством защиты от увольнения по инициативе работодателя является ограничительный перечень оснований, прямо перечисленный в Трудовом кодексе Российской Федерации. Более того, в России нормы о предупреждении об увольнении совершенно не соответствуют подходам

Европейского комитета по социальным правам, закрепленным в п. 4 ст. 4 Европейской социальной хартии¹. Ввиду разницы подходов в Совете Европы и Российской Федерации в статье будут рассмотрены вопросы, связанные с предупреждением об увольнении в разных странах.

На международном уровне стандарты прекращения трудовых отношений по инициативе работодателя впервые определила Международная организация труда (МОТ) более 70 лет назад. В 1950 г. Конференция МОТ приняла резолюцию с просьбой подготовить отчет о национальных законодательствах различных стран и судебной практике, которая складывается по данному вопросу. В 1963 г. Конференция приняла Рекомендацию МОТ № 119 о прекращении трудовых отношений по инициативе работодателя. На ее основе были разработаны два важнейших документа в сфере трудовых отношений, которые заменяют эту Рекомендацию. Так, в 1982 г. была принята Конвенция МОТ № 158 о прекращении трудовых отношений по инициативе работодателя² (далее — Конвенция № 158) и Рекомендация МОТ № 166 о прекращении трудовых отношений по инициативе работодателя³ (далее — Рекомендация № 166).

¹ Лютов Н. Л. Расторжение трудового договора по инициативе работодателя: российское законодательство и международные акты. Постановка проблемы // Трудовое право в России и за рубежом. 2012. № 1. С. 25.

² Конвенция МОТ от 22.06.1982 № 158 «О прекращении трудовых отношений по инициативе работодателя» // URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c158_ru.htm (дата обращения: 22.09.2021).

³ Рекомендация МОТ от 22.06.1982 № 166 «О прекращении трудовых отношений по инициативе работодателя» // URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_r166_ru.htm (дата обращения: 22.09.2021).

Конвенция № 158 о прекращении трудовых отношений по инициативе работодателя является важнейшим международным актом, определяющим принципы защиты работников в случае их необоснованного увольнения, а также их основные права при прекращении трудовых отношений. В Рекомендации № 166 содержатся дополнительные нормы — гарантии. Она дополняет Конвенцию, конкретизирует ее⁴. Следует отметить, что в Российской Федерации Конвенция № 158 не ратифицирована. Однако наша страна в любом случае несет юридическое обязательство по Конвенции № 158, ничто не мешает нам сопоставлять себя с международными стандартами и, соответственно, соблюдать и претворять в жизнь принципы, касающиеся основополагающих прав, которые являются предметом нератифицированной конвенции.

В 1991 г., через девять лет после принятия вышеназванных документов, Административный совет МОТ попросил государства-члены направить отчеты по применению Конвенции № 158 и Рекомендации № 166, а также подготовить по ним обзоры. Как итог данной работы в 1995 г. появился общий обзор по защите от незаконных увольнений⁵. Данный документ показывает, что в настоящее время принцип, согласно которому работники должны быть защищены от увольнения, принят во многих странах, но эта защита не всегда является полной.

В Конвенции МОТ № 158, Рекомендации № 166, Европейской социальной хартии выделяются различные виды расторжения трудового договора по инициативе работодателя, одним из которых является предупреждение об увольнении работников.

В Конвенции № 158 (ст. 11 «Срок предупреждения об увольнении») закреплено предупреж-

дение об увольнении работников. В пункте 4 ст. 4 Европейской социальной хартии также упоминается указанная модель: «заблаговременное уведомление о прекращении работы по найму».

Цель этих положений состоит в том, чтобы работнику была предоставлена возможность улучшить свое поведение или производительность труда до наложения такой серьезной санкции, как увольнение с работы⁶. Предупреждение об увольнении является важной гарантией для работника, поскольку ему дается время для подготовки к адаптации и поиску новой работы. Хотелось бы более подробно остановиться на указанном виде увольнения и выделить следующие разновидности в национальном законодательстве различных стран.

1. В зависимости от наличия предупреждения об увольнении следует различать:

— Во-первых, *страны, в законодательстве которых при расторжении трудового договора по инициативе работодателя предупреждение не требуется.*

В Соединенных Штатах Америки, в отличие от других стран, действует иной порядок в отношении предупреждения о расторжении трудового договора по инициативе работодателя. В законодательстве США отсутствуют требования о каком-либо предупреждении, когда работодатель увольняет отдельного работника. Однако такие требования о предупреждении могут быть включены в частный трудовой договор или коллективный договор для работников, представленных профсоюзом.

В данной стране, с одной стороны, не требуется, чтобы работодатель предупреждал работника. С другой стороны, это требование может быть прописано в индивидуальном или коллективном договоре.

⁴ Протопопова И. А. Реализация международных традиций в российском трудовом законодательстве по вопросу увольнения работника по инициативе работодателя // *Налоги (газета)*. 2011. № 13. URL: <https://wiseeconomist.ru/poleznoe/71428-realizaciya-mezhdunarodnyx-tradicij-rossijskom-trudovom-zakonodatelstve-voprosu> (дата обращения: 23.09.2021).

⁵ Защита от необоснованного увольнения : общий обзор Конвенции о прекращении трудовых отношений 1982 г. № 158 и Рекомендации № 166 : Доклад III (4B) на 82-й сессии Международной конференции труда (Женева, 1995 г.) // URL: https://www.ilo.org/jakarta/whatwedo/publications/WCMS_182270/lang--en/index.htm (дата обращения: 23.09.2021).

⁶ Защита от необоснованного увольнения : общий обзор...

— Во-вторых, страны, в законодательстве которых при расторжении трудового договора по инициативе работодателя может быть предусмотрен смешанный подход (увольнение с предупреждением и без предупреждения).

В Германии в зависимости от причины и процедуры прекращения трудовых отношений предусмотрено два вида увольнений: с предварительным предупреждением (*ordentliche Kuendigung*) и без предварительного предупреждения (*ausserordentliche Kuendigung*)⁷. В связи с этим можно говорить о смешанном подходе.

Предварительное предупреждение будет надлежащим, если соблюдена письменная форма такого уведомления. Следует отметить, что электронная форма при этом исключается — это закреплено в ст. 623 Германского гражданского уложения (*Bürgerliches Gesetzbuch*)⁸ (далее — ГГУ).

Что касается увольнения без предупреждения при наличии серьезного основания, то данная норма указана в ст. 626 ГГУ: трудовые отношения могут быть прекращены любой из сторон договора без соблюдения сроков предупреждения при наличии важных оснований. Например, имеются факты, свидетельствующие о невозможности увольняемым продолжать трудовые отношения в интересах обеих сторон до истечения сроков предупреждения или до согласования вопроса об окончании трудовых отношений.

В законодательстве Германии (ст. 627 ГГУ) предусмотрено также, что увольнение возможно и без предупреждения в случае, если работник занимает ответственный пост.

Во Франции расторжение трудового договора по инициативе работодателя регламентируется в Кодексе труда (*Le Code du travail*)⁹ и также предусмотрено как с предупреждением, так и без предупреждения. Расторжение трудо-

вого договора по инициативе работодателя, в соответствии с Кодексом труда Франции, происходит по двум основаниям: по личным мотивам и по экономическим причинам. Отличительной особенностью здесь является то, что в самом предупреждении должны содержаться причины (основания), на которые ссылается работодатель. Причины для расторжения трудового договора по инициативе работодателя должны быть реальными и серьезными (*de cause réelle et sérieuse*). В случае иных оснований увольнения работника, не относящихся к личным мотивам и экономическим причинам, согласно Кодексу труда Франции, на работодателя будет наложен денежный штраф, величина которого зависит от стажа работы сотрудника и размера организации.

Должен быть соблюден срок уведомления. Заказное письмо с уведомлением не может быть отправлено менее чем через два рабочих дня после предполагаемой даты собеседования перед увольнением, на которое был вызван работник. Что же касается увольнения по экономическим причинам, то в законе прямо указано, что при ликвидации организации работодатель не освобождается от соблюдения обязанности по предупреждению.

В случае увольнения за серьезный или грубый проступок работник не имеет права на предупреждение. Считается, что присутствие такого работника в компании представляет угрозу для ее надлежащего функционирования или даже для персонала.

Единственным исключением является очень интересная норма о том, что в случае ликвидации организации при форс-мажорных обстоятельствах работодатель освобождается от обязанностей по предупреждению и выплате выходного пособия.

В Великобритании, как и в Германии, увольнение по инициативе работодателя может быть

⁷ Лебедев В. М., Мельникова В. Г., Назметдинов Р. Р. Трудовое право: опыт сравнительного правового исследования : монография / под ред. В. М. Лебедева. М. : Норма, Инфра-М, 2018. С. 332.

⁸ Civil Code, as subsequently amended (*Bürgerliches Gesetzbuch*). 20 Jul 2017 // URL: www.gesetze-im-internet.de (дата обращения: 23.09.2021).

⁹ Code du travail. 1 Jan 1970 // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000006072050/> (дата обращения: 22.09.2021).

осуществлено как с предупреждением, так и без него. Однако если в Германии предусмотрена исключительно письменная форма, то в Великобритании никакой конкретной формы для предупреждения об увольнении не требуется. В законе «О трудовых правах Великобритании» 1996 г. (Employment Rights Act 1996)¹⁰ предусматривается только право на письменное изложение причин увольнения по запросу.

В Великобритании увольнение с предупреждением допускается, например, в случаях профессиональной непригодности работника либо сокращения штата в организации. Без предупреждения можно уволить работника из-за его поведения. Так, например, увольняют работников, виновных в серьезных нарушениях трудового договора или грубо нарушивших трудовую дисциплину.

В России также предусмотрена смешанная модель увольнения по инициативе работодателя как с предупреждением, так и без предупреждения об увольнении. Обязательным является предупреждение в случае массовых увольнений, то есть при сокращении штата, при ликвидации организации. Без предупреждения увольняют работника в остальных случаях, которые закреплены в ст. 81 ТК РФ.

В отличие от Великобритании, в России в случае несоответствия работника занимаемой должности или выполняемой работе вследствие недостаточной квалификации, подтвержденной результатами аттестации, предупреждение об увольнении не требуется.

В Китае, согласно Закону КНР «О трудовом договоре»¹¹, возможно расторжение трудового договора по инициативе работодателя в одностороннем порядке как без предупреждения, так и с предупреждением. При этом основания увольнения без предупреждения за нарушение трудовой дисциплины будут похожими на те, которые установлены в национальных актах

Англии, Франции, Германии и России. Однако особенностью Китая является основание увольнения без предупреждения, если работник параллельно установил трудовые отношения с другим работодателем, что серьезно влияет на выполнение работником своих обязанностей у данного работодателя, либо работник отказывается разорвать трудовые отношения с другим работодателем по требованию данного работодателя.

В случае если со стороны работника нет никакой вины, работодатель может расторгнуть трудовой договор, предварительно уведомив работника в письменной форме или дополнительно выплатив ему заработную плату за один месяц.

На наш взгляд, именно смешанный подход наиболее полным образом, с одной стороны, защищает права работника, с другой стороны, позволяет работодателю находиться в более выигрышном положении по сравнению с подходом в тех странах, где предупреждение является всегда обязательным.

2. В зависимости от срока предупреждения об увольнении следует различать:

— Во-первых, *страны, в законодательстве которых при расторжении трудового договора по инициативе работодателя срок предупреждения варьируется в зависимости от разных факторов (стаж, возраст и др.)*.

Страны, ратифицировавшие Европейскую социальную хартию (например, Германия, Франция, Великобритания), придерживаются подхода, при котором срок предупреждения зависит от стажа работы работника. Комитет исходит из того, что при установлении конкретных сроков предупреждения следует руководствоваться стажем работы в качестве основного критерия установления срока предупреждения¹².

В Германии в ст. 622 ГГУ минимальный срок предупреждения составляет не менее 4 недель

¹⁰ Employment Rights Act, 1996 amended by the Enterprises and Regulatory Reform Act of 2013. Date: 4 Oct 2021 // URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/18/section/123> (дата обращения: 01.10.2021).

¹¹ Labor Contract Law of the People's Republic of China (2012 Amendment) Order No. 73 // URL: <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/76384/112877/F1810845897/CHN76384%20Eng.pdf> (дата обращения: 22.09.2021).

¹² Лютов Н. Л. Расторжение трудового договора по инициативе работодателя ... С. 25.

и увеличивается в зависимости от стажа работы следующим образом: при стаже 2 года — 1 месяц, 5 лет — 2 месяца, 8 лет — 3 месяца, 10 лет — 4 месяца, 12 лет — 5 месяцев, 15 лет — 6 месяцев, 20 лет — 7 месяцев. Во время испытательного срока срок предупреждения об увольнении как по инициативе работника, так и по инициативе работодателя составляет две недели. В случае если трудовой договор между работником и работодателем заключен более чем на 5 лет, срок уведомления будет составлять 6 месяцев.

В Кодексе труда Франции срок предупреждения о расторжении трудового договора по инициативе работодателя также зависит от стажа. Для работника со стажем работы в компании от 6 месяцев до 2 лет срок предупреждения будет составлять 1 месяц, а в случае если непрерывный стаж составляет более 2 лет, срок предупреждения будет 2 месяца. При этом срок предупреждения начинается с момента отправления заказного письма с уведомлением. До письменного уведомления должна быть проведена процедура обязательного устного собеседования, во время которого работнику может помочь консультант (ст. L 1232-2 и L 1232-4 LC)¹³.

В Великобритании в ст. 86 Закона «О трудовых правах Великобритании» 1996 г. закреплено понятие о минимальном предупреждении: *minimum notice*. Так, по закону минимальный срок уведомления зависит от стажа: одна неделя, если работник непрерывно работал не менее 1 месяца, но менее 2 лет; одна неделя за каждый год непрерывной работы, если период непрерывной работы составляет от 2 до 12 лет; 12 недель, если период непрерывной работы составляет 12 лет и более. Если сотрудник работает менее 1 месяца, уведомление не требуется.

Даже страны, которые не являются членами Совета Европы и не ратифицировали Европейскую социальную хартию, используют стаж

работы как основополагающий критерий для определения срока предупреждения об увольнении работника. Так, например, в Австралии в законе «О добросовестной работе» (*Fair Work Act 2009*)¹⁴, в п. 3 ст. s 117, устанавливаются сроки уведомления, которые варьируются в зависимости от стажа работы и возраста следующим образом: если работник непрерывно работал не более 1 года, срок уведомления составляет 1 неделю; если стаж работы более 1 года, но не более 3 лет, срок уведомления 2 недели; если стаж работы более 3 лет, но не более 5 лет, срок уведомления 3 недели; если стаж работы превышает 5 лет, срок уведомления 4 недели. Кроме того, срок уведомления должен быть увеличен на 1 неделю, если работнику больше 45 лет и у него есть непрерывный стаж не менее 2 лет.

Однако есть страны, которые ратифицировали Европейскую социальную хартию, но не учитывают стаж работы. Они составляют вторую группу.

— Во-вторых, *страны, в законодательстве которых при расторжении трудового договора по инициативе работодателя предусмотрен срок предупреждения, который установлен законом и не зависит от иных факторов.*

В законодательстве России, а также постсоветских стран¹⁵, которые ратифицировали Европейскую социальную хартию, устанавливается, что срок предупреждения не зависит от стажа работы. Следовательно, срок предупреждения строго закреплен в законодательстве и зависит только от причины увольнения. Так, например, согласно Трудовому кодексу в Российской Федерации об увольнении по причине ликвидации компании, а также сокращения численности или штата работники должны быть уведомлены не менее чем за 2 месяца до даты увольнения; в связи с окончанием срока действия срочного трудового договора — за 3 дня; в случае неудовлетворительного прохождения испытания — за

¹³ Code du travail. Date: 1 Jan 1970.

¹⁴ Fair Work Act 2009, Act No. 28 of 2009, dated 7 April 2009 as amended up to Act No. 180 of 2018, 12 December 2018 // URL: <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/81591/88706/F-1249244223/AUS81591%202017%20V1.pdf> (дата обращения: 27.09.2021).

¹⁵ Латвия, Литва, Эстония, Белоруссия, Молдавия, Украина, Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан.

3 дня; при увольнении работника-совместителя в случае приема на работу лица, для которого данная работа будет основной, — за 2 недели. Сроки предупреждения об увольнении работников, работающих у работодателей — физических лиц, и работников религиозных организаций по основаниям, предусмотренным трудовым договором, определяются трудовым договором.

В Белоруссии, как и в России, срок уведомления об увольнении по причине ликвидации компании, а также при сокращении численности составляет не менее двух месяцев до даты увольнения¹⁶.

Другим примером является Испания, которая ратифицировала Европейскую социальную хартию, однако срок предупреждения, предусмотренный законодательством этой страны, не зависит от стажа работы, а также от возраста или иных факторов. Согласно п. 1 ст. 53 Статута трудящихся (*Estatuto de los trabajadores*)¹⁷, срок предупреждения является единым для расторжения договора как по инициативе работника, так и по инициативе работодателя. Работник и работодатель должны быть предупреждены о расторжении трудового договора за 15 дней до последнего дня работы.

В статье 40 Закона Китайской Народной Республики «О трудовом договоре»¹⁸ закреплён срок уведомления 30 дней или дополнительная выплата работодателем работнику заработной платы за один месяц в следующих случаях:

- работник не может выполнять прежнюю работу по истечении установленного срока медицинского лечения в случае болезни;
- работник некомпетентен в своей должности или все еще является таковым после обучения или смены должности. Невозможность исполнения трудового договора может наступить и вследствие существенных изменений в объективных обстоятельствах, из которых стороны исходили в момент заключения

трудового договора, и отсутствия согласия между работодателем и работником по вопросам изменения трудового договора.

Заключение

Итак, на основании Европейской социальной хартии, Конвенции МОТ № 158, Рекомендации № 166 можно вывести следующую классификацию.

1. В зависимости от наличия предупреждения об увольнении следует различать:

- страны, согласно законодательству которых при расторжении трудового договора по инициативе работодателя предупреждение не требуется, — США;
- страны, в законодательстве которых при расторжении трудового договора по инициативе работодателя может быть предусмотрен смешанный подход (то есть увольнение с предупреждением и без предупреждения): Германия, Франция, Великобритания, Китай, Россия.

2. В зависимости от срока предупреждения об увольнении следует различать:

- страны, в законодательстве которых при расторжении трудового договора по инициативе работодателя срок предупреждения варьируется и зависит от разных факторов (стаж, возраст и др.): Великобритания, Австралия, Германия, Франция;
- страны, в законодательстве которых при расторжении трудового договора по инициативе работодателя предусмотрен срок предупреждения, который установлен законом и не зависит от иных факторов: Испания, Китай, Россия.

В Общем обзоре Конвенции № 158 и Рекомендации № 166 говорится, что «в соответствии с положениями Конвенции срок уведомления

¹⁶ Кодекс Республики Беларусь от 26.07.1999 № 296-3 // URL: www.etalonline.by (дата обращения: 17.11.2021).

¹⁷ Workers' Statute (*Estatuto de los trabajadores*), Royal Decree Law 2/2015, consolidated version (Real Decreto Legislativo 2/2015, de 23 de octubre, por el que se aprueba el texto refundido de la Ley del Estatuto de los Trabajadores). 13 Nov 2015 // URL: <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/WEBTEXT/37817/64929/S94ESP01.HTM#t1c3> (дата обращения: 01.10.2021).

¹⁸ Labor Contract Law of the People's Republic of China (2012 Amendment) Order No. 73.

должен быть “разумным”. Однако в ответ на предложение правительства указать продолжительность периода уведомления в документе на основе стажа работы или квалификации работника было сочтено предпочтительным оставить на усмотрение каждого государства».

При этом сегодня можно наблюдать тенденцию, которая заключается в том, что национальные акты большинства стран закрепляют обязательные гарантии для работников, касающиеся срока предупреждения работника о его предстоящем увольнении по инициативе работодателя, который зависит от стажа работы, возраста или иных факторов.

Даже те страны, которые не входят в состав Совета Европы, придерживаются подхода, в котором стаж работы является основополагающим критерием для определения срока предупреждения (как, например, в Австралии). Однако Российская Федерация, которая ратифицировала Европейскую социальную хартию, не учитывает ни возраст, ни стаж работы для определения срока предупреждения об увольнении. Срок предупреждения строго закреплён в законодательстве и зависит только от причины увольнения.

Согласно подсчетам аналитической службы международной аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza, основанным на данных Росстата за II квартал 2021 г., среднее время на поиск работы в случае увольнения работника составило около 6 месяцев 27 дней¹⁹.

Однако указанные данные являются достаточно условными и зависят от целого ряда факторов:

— во-первых, спрос работодателей на работников определенной специальности. Например, те, кто работают в сферах высшего менеджмента, науки и образования, безопасности, госслужбы, юриспруденции, ищут работу более полугода. То есть если специалистов больше, чем вакансий, конкуренция осложняет поиск работы и он может продлиться более двух месяцев;

— во-вторых, на длительность поиска работы влияет соответствие опыта работы и навыков требованиям рынка труда, а также адекватность ожиданий работника от работы реальным предложениям на рынке труда. Чем выше у работника должность (например, начальник отдела), тем сложнее ему найти работу. Поиск работы может продолжаться долго, поскольку работник не согласен на те зарплатные условия, которые предлагает большинство работодателей;

— в-третьих, возраст работника. По данным HeadHunter, подавляющее число работодателей ориентировано на возраст от 20 до 45 лет. Интерес к кандидатам старше 45 лет резко сокращается²⁰.

Таким образом, из указанных статистических данных мы видим, что в России чем старше работник по возрасту и чем больше у него опыта работы, тем сложнее ему найти подходящую работу. Ему требуется больше времени для поиска новой работы, и срок будет выходить за рамки двух месяцев, как это предусмотрено в ТК РФ в случае сокращения штата или ликвидации организации. Поэтому указанная категория работников менее защищена от увольнений по инициативе работодателя. Отсюда следует, что срок предупреждения необходимо дифференцировать в зависимости от возраста и стажа работы для того, чтобы защитить права работников предпенсионного возраста. По нашему мнению, в российском законодательстве целесообразно придерживаться такого подхода, как в Германии, Франции, Австралии, и закрепить срок предупреждения об увольнении на законодательном уровне, который бы зависел от стажа работы и возраста.

С другой стороны, здесь существует следующая проблема: в случае закрепления в трудовом законодательстве РФ срока предупреждения об увольнении в зависимости от стажа работы или возраста молодые работники оказываются в неравном положении по

¹⁹ FinExpertiza: Статистика по России // URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2021/polgodabez-dela/> (дата обращения: 16.11.2021).

²⁰ Панькова А. А. Проблемы трудоустройства лиц старшего возраста // Human Progress. 2018. Т. 4. № 11. URL: www.progress-human.com (дата обращения: 16.11.2021).

сравнению с работниками предпенсионного возраста.

Однако в настоящее время во всем мире происходит активная цифровизация. Работник сталкивается с необходимостью овладения цифровыми навыками. Работники в возрасте от 18 до 45 лет легко и быстро осваивают компьютерные программы, с трудностями же сталкиваются работники предпенсионного возраста, от 45 до 60 лет. В связи с этим работники, которые обладают цифровыми навыками, то есть молодые специалисты, находятся в преимущественном положении по сравнению с теми, кто не обладает указанными компетенциями. Поскольку для работодателя одним из основных критериев при найме на работу выступает цифровая грамотность, у молодых работников намного больше шансов найти работу быстрее. Поэтому для работников более старшего возраста, которым требуется гораздо

больше времени для поиска новой работы, срок предупреждения при увольнении должен быть увеличен и должен зависеть от стажа работы или от возраста, чтобы максимально защитить указанную категорию.

Интересно обратить внимание на норму, которая присутствует в Кодексе труда Франции: в случае ликвидации организации при форс-мажорных обстоятельствах работодатель освобождается от соблюдения обязанности по предупреждению. В трудовом законодательстве Российской Федерации указанная норма, связанная с форс-мажором, отсутствует. На наш взгляд, в условиях пандемии COVID-19 она могла бы помочь работодателям сохранить свои сбережения при ликвидации компаний в таких сложных экономических условиях. Однако этот подход не отражает интересы работников, которые будут вынуждены в срочном порядке искать новую работу и останутся без выходного пособия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аминова Э. М., Краснов Ю. К. Трудовое право : учеб.-метод. пособие. — М. : МГИМО, 2017. — 171 с.
2. Батусова Е. С. Модели правового регулирования коллективных увольнений в зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2017. — № 1. — С. 132–143.
3. Демидов Н. В. Увольнение по инициативе работодателя : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. — Томск, 2009.
4. Лебедев В. М., Мельникова В. Г., Назметдинов Р. Р. Трудовое право: опыт сравнительного правового исследования : монография / под ред. В. М. Лебедева. — М. : Норма, Инфра-М, 2018. — 480 с.
5. Люттов Н. Л. Расторжение трудового договора по инициативе работодателя: российское законодательство и международные акты. Постановка проблемы // Трудовое право в России и за рубежом. — 2012. — № 1. — С. 25–29.
6. Михайлова О. П. Сравнительное трудовое право : курс лекций. — Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. — 164 с.
7. Панькова А. А. Проблемы трудоустройства лиц старшего возраста // Human Progress. — 2018. — Т. 4. — № 11. — С. 1–9.
8. Протопопова И. А. Реализация международных традиций в российском трудовом законодательстве по вопросу увольнения работника по инициативе работодателя // Налоги (газета). — 2011. — № 13. — С. 29–33.

Материал поступил в редакцию 29 ноября 2021 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aminova E. M., Krasnov Yu. K. Trudovoe pravo: ucheb.-metod. posobie. — M.: MGIMO, 2017. — 171 s.
2. Batusova E. S. Modeli pravovogo regulirovaniya kollektivnyh uvolnenij v zarubezhnyh stranah // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. — 2017. — № 1. — S. 132–143.
3. Demidov N. V. Uvolnenie po iniciative rabotodatel'ya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.05. — Tomsk, 2009.
4. Lebedev V. M., Melnikova V. G., Nazmetdinov R. R. Trudovoe pravo: opyt sravnitel'nogo pravovogo issledovaniya: monografiya / pod red. V. M. Lebedeva. — M.: Norma, Infra-M, 2018. — 480 s.
5. Lyutov N. L. Rastorzhenie trudovogo dogovora po iniciative rabotodatel'ya: rossijskoe zakonodatel'stvo i mezhdunarodnye akty. Postanovka problemy // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. — 2012. — № 1. — S. 25–29.
6. Mihajlova O. P. Sravnitel'noe trudovoe pravo: kurs lekcij. — Vitebsk: VGU imeni P.M. Masherova, 2019. — 164 s.
7. Pankova A. A. Problemy trudoustrojstva lic starshego vozrasta // Human Progress. — 2018. — T. 4. — № 11. — S. 1–9.
8. Protopopova I. A. Realizaciya mezhdunarodnyh tradicij v rossijskom trudovom zakonodatel'stve po voprosu uvolneniya rabotnika po iniciative rabotodatel'ya // Nalogi (gazeta). — 2011. — № 13. — S. 29–33.

Уголовная ответственность за подкуп арбитра (третейского судьи): критический анализ

Аннотация. Федеральным законом от 27.10.2020 № 352-ФЗ отечественный Уголовный кодекс был дополнен статьей 200.7, которая установила ответственность за подкуп арбитра (третейского судьи). В этой связи возникла необходимость дать уголовно-правовую характеристику вновь введенному составу преступления и взглянуть на ст. 200.7 УК РФ через призму ее недостатков. В исследовании рассматривается: 1) общественная опасность и обоснованность криминализации подкупа арбитра (третейского судьи); 2) объекты (родовой, видовой и непосредственный) преступления, предусмотренного статьей 200.7 УК РФ, а также его предмет; 3) объективная сторона преступления, предусмотренного статьей 200.7 УК РФ, момент окончания данного преступления; 4) субъективная сторона преступления, предусмотренного статьей 200.7 УК РФ; 5) субъекты активного и пассивного подкупа арбитра (третейского судьи). Излагается собственное видение «подкупных» преступлений, делаются предложения по их унификации, по приведению терминологии уголовного закона в соответствие с общей терминологией (предлагается отказаться от термина «взятка», заменив его термином «подкуп»), по криминализации посредничества в подкупе и мелкого подкупа применительно к «подкупным» преступлениям, предусмотренным статьями 184, 200.5 и 200.7 УК РФ, а также иные предложения, направленные на совершенствование уголовного законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: криминализация; общественная опасность; преступления в сфере экономической деятельности; коррупционные преступления; подкупные преступления; дифференциация подкупных преступлений; подкуп арбитра (третейского судьи); проблемные вопросы; предложения по совершенствованию законодательства; арбитраж (третейское разбирательство); третейские суды; арбитра (третейский судья).

Для цитирования: Косыгин В. Е. Уголовная ответственность за подкуп арбитра (третейского судьи): критический анализ // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 7. — С. 109–120. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.109-120.

© Косыгин В. Е., 2022

* Косыгин Всеволод Евгеньевич, аспирант кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
vsevolod.kosygin97@mail.ru

Criminal Liability for Bribing an Arbitrator (Adjudicator): A Critical Analysis

Vsevolod E. Kosygin, Postgraduate Student, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
vsevolod.kosygin97@mail.ru

Abstract. Federal Law No. 352-FZ of October 27, 2020, supplemented the domestic Criminal Code with Art. 200.7, which established liability for bribing an arbitrator (adjudicator). In this regard, it became necessary to give a criminal legal description of the newly introduced corpus delicti and consider Art. 200.7 of the Criminal Code of the Russian Federation through the prism of its shortcomings. The study examines: 1) public danger and validity of criminalization of bribing an arbitrator; 2) objects (generic, specific and direct) of the crime provided for by Art. 200.7 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as its subject matter; 3) the objective side of the crime provided for in Art. 200.7 of the Criminal Code of the Russian Federation, the moment the crime ends; 4) the subjective side of the crime under Art. 200.7 of the Criminal Code of the Russian Federation; 5) subjects of active and passive bribing of an arbitrator. The author provides his own standpoint on «bribery» crimes, makes proposals for their unification, for bringing the terminology of the criminal law in line with the general terminology — it is proposed to abandon the term «bribe» (*vzyatka*), replacing it with the term «bribery» (*podkup*). The author also sets out his position on criminalization of mediation in bribery and petty bribery in relation to «bribery» crimes provided for in Art. 184, 200.5 and 200.7 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as other proposals aimed at improving the criminal legislation of the Russian Federation.

Keywords: criminalization; public danger; crimes in the sphere of economic activity; corruption crimes; bribery crimes; differentiation of bribe crimes; bribing an arbitrator (adjudicator); problematic issues; proposals for improving legislation; arbitration; arbitration courts; arbitrator.

Cite as: Kosygin VE. Ugolovnaya otvetstvennost za podkup arbitra (treteyskogo sudi): kriticheskiy analiz [Criminal Liability for Bribing an Arbitrator (Adjudicator): A Critical Analysis]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(7):109-120. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.109-120. (In Russ., abstract in Eng.).

Федеральным законом от 27.10.2020 № 352-ФЗ¹ Уголовный кодекс РФ был дополнен статьей 200.7 «Подкуп арбитра (третейского судьи)».

Общественная опасность подкупа арбитра (третейского судьи) состоит в нарушении (угрозе нарушения) порядка осуществления деятельности третейских судов. Ученые выражают опасение, что может возникнуть теневая система рассмотрения экономических споров².

Криминализация подкупа арбитра (третейского судьи), по смыслу Пояснительной запис-

ки, к проекту указанного выше Федерального закона обусловлена реализацией рекомендаций Группы государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО), а также отсутствием уголовной ответственности арбитров (третейских судей) за получение незаконного вознаграждения.

Мнения ученых по вопросу обоснованности криминализации подкупа арбитра (третейского судьи) разделились на две группы. Одни поддерживают введение уголовной ответственности за рассматриваемое преступление (например, О. Г. Соловьев, В. В. Блейз³), другие, напро-

¹ Федеральный закон от 27.10.2020 № 352-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Каменева А. Н. Общественная опасность и социальная обусловленность криминализации подкупа арбитра (третейского судьи) // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 1. С. 125.

³ Соловьев О. Г., Блейз В. В. Нормы-новеллы о коррупционных преступлениях в гл. 22 УК РФ: проблемы законодательного конструирования // Российский правовой журнал. 2020. № 3 (4). С. 80; Блейз В. В.

тив, считают, что в таковой не было необходимости (например, В. И. Гладких⁴, П. А. Ильичев, М. Ю. Савранский⁵). С точки зрения А. П. Чиркова, необходимости вводить специальную уголовную ответственность именно арбитров (третейских судей) не было, поскольку арбитры (третейские судьи) осуществляют управленческие функции, а значит, могли быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 204 УК РФ «Коммерческий подкуп»⁶.

Оставляя за рамками настоящей работы исследование вопросов обоснованности криминализации подкупа арбитра (третейского судьи), отметим лишь то, что вызывает вопросы: отсутствие на сегодняшний день судебной следственной практики по ст. 200.7 УК РФ. Как известно, одним из оснований криминализации деяний является воздействие международного права, материализованного в конвенционных документах, признанных национальной системой права⁷. И, как представляется, статья о подкупе арбитра (третейского судьи) (ст. 200.7 УК РФ) была введена в Уголовный кодекс РФ как раз по этой причине (во всяком случае, это одна из причин).

По поводу родового объекта преступлений, указанных в разд. VIII Уголовного кодекса, в на-

учной литературе сложились различные мнения⁸. Не вдаваясь в дискуссию, можно согласиться со следующим пониманием родового объекта преступлений в сфере экономики: это общественные отношения по производству и созданию общественного продукта во всех формах собственности, строящиеся на принципах свободы экономической деятельности⁹.

Видовым объектом преступлений в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ) являются общественные отношения, обеспечивающие функционирование рыночной экономики, осуществление добросовестной конкуренции, реализацию прав гражданина на предпринимательскую и иную не запрещенную законодательством экономическую деятельность¹⁰.

По поводу непосредственного объекта преступления, предусмотренного статьей 200.7 УК РФ, в настоящее время можно встретить следующие мнения. Н. А. Лопашенко определила таковой как «общественные экономические отношения, соответствующие принципу добросовестной конкуренции субъектов экономической деятельности в арбитраже внутренних споров и в международном коммерческом арбитраже, местом которого является Российская Федерация»¹¹. Л. Ю. Ларина непосредственный

Установление ответственности за подкуп арбитра (третейского судьи) (ст. 200.7 УК РФ): основания криминализации и вопросы дифференциации ответственности // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2021. № 10. С. 51.

⁴ Гладких В. И. Уголовная ответственность арбитра (третейского судьи): объективная необходимость или еще одна мертворожденная норма? // Российский судья. 2021. № 3. С. 34–35.

⁵ Ильичев П. А., Савранский П. А. О проектах введения уголовной ответственности для арбитров // Lex russica. 2020. № 9 (166). С. 158.

⁶ Чирков А. П. Проблемы определения субъекта преступления коррупционной направленности // Уголовное право. 2013. № 5. С. 112–113.

⁷ Гладких В. И. Указ. соч. С. 34.

⁸ Волженкин Б. В. Экономические преступления. СПб. : Юридический центр, 1999. С. 52 ; Крюков С. Р. Объект преступлений в сфере экономической деятельности // Правовые вопросы современности: теория и практика : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Курган, 2009. С. 112.

⁹ Лопашенко Н. А. Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности // Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1997. С. 11–12.

¹⁰ Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1997.

¹¹ Лопашенко Н. А. Новая криминализация: подкуп арбитра (третейского судьи) // Развитие наук антикриминального цикла в свете глобальных вызовов обществу : сборник трудов по материалам Все-

объект подкупа арбитра (третейского судьи) определила как «общественные отношения, складывающиеся в сфере установленного порядка третейского разбирательства (арбитража), то есть в процессе разрешения спора третейским судом и принятия им решения (арбитражного решения)»¹². А. Н. Каменева считает, что непосредственным объектом подкупа арбитра (третейского судьи) являются «общественные отношения, обеспечивающие законный порядок осуществления арбитражного (третейского) разбирательства»¹³. Е. В. Благов же пишет, что «преступление, ответственность за которое установлена в ст. 200.7 УК РФ, непосредственно не посягает ни на экономическую деятельность, ни на экономику...»¹⁴.

Следует поддержать А. Н. Каменеву и Л. Ю. Ларину и определить основной непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 200.7 УК РФ, как общественные отношения, обеспечивающие установленный законом порядок осуществления арбитража (третейского разбирательства).

Л. Ю. Ларина допускает возможность существования в рассматриваемом преступлении факультативного непосредственного объекта, которым будут выступать «отношения в сфере осуществления правосудия», так как подкуп арбитра (третейского судьи) может привести к вынесению незаконного решения, возможность обжалования которого гораздо меньше, чем в рамках государственной судебной системы¹⁵.

Действительно, для обжалования арбитражного решения, в отличие от решений государ-

ственных судей, меньше оснований. По смыслу ст. 40 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»¹⁶, в арбитражном соглашении стороны могут предусмотреть, что арбитражное решение является для них окончательным, не подлежащим отмене. Если же в арбитражном соглашении такой договоренности не предусмотрено, то такое решение может быть отменено по основаниям, установленным Гражданским процессуальным кодексом РФ (ст. 421). Не вдаваясь в подробности, какие именно в ГПК РФ выделяются основания, отметим лишь, что действительно возможность обжалования решения третейского суда меньше, чем в рамках государственной судебной системы. Между тем для того, чтобы выделить факультативный непосредственный объект в рассматриваемом составе преступления в виде отношений в сфере осуществления правосудия, необходимо ответить на вопрос: осуществляют ли третейские суды правосудие? Согласно ст. 4 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»¹⁷, правосудие осуществляется только судами, учрежденными в соответствии с Конституцией РФ и данным ФКЗ. В этом смысле третейские суды не относятся к судам, которые могут осуществлять правосудие на территории Российской Федерации, поскольку ни в Федеральном конституционном законе, ни в Конституции РФ они прямо не упоминаются.

В этой связи вряд ли есть основания выделять факультативный непосредственный объ-

---

российской заочной научно-практической конференции с международным участием. Саратов, 2021. С. 136.

¹² Ларина Л. Ю. Уголовная ответственность за подкуп арбитра (третейского судьи) // Новеллы права, экономики и управления — 2020 : сборник научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции. Гатчина : Изд-во Государственного института экономики, финансов, права и технологий, 2021. С. 345.

¹³ Каменева А. Н. Указ. соч. С. 125.

¹⁴ Благов Е. В. О подкупе арбитра (третейского судьи) в системе «подкупных» преступлений // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2021. № 10. С. 8.

¹⁵ Ларина Л. Ю. Указ. соч. С. 349.

¹⁶ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ СПС «КонсультантПлюс».

ект в виде отношений в сфере осуществления правосудия в рассматриваемом составе преступления.

Вызвал полемику вопрос о месте нахождения уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за подкуп арбитра (третейского судьи) (ст. 200.7 УК РФ), именно в разделе и главе, в которых они находятся в данный момент. Проанализировав совокупность взглядов на этот счет, выделим следующие возможные вариации:

- 1) в гл. 23 УК РФ, по предложению Генеральной прокуратуры РФ¹⁸;
- 2) в гл. 30 УК РФ, если мы признаем, что третейские суды входят в судебную систему РФ, а арбитры (третейские судьи) являются государственными судьями;
- 3) в гл. 32 УК РФ, поскольку оплата труда при незаконном вознаграждении происходит не через гонорар, как должно быть, а из неофициальных источников, из чего вытекает, что посягательство осуществляется на официальность оплаты труда арбитра (третейского судьи)¹⁹;
- 4) во вновь введенной в Уголовный кодекс РФ главе, которая была бы посвящена исключительно «подкупным» преступлениям.

Опираясь на официальную позицию Пленума Верховного Суда РФ, высказанную в постановлении от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»²⁰, констатируем, что предметом рассматриваемого преступления являются: деньги, ценные бумаги, иное имущество, услуги имущественного характера, оказываемые незаконно, и другие имущественные права, предоставляемые незаконно.

Е. В. Благов поднимает вопрос о перечне данных объектов гражданских прав, входящих в предмет рассматриваемого преступления²¹. Иными словами, почему именно деньги, ценные бумаги и т.д. входят в предмет рассматриваемого преступления и иных, пользуясь терминологией Е. В. Благова, «подкупных» преступлений, а другие (например, результаты работ) нет? Думается, законодатель исходил из соображений целесообразности и практической значимости, когда формулировал перечень предметов «подкупных» преступлений. В. И. Гладких отмечает, что «из первоначальной редакции статьи исчезли такие предметы преступления, как “услуги неимущественного характера, неимущественные права, иные неправомерные преимущества”. Видимо, законодатель справедливо решил, что такие не характерные для коррупционных преступлений понятия затрудняют правоприменительную практику»²².

Кроме того, является актуальным вопрос об услугах интимного характера как предмета «подкупных» преступлений. Уголовный закон в качестве предмета преступления называет в том числе услуги имущественного характера. Однако можно ли назвать услуги интимного характера имущественными? Представляется обоснованной позиция В. В. Качалова, который в контексте получения взятки пишет: «Для правильной квалификации действий в подобных ситуациях следует руководствоваться... субъективными представлениями должностного лица об имущественности или неимущественности услуги в каждом конкретном случае»²³. Из этого следует, что если арбитр (третейский судья) расценивает получение услуги интимного характера исключительно как возможность

¹⁸ *Гайдаенко-Шер Н. И.* Формирование системы альтернативных механизмов разрешения споров: бесконфликтное общество как основа противодействия коррупции : науч.-практ. пособие / отв. ред. Н. Г. Семилютин. М. : ИЗИСП, Инфра-М, 2015. С. 3.

¹⁹ *Благов Е. В.* Указ. соч. С. 9.

²⁰ Российская газета. № 154. 17.07.2013.

²¹ *Благов Е. В.* Указ. соч. С. 9–10.

²² *Гладких В. И.* Указ. соч. С. 38.

²³ *Качалов В. В.* Сексуальные услуги как предмет взятки // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 4-2. С. 121–122.

не платить за нее, то предметом подкупа такая услуга может быть.

Статья 200.7 УК РФ содержит два разных (хотя, безусловно, и взаимосвязанных) преступления: передачу предмета подкупа (ч. 1) и получение предмета подкупа (ч. 5). Иными словами, указанная статья регламентирует активный подкуп и пассивный подкуп арбитра (третейского судьи).

В научной литературе критикуется такой подход законодателя к формулированию (конструированию) нормы об уголовной ответственности за подкуп арбитра (третейского судьи). Так, А. В. Иванчин пишет: «Из теории законодательной техники хорошо известно, что один вид преступного поведения (и при необходимости его разновидности) по общему правилу должен быть регламентирован в отдельной статье УК»²⁴. С его позицией соглашаются Е. В. Благов²⁵, В. В. Блейз²⁶, А. Н. Каменева²⁷. Следует поддержать критику указанных авторов и отметить следующее. Действительно, представляется некорректным размещение в одной статье преступлений, которые различны по степени общественной опасности. Так, активный подкуп арбитра (третейского судьи) (ч. 1 ст. 200.7 УК РФ) наказывается лишением свободы на срок до двух лет, а пассивный подкуп (ч. 5 ст. 200.7 УК РФ) — лишением свободы на срок до трех лет. Аналогичная проблема имеет место в статьях, предусматривающих другие виды подкупа (ст. 184, 200.5, 200.7, 204 УК РФ).

На сегодняшний день так и не разрешен вопрос, почему получение предмета подкупа наказывается строже, нежели его передача. На чем основывался законодатель, повышая общественную опасность именно получения предмета подкупа? Только на том, что получатель

имеет определенные полномочия и особый статус, в отличие от дающего? Думается, что провокация (склонение) со стороны дающего на принятие предмета подкупа получателем является не менее общественно опасным деянием. Во многом получатель принимает предмет подкупа только потому, что он ему был предложен. В противном же случае получатель просто побоялся бы самостоятельно потребовать передать ему предмет подкупа. Статистические данные на этот счет противоречивые. Так, по информации Судебного департамента при Верховном Суде РФ²⁸, за совершение коммерческого подкупа (ч. 1–4 ст. 204 УК РФ) было осуждено за первое полугодие 2021 г. 42 лица, а за получение (ч. 5–8 ст. 204 УК РФ) — 65. А вот за дачу взятки (ст. 290 УК РФ) за тот же период было осуждено 836 лиц, а за получение (ст. 291 УК РФ) — 520. Из этого следует, что далеко не всегда инициатором подкупа выступает получатель. Вызывает вопрос сложившееся положение вещей в части повышенной ответственности получателя и заниженной ответственности дающего. Представляется, что необходимо уравнивать эти две стороны «подкупных» преступлений.

В Уголовном кодексе РФ только одна разновидность подкупа сформулирована в соответствии с правилами конструирования уголовно-правовых норм, предусматривающих составы преступления, — это подкуп должностных лиц (ст. 290 — получение взятки, ст. 291 — дача взятки). В этой связи предлагается привести уголовное законодательство в части ответственности за различные виды подкупа в соответствии с правилами конструирования уголовно-правовых норм, предусматривающих составы преступления.

²⁴ Иванчин А. В. Подкуп арбитра (третейского судьи) (ст. 200.7 УК РФ): проблемы совершенствования закона // Вестник Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». 2020. № 4. С. 46.

²⁵ Благов Е. В. Указ. соч. С. 13.

²⁶ Блейз В. В. Указ. соч. С. 50.

²⁷ Каменева А. Н. Указ. соч. С. 126.

²⁸ Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 6 месяцев 2021 г. // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5895> (дата обращения: 02.11.2021).

Сделать это можно двумя путями. Первый — ввести статью 200.8, куда из ст. 200.7 перенести ч. 5–8 (предложение А. Н. Каменевой²⁹). Аналогичным образом предлагается внести поправки и в отношении других «подкупных» преступлений, предусмотренных ст. 184, 200.5 и 204 УК РФ. Второй — провести унификацию статей, посвященных подкупам, в результате которой должно остаться два вида подкупа: коммерческий подкуп для экономических отношений и взяточничество для государственно-властных отношений (эту же идею предлагает П. А. Григорьев³⁰). Второй путь представляется оптимальным по следующей причине. Намечается тенденция введения в уголовный закон статей, посвященных подкупам, где меняется исключительно субъект преступления (в ст. 184 это спортсмен, спортивный судья, тренер, руководитель спортивной команды, другой участник или организатор официального спортивного соревнования, член жюри, участник или организатор зрелищного коммерческого конкурса; в ст. 200.5 — работник контрактной службы, контрактный управляющий, член комиссии по осуществлению закупок, лицо, осуществляющее приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг, иное уполномоченное лицо, представляющее интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, и т. д.).

Между тем подкупы вводятся в основном (исключения составляют лишь коммерческий подкуп и подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу) в две главы Уголовного кодекса (гл. 22 и 30). То есть, по мнению законодателя, «подкупные» преступления в зависимости от того, кого подкупают, могут посягать либо на общественные отношения в сфере экономической деятельности (гл. 22), либо на

общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование государственной власти, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления (гл. 30). Следовательно, возникает вопрос: зачем дробить «подкупные» преступления на виды по субъекту преступления? Как известно, архитектура уголовного закона (его Особенной части) основана на дифференциации преступлений в зависимости от объекта посягательства. Из этого следует, что можно было бы ограничиться двумя разновидностями подкупа, один из которых будет посягать на общественные отношения, охраняемые главой 22, а другой — на общественные отношения, охраняемые главой 30, а конкретные субъекты преступлений будут иметь значение только в контексте того, должностное это лицо или иное лицо, имеющее отношение к экономическим отношениям.

В УК РФ подкуп как основному уголовно-правовому деянию посвящено семь статей (184, 200.5, 200.7, 204, 290, 291, 309). В четырех из них (184, 200.5, 200.7, 204) приводится определение понятия «подкуп», которое фактически является одинаковым (меняется только субъект преступления). Сходство в конструкции преступления имеется у определений дачи и получения взятки с определениями подкупа в указанных четырех статьях. Думается, что можно было бы сформулировать одно универсальное определение подкупа на весь Уголовный кодекс, а в статьях, посвященных конкретным его разновидностям, употреблять лишь слово «подкуп» и далее указывать, кого именно.

В Уголовном кодексе РФ используются два термина: «подкуп» и «взятка». В словарях русского языка подкуп определяется как «привлечение, склонение на свою сторону деньгами, подарками»³¹. В словаре современного русского литературного языка взятка определяется как «подарок, плата должностному лицу за совер-

²⁹ Каменева А. Н. Указ. соч. С. 126.

³⁰ Григорьев П. А. Подкуп арбитра (третейского судьи) в системе коррупционных проявлений: оценка новеллы // Криминологические чтения : материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию Прокуратуры России : в 2 т. / науч. ред. Э. Л. Раднаева ; отв. ред. Н. С. Маркова. Улан-Удэ, 2021. Т. 1. С. 150.

³¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1989–1991. Т. 4. С. 180.

шение каких-либо незаконных действий в интересах дающего; принудительные поборы с зависимых и подчиненных лиц»³². Иными словами, подкуп — это некий процесс, а взятка — это некий предмет. В контексте формулирования «подкупных» преступлений более правильным было бы использовать понятие подкупа. А взятка — это скорее предмет этого преступления (деньги, ценные бумаги, иное имущество и т.д.). В уголовном законе данные термины имеют, по сути, одинаковое значение, в обоих случаях это незаконная передача (либо получение) предмета подкупа (взятки) за совершение определенных действий (бездействия). Отличие же лишь в том, кто принимает предмет подкупа (должностное или иное лицо, не являющееся должностным).

По конструкции объективной стороны состава преступления, предусмотренные частями 1 и 5 ст. 200.7 УК РФ, являются формальными.

Неоднозначен в настоящее время вопрос о моменте окончания «подкупных» преступлений, в числе которых и подкуп арбитра (третейского судьи) (ст. 200.7 УК РФ). Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 09.07.2013 № 24 связывает момент окончания коррупционных должностных преступлений с моментом принятия хотя бы части передаваемых ценностей. Однако в научной литературе существуют иные точки зрения. Например, А. Н. Каменева таковым признает момент передачи денежных средств вне зависимости от того, были ли доведены преступные действия стороны до конца, при фальсификации хода и результатов арбитража (третейского разбирательства)³³. С позиции уголовного процесса, а именно с позиции доказывания, представляется, что более правильным является видение Пленума Верховного Суда РФ, поскольку в случае, если получатель не принял хотя бы часть предмета подкупа, будет сложно доказать, что у него вообще был умысел на получение незаконного вознаграждения.

Субъективная сторона как активного, так и пассивного подкупа арбитра (третейского судьи) характеризуется виной в форме прямого умысла и наличием у дающего определенной цели, а у принимающего — корыстного мотива. Дающий преследует цель побудить арбитра (третейского судью) совершить указанные в законе действия (либо, напротив, отказаться от их совершения) — это прямо вытекает из диспозиции ч. 1 ст. 200.7 УК РФ: «Незаконная передача... денег, ценных бумаг... за совершение действий (бездействия) в интересах дающего или иных лиц...». Иными словами, незаконное вознаграждение осуществляется не просто потому, что дающий хочет сделать арбитру (третейскому судье) подарок, а потому, что он преследует цель побудить последнего совершить в его интересах определенные действия (либо отказаться от совершения таковых). О наличии в «подкупных» преступлениях цели говорится и в научной литературе. Так, Е. В. Фоменко сформулировала характерные черты подкупа, в числе которых называется «направленность на склонение подкупаемого лица к определенному поведению, выгодному и удобному подкупающему»³⁴. «Направленность» — это не что иное, как цель совершения преступления. Корыстный мотив у арбитра (третейского судьи) также наличен, поскольку он совершает действия (бездействие) в интересах дающего не просто потому, что они, например, состоят с ним в хороших отношениях, а потому, что он получит за это вознаграждение. Аналогию можно провести с получением взятки (ст. 290 УК РФ). В постатейном комментарии к Уголовному кодексу РФ А. И. Рарог пишет, что «субъективная сторона получения взятки характеризуется прямым умыслом и корыстным мотивом, который с необходимостью вытекает из сущности данного преступления»³⁵.

Субъектом активного подкупа арбитра (третейского судьи) (ч. 1 ст. 200.7 УК РФ), как верно отмечает Н. А. Лопашенко, может быть

³² Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. / АН СССР. М., 1991.

³³ Каменева А. Н. Указ. соч. С. 125.

³⁴ Фоменко Е. В. Подкуп как наиболее общественно опасное проявление коррупции // Закон и право. 2021. № 9. С. 106.

³⁵ Постатейный комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. А. И. Рарог. М. : Эксмо, 2018. С. 591.

любое лицо, достигшее 16 лет и, в частности, являющееся представителем сторон арбитража (организации, граждане, являющиеся индивидуальными предпринимателями, физические лица, которые предъявили исковое заявление в порядке арбитража в защиту своих прав и интересов либо к которым предъявлен иск в порядке арбитража, а также которые присоединились к арбитражу корпоративных споров в качестве их участников в предусмотренных законом случаях)³⁶. В пассивном подкупе арбитра (третейского судьи) (ч. 5 ст. 200.7 УК РФ) наличествует специальный субъект — арбитр (третейский судья).

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», арбитр (третейский судья) — это физическое лицо, избранное сторонами или избранное (назначенное) в согласованном сторонами или установленном федеральным законом порядке для разрешения спора третейским судом. На сегодняшний день нет единства мнений по вопросу места третейских судов в системе органов Российской Федерации. Не вдаваясь в дискуссию, для целей статьи оговоримся, что автор занимает позицию, согласно которой третейские суды не входят в судебную систему Российской Федерации. Аргументы в пользу этой точки зрения:

- 1) в ходе проведенного ретроспективного анализа становления и развития третейских судов в России автор пришел к выводу, что с момента своего появления третейский суд предназначался для разрешения спора именно как орган, альтернативный государственному. Из чего следует, что третейские суды не входили ранее в судебную систему нашей страны;
- 2) в Федеральном конституционном законе от 31.12.1996 № 1 «О судебной системе в Российской Федерации» третейские суды не упоминаются. Между тем им посвящен

специальный закон — Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) Российской Федерации», что наталкивает на мысль, что высший законодательный орган России разделяет государственные суды и третейские суды. Кроме того, законодатель, предусмотрев «специальную» статью 200.7 УК РФ, тем самым обозначил свою позицию, что третейские судьи не являются должностными лицами. Государственные судьи, напротив, являются должностными лицами, и в случае получения ими взятки ответственность будет наступать по ст. 290 УК РФ. Иными словами, если бы законодатель признавал третейских судей государственными судьями, то не было бы необходимости вводить ст. 200.7 УК РФ; ответственность третейские судьи несли бы по ст. 290 УК РФ;

- 3) и, наконец, Правительство РФ в официальном отзыве на законопроект о введении уголовной ответственности за подкуп арбитра (третейского судьи) прямо указало, что третейские суды не относятся к судебной системе РФ³⁷.

В научной литературе поднимается вопрос, являются ли субъектом рассматриваемого преступления иностранные третейские судьи. Руководствуясь рекомендациями ГРЕКО в отношении Российской Федерации по теме «Криминализация деяний» в рамках третьего раунда о выполнении положений Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию и Руководящего принципа 2 (уголовная ответственность за коррупцию), согласно которым нашей стране предписано криминализировать подкуп национальных и иностранных третейских судей, на поставленный вопрос можно ответить положительно. В противном случае мы бы не реализовали данные нам рекомендации и тем самым нарушили свои обязательства. Это же говорится и в приводившейся выше поясни-

³⁶ Лопашенко Н. А. Новая криминализация: подкуп арбитра (третейского судьи). С. 138–139.

³⁷ Официальный отзыв на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях установления ответственности арбитров (третейских судей) за коррупцию», вносимый депутатом Государственной Думы А. Б. Выборным // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/931211-7> (дата обращения: 24.12.2021).

тельной записке к законопроекту о введении уголовной ответственности за подкуп арбитра (третейского судьи).

Вызывает вопросы отсутствие в Уголовном кодексе ответственности за посредничество в подкупе арбитра (третейского судьи) и за мелкий подкуп такового. Применительно к коммерческому подкупу (ст. 204) и взяточничеству (ст. 290, 291) в УК РФ предусмотрены такие составы преступления, как посредничество в коммерческом подкупе (ст. 204.1) и посредничество во взяточничестве (ст. 291.1), а также мелкий коммерческий подкуп (ст. 204.2) и мелкое взяточничество (ст. 291.2). Кроме того, в ч. 5 ст. 184 УК РФ предусмотрено посредничество в активном и пассивном подкупах при оказании противоправного влияния на результат спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса. В случаях же с преступлениями, указанными в ст. 184 (только в части мелкого подкупа), 200.5, 200.7 и 309 УК РФ, отсутствуют специальные статьи, предусматривающие ответственность за аналогичные деяния. Безусловно, это нарушение принципа системности уголовного закона. Законодатель непоследователен в этом. В этой связи возникает закономерный вопрос: на сегодняшний день уголовная ответственность за посредничество и за мелкий подкуп в названных трех преступлениях не предусмотрена?

Думается, что в настоящее время посредничество в «подкупных» преступлениях, где нет самостоятельного состава преступления, предусматривающего ответственность за посредничество в подкупе, должно квалифицироваться

как соучастие в таком подкупе (со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ). Однако с тем, чтобы не вводить в заблуждение правоприменителя, необходимо привести к единообразию все «подкупные» преступления. Сделать это можно либо исключив вообще составы преступления о посредничестве за подкуп (взяточничество), либо, напротив, дополнив уголовный закон статьями, предусматривающими ответственность во всех разновидностях «подкупных» преступлений. Как известно, посредничество — это разновидность пособничества. В этой связи представляется, что второй вариант является менее предпочтительным, поскольку тогда смело можно вводить уголовную ответственность за различные виды соучастия (организацию, подстрекательство, пособничество) применительно к каждому преступлению (например, применительно к убийству можно было бы ввести статью 105.1 «Организация убийства»).

Завершая рассмотрение заявленного вопроса, констатируем, что сложившаяся система (а точнее, напротив, бессистемность) «подкупных» преступлений нуждается в реформировании, поскольку на сегодняшний день не прослеживается логически выверенной структуры таких преступлений, они включаются в Уголовный кодекс РФ хаотично (размещаются в четырех разных главах). Кроме того, делаем вывод о необходимости привести терминологию уголовного закона в части «подкупных» преступлений в соответствие с общей терминологией путем исключения из закона термина «взятка» и замены его на термин «подкуп».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Благов Е. В.* О подкупе арбитра (третейского судьи) в системе «подкупных» преступлений // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). — 2021. — № 10. — С. 6–17.
2. *Блейз В. В.* Установление ответственности за подкуп арбитра (третейского судьи) (ст. 2007 УК РФ): основания криминализации и вопросы дифференциации ответственности // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). — 2021. — № 10. — С. 46–51.
3. *Волженкин Б. В.* Экономические преступления. — СПб. : Юридический центр, 1999. — 312 с.
4. *Гайдаенко-Шер Н. И.* Формирование системы альтернативных механизмов разрешения споров: бесконфликтное общество как основа противодействия коррупции : науч.-практ. пособие / отв. ред. Н. Г. Семилютина. — М. : ИЗИСП, Инфра-М, 2015. — 176 с.

5. *Гладких В. И.* Уголовная ответственность арбитра (третейского судьи): объективная необходимость или еще одна мертворожденная норма? // *Российский судья*. — 2021. — № 3. — С. 34–40.
6. *Григорьев П. А.* Подкуп арбитра (третейского судьи) в системе коррупционных проявлений: оценка новеллы // *Криминологические чтения : материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию прокуратуры России* : в 2 т. / науч. ред. Э. Л. Раднаева ; отв. ред. Н. С. Маркова. — Т. 1. — Улан-Удэ, 2021. — С. 145–151.
7. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — Т. 4. — М., 1989–1991. — 683 с.
8. *Иванчин А. В.* Подкуп арбитра (третейского судьи) (ст. 200.7 УК РФ): проблемы совершенствования закона // *Вестник Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки»*. — 2020. — № 4. — С. 44–49.
9. *Ильичев П. А., Савранский М. Ю.* О проектах введения уголовной ответственности для арбитров // *Lex russica*. — 2020. — № 9 (166). — С. 155–164.
10. *Каменева А. Н.* Общественная опасность и социальная обусловленность криминализации подкупа арбитра (третейского судьи) // *Пробелы в российском законодательстве*. — 2021. — Т. 14. — № 1. — С. 123–127.
11. *Качалов В. В.* Сексуальные услуги как предмет взятки // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. — 2016. — № 4-2. — С. 118–124.
12. *Крюков С. Р.* Объект преступлений в сфере экономической деятельности // *Правовые вопросы современности: теория и практика : материалы Всероссийской научно-практической конференции*. — Курган, 2009. — С. 111–113.
13. *Ларина Л. Ю.* Уголовная ответственность за подкуп арбитра (третейского судьи) // *Новеллы права, экономики и управления — 2020 : сборник научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции*. — Гатчина : Изд-во Государственного института экономики, финансов, права и технологий, 2021. — С. 345–350.
14. *Лопашенко Н. А.* Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. — Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1997. — 179 с.
15. *Лопашенко Н. А.* Новая криминализация: подкуп арбитра (третейского судьи) // *Развитие наук антикриминального цикла в свете глобальных вызовов обществу : сборник трудов по материалам Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием*. — Саратов, 2021. — С. 132–141.
16. *Лопашенко Н. А.* Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания : дис. ... д-ра юрид. наук. — Саратов, 1997. — 427 с.
17. *Постатейный комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. А. И. Рарог*. — М. : Эксмо, 2018. — 704 с.
18. *Словарь современного русского литературного языка* : в 20 т. / АН СССР. — М., 1991.
19. *Соловьев О. Г., Блейз В. В.* Нормы-новеллы о коррупционных преступлениях в гл. 22 УК РФ: проблемы законодательного конструирования // *Российский правовой журнал*. — 2020. — № 3 (4). — С. 77–81.
20. *Фоменко Е. В.* Подкуп как наиболее общественно опасное проявление коррупции // *Закон и право*. — 2021. — № 9. — С. 105–109.
21. *Чирков А. П.* Проблемы определения субъекта преступления коррупционной направленности // *Уголовное право*. — 2013. — № 5. — С. 112–113.

Материал поступил в редакцию 3 ноября 2021 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Blagov E. V. O podkupe arbitra (tretejskogo sudi) v sisteme «podkupnyh» prestuplenij // Aktualnye problemy ugolovnogogo prava na sovremennom etape (voprosy differenciacii otvetstvennosti i zakonodatelnoj tekhniki). — 2021. — № 10. — S. 6–17.
2. Blejz V. V. Ustanovlenie otvetstvennosti za podkup arbitra (tretejskogo sudi) (st. 2007 UK RF): osnovaniya kriminalizacii i voprosy differenciacii otvetstvennosti // Aktualnye problemy ugolovnogogo prava na sovremennom etape (voprosy differenciacii otvetstvennosti i zakonodatelnoj tekhniki). — 2021. — № 10. — S. 46–51.
3. Volzhenkin B. V. Ekonomicheskie prestupleniya. — SPb.: Yuridicheskij centr, 1999. — 312 s.
4. Gajdaenko-Sher N. I. Formirovanie sistemy alternativnyh mekhanizmov razresheniya sporov: beskonfliktnoe obshchestvo kak osnova protivodejstviya korrupcii: nauch.-prakt. posobie / otv. red. N. G. Semilyutina. — M.: IZiSP, Infra-M, 2015. — 176 s.
5. Gladkih V. I. Ugolovnaya otvetstvennost arbitra (tretejskogo sudi): obektivnaya neobходimost ili eshche odna mertvorozhdennaya norma? // Rossijskij sudya. — 2021. — № 3. — S. 34–40.
6. Grigorev P. A. Podkup arbitra (tretejskogo sudi) v sisteme korrupcionnyh proyavlenij: ocenka novelty // Kriminologicheskie chteniya: materialy XVI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 300-letiyu prokuratury Rossii: v 2 t. / nauch. red. E. L. Radnaeva; otv. red. N. S. Markova. — T. 1. — Ulan-Ude, 2021. — S. 145–151.
7. Dal V. Tolkovyj slovar zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t. — T. 4. — M., 1989–1991. — 683 s.
8. Ivanchin A. V. Podkup arbitra (tretejskogo sudi) (st. 200.7 UK RF): problemy sovershenstvovaniya zakona // Vestnik Yaroslavsogo gosudarstvennogo universiteta imeni P.G. Demidova. Seriya «Gumanitarnye nauki». — 2020. — № 4. — S. 44–49.
9. Ilichev P. A., Savranskij M. Yu. O proektah vvedeniya ugolovnoj otvetstvennosti dlya arbitrov // Lex russica. — 2020. — № 1 (166). — S. 155–164.
10. Kameneva A. N. Obshchestvennaya opasnost i socialnaya obuslovlennost kriminalizacii podkupa arbitra (tretejskogo sudi) // Probely v rossijskom zakonodatelstve. — 2021. — T. 14. — № 1. — S. 123–127.
11. Kachalov V. V. Seksualnye uslugi kak predmet vzyatki // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. — 2016. — № 4-2. — S. 118–124.
12. Kryukov S. R. Obekt prestuplenij v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti // Pravovye voprosy sovremennosti: teoriya i praktika: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. — Kurgan, 2009. — S. 111–113.
13. Larina L. Yu. Ugolovnaya otvetstvennost za podkup arbitra (tretejskogo sudi) // Novelty prava, ekonomiki i upravleniya — 2020: sbornik nauchnyh trudov po materialam VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. — Gatchina: Izd-vo Gosudarstvennogo instituta ekonomiki, finansov, prava i tekhnologii, 2021. — S. 345–350.
14. Lopashenko N. A. Voprosy kvalifikacii prestuplenij v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti. — Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1997. — 179 s.
15. Lopashenko N. A. Novaya kriminalizaciya: podkup arbitra (tretejskogo sudi) // Razvitie nauk antikriminalnogo cikla v svete globalnyh vyzovov obshchestvu: sbornik trudov po materialam Vserossijskoj zaochnoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. — Saratov, 2021. — S. 132–141.
16. Lopashenko N. A. Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti: ponyatie, sistema, problemy kvalifikacii i nakazaniya: dis. ... d-ra yurid. nauk. — Saratov, 1997. — 427 s.
17. Postatejnyj kommentarij k Ugolovnomu kodeksu RF / otv. red. A. I. Rarog. — M.: Eksmo, 2018. — 704 s.
18. Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 20 t. / AN SSSR. — M., 1991.
19. Solovev O. G., Blejz V. V. Normy-novelty o korrupcionnyh prestupleniyah v gl. 22 UK RF: problemy zakonodatel'nogo konstruirovaniya // Rossijskij pravovoj zhurnal. — 2020. — № 1 (4). — S. 77–81.
20. Fomenko E. V. Podkup kak naibolee obshchestvenno opasnoe proyavlenie korrupcii // Zakon i pravo. — 2021. — № 9. — S. 105–109.
21. Chirkov A. P. Problemy opredeleniya subekta prestupleniya korrupcionnoj napravlenosti // Ugolovnoe pravo. — 2013. — № 5. — S. 112–113.

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.121-135

С. Ю. Карпов*,
С. С. Шишанова**

Особенности применения методов математического моделирования в судебной пожарно-технической экспертизе при исследовании динамики опасных факторов пожара

Аннотация. Статья посвящена проблеме правоприменения методов (методик) математического моделирования в рамках судебных пожарно-технических экспертиз при исследовании динамики опасных факторов пожара. Анализируются нормативные документы в области технического регулирования, содержащие расчетные методы и методики, и их применение в современных условиях при производстве судебных пожарно-технических экспертиз. Рассматриваются вопросы допустимости, степени точности и области применения методик (методов), а также использования вероятностных результатов расчета при производстве судебных экспертиз. Для устранения сомнений и разрешения споров в части использования типовых исходных данных и правильности выбора математических моделей предлагается провести расширенное сравнительное исследование по различным пожарам с учетом анализа достоверных данных, полученных в ходе расследования по делам о пожарах. Обсуждаются вопросы валидации методики определения опасных факторов пожара и расчета вероятности эвакуации людей в рамках судебной пожарно-технической экспертизы.

Ключевые слова: пожарно-техническая экспертиза; экспертиза; расследование пожаров; моделирование пожара; методика судебной экспертизы; пожарная безопасность; пожар; правоприменение вероятностных подходов в судопроизводстве; достоверность; допустимость; валидация методики.

Для цитирования: Карпов С. Ю., Шишанова С. С. Особенности применения методов математического моделирования в судебной пожарно-технической экспертизе при исследовании динамики опасных фак-

---

© Карпов С. Ю., Шишанова С. С., 2022

* Карпов Сергей Юрьевич, старший научный сотрудник ОКП НИОКР ФГБУ ВНИИПО МЧС РОССИИ «Всероссийский ордена “Знак Почета” научно-исследовательский институт противопожарной обороны» мкр. ВНИИПО, д. 12, г. Балашиха, Московская область, Россия, 143954
kafedrandagps@mail.ru

** Шишанова Светлана Сергеевна, начальник нормативно-технического отделения Управления надзорной деятельности и профилактической работы ГУ МЧС России по Сахалинской области
ул. Ленина, д. 129, г. Южно-Сахалинск, Россия, 693000
svetik__112@mail.ru

торов пожара // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 7. — С. 121–135. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.121-135.

Peculiarities of Application of Mathematical Modeling Methods in Forensic Fire and Technical Expertise in the Study of the Dynamics of Fire Hazards

Sergey Yu. Karpov, Senior Researcher, OKP R&D, FGBU VNIPO EMERCOM of Russia «All-Russian Research Institute for Fire Protection of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters»
mkr. VNIPO, d. 12, Balashikha, Moscow Region, Russia, 143954
kafedrandagps@mail.ru

Svetlana S. Shishanova, Head of the Division of the Regulatory and Technical Directorate for Supervisory Activities and Preventive Work, Main Directorate of the Ministry of Emergency Situations of Russia for the Sakhalin Region
ul. Lenina, 1d. 29, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia, 693000
svetik__112@mail.ru

Abstract. The paper deals with the issues of law enforcement of methods (techniques) of mathematical modeling within the framework of forensic fire technical examinations in the study of the dynamics of fire hazards. The normative documents in the field of technical regulation, containing calculation methods and techniques, and their application in modern conditions in the framework of the production of forensic fire technical examinations are analyzed. The issue of admissibility, degree of accuracy and the scope of techniques (methods), as well as the use of probabilistic calculation results in the production of forensic examinations is considered. To eliminate doubts and controversial issues regarding the use of typical initial data and the correct choice of mathematical models, it is proposed to conduct an extended comparative study on various fires, taking into account the analysis of reliable data obtained during the investigation of fire cases. The paper discusses the issues of validation of the methodology for determining the dangerous factors of a fire and calculating the probability of evacuation of people within the framework of a forensic fire-technical examination.

Keywords: fire technical expertise; expertise; fire investigation; fire simulation; forensic examination methodology; fire safety; fire; law enforcement of probabilistic approaches in legal proceedings; authenticity; admissibility; method validation.

Cite as: Karpov SYu, Shishanova SS. Osobennosti primeneniya metodov matematicheskogo modelirovaniya v sudebnoy pozharно-tekhnicheskoy ekspertize pri issledovanii dinamiki opasnykh faktorov pozhara [Peculiarities of Application of Mathematical Modeling Methods in Forensic Fire and Technical Expertise in the Study of the Dynamics of Fire Hazards]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(7):121-135. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.121-135. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Все чаще при производстве пожарно-технических экспертиз (далее — ПТЭ) в качестве основного инструмента в исследовании по делам о пожарах применяется математическое моделирование. Это происходит как в ходе определения причинно-следственной связи нарушения

требований пожарной безопасности с наступившими последствиями, так и при исследовании вопросов, связанных с динамикой опасных факторов пожара. Результаты математического моделирования позволяют эксперту получить необходимую информацию о происходящих процессах (представление реальности) и поведении реального объекта во время пожара, с учетом

принятых в совокупности расчетных условий и последовательности их построения. Это приводит к повышению качества заключения эксперта и обоснованности его выводов. Поэтому многие специалисты и ученые уделяют особое внимание принципиальным вопросам, касающимся допустимости и области применения математического моделирования и расчетных методик в рамках производства судебных экспертиз¹.

В применяемых расчетных методиках по определению пожарных рисков, а также определению опасных факторов пожара (далее — ОФП) заложен вероятностный подход, соответственно, полученные при расчете результаты будут носить характер прогноза. При этом во многих случаях результаты расчета воспринимаются как неоспоримые доказательства, а на их основе делаются выводы в категоричной форме. В отсутствие достоверных данных об обстоятельствах пожара такой подход может привести к искажению информации и ошибочным выводам. К тому же стоит отметить, что часто при моделировании опускают многие важные детали, которые с учетом реальных условий (обстановки) могут влиять на развитие пожара во времени и пространстве. В то же время в условиях неопределенности или при отсутствии достаточной информации о пожаре (как правило, в отсутствие признаков и следов места возникновения горения), показаний очевидцев, других данных результаты моделирования пожара могут дать дополнительную информацию для выдвижения и отработки различных версий при заданных условиях и являться единственным инструментом исследования. Это позволяет экспертам спрогнозировать возможные ситуации на пожаре (условия, обстоятельства, развитие пожара и т.д.). При выполнении любой судебной экспертизы перед экспертом стоит вопрос о выборе способа и метода исследования, а также допустимости использования выбранной (применяемой) методики. Применение суще-

ствующих методик по определению расчетных величин пожарного риска в сфере судебных экспертиз, в том числе детерминированным подходом, имеет в среде ученых и специалистов как сторонников, так и противников. В данной статье предпринята попытка разобраться в этой проблеме как с правовой позиции, так и с технической точки зрения.

Исследование

Судебная пожарно-техническая экспертиза назначается в рамках судопроизводства, когда необходимо применить специальные знания в науке, технике, искусстве или ремесле, то есть когда они не являются общеизвестными или доступными, а приобретаются экспертом в процессе специального обучения или практической работы. В исследованиях эксперт опирается на свои специальные знания, которые объективно могут характеризовать область научных и практических знаний исходя из существующих норм, методик или иной информации, содержащейся в легитимных документах. При этом формулирование экспертом выводов по поставленным вопросам происходит по его внутренней убежденности в истинности, которая может являться субъективной. Это говорит о том, что проведение судебной ПТЭ в широком смысле не связано с установлением новых взаимосвязей между явлениями и объектами реальности, обнаруживающихся в процессах изменения и развития пожара, которые можно отнести к области новых знаний в науке. Поэтому значительную роль при организации и производстве судебных экспертиз играет методическая работа и внедрение качественных и надежных экспертных методик (методов). В рамках судебной ПТЭ круг задач может быть разнообразным, но при этом поставленные перед экспертом вопросы должны находиться в пределах предмета назна-

¹ *Зернов С. И.* Расчетные оценки при решении задач пожарно-технической экспертизы : учеб. пособие. М. : ЭКЦ МВД России, 1992 ; *Таубкин И. С.* О повышении качества судебных пожарно-технических экспертиз // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Т. 14. № 4. С. 98–116 ; *Novozhilov V.* Mathematical Modelling in Fire Science: Current Role and Perspective : Workshop Report / Workshop Coordinator Department of Mechanical and Aeronautical Engineering, The University of Sydney, NSW 2006. Australia.

чаемой судебной экспертизы. Это означает, что в классическом виде круг задач судебной ПТЭ в большинстве случаев диагностический и связан с анализом закономерностей и механизмов возникновения и развития пожара в реальных условиях на предмет вещной обстановки, с исследованием способствующих этому обстоятельству и наступивших последствий. Основные задачи ПТЭ могут включать в себя:

- определение очага, распространения, продолжительности и температуры пожара;
- установление технической причины пожара, загорания;
- определение температуры и следов нагрева предметов, материалов, веществ;
- обнаружение признаков аварийных пожароопасных режимов работы оборудования;
- выявление следов веществ и выяснение пожарно-технических характеристик веществ, материалов, смесей;
- выявление нарушений правил технического устройства, технической эксплуатации и пожарной безопасности, а также связи выявленных нарушений с возникновением и развитием пожара.

Таким образом, можно сказать, что основной круг вопросов судебной ПТЭ лежит в области задач **диагностического** и **идентификационного** характера, решаемых при исследовании². Под идентификационными понимаются задачи, направленные на выявление тождества веществ, изделий, групповой принадлежности, а также установление целого исходного изделия (вещества) по его частям, например вида и модели по частям различных приборов и аппаратов, которые могут иметь связь с обстоятельствами возникновения пожара.

В последнее время круг задач ПТЭ расширяется, всё чаще в ходе экспертиз при определении причинно-следственной связи нарушения требований пожарной безопасности с наступившими последствиями применяется математическое моделирование. В рамках ПТЭ рассматриваются и вопросы, относящиеся к тактике тушения пожара, соответствию объекта требованиям пожарной безопасности и т.п. Это говорит о том, что перед экспертом нередко ставятся задачи, касающиеся выполнения экспертиз несуществующих видов (в классической классификации) и не имеющих достаточно четкой научной основы. В научных кругах вопросы, связанные с изменениями (дополнениями) задач и предмета ПТЭ, носят дискуссионный характер, но при этом классический подход при назначении и производстве рассматривается как основной³. Так, например, согласно методологии судебной ПТЭ⁴, предметом ПТЭ являются обстоятельства, характеризующие и определяющие процесс возникновения, развития пожара, а также наступления его последствий.

Применение математического моделирования в рамках ПТЭ традиционно используется в первую очередь для изучения процессов развития пожара во времени и пространстве, где исходные данные, как правило, известны. Например, при решении простых задач, таких как расчет теплового излучения, конвективного прогрева помещения и т.п. В более сложных задачах и при отсутствии достоверных исходных данных применяются иные подходы и методики, например содержащиеся в ГОСТ 12.1.004, ГОСТ Р 12.3.047. Применение математического моделирования при исследовании

² *Зернов С. И.* Задачи пожарно-технической экспертизы и методы их решения : учеб. пособие. М. : ЭКЦ МВД России, 2001 ; *Чешко И. Д.* Экспертиза пожаров (объекты, методы, методики исследования) / под науч. ред. канд. юрид. наук Н. А. Андреева. 2-е изд., стер. СПб. : СПБИБП МВД России, 1997 ; *Drysdale D.* An introduction to fire dynamics. 3rd ed. Hoboken, N. J. : Wiley, 2011. P. 1–551.

³ *Хасанов И. Р., Лобова С. Ф., Петрова Н. В., Теплякова Т. Д.* Моделирование динамики пожара при производстве судебных нормативных пожарно-технических экспертиз // Пожарная безопасность. 2020. № 2 (99). С. 47–54 ; *Шеков А. А., Кузнецов К. Л., Зырянов В. С.* О видах пожарно-технической экспертизы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 1 (80). С. 65–71.

⁴ Методология судебной пожарно-технической экспертизы: основные принципы. М. : ФГБУ ВНИИПО МЧС России, 2013.

пожаров или нарушении требований пожарной безопасности осуществляется преимущественно через систему дифференциальных уравнений, описывающих определенный процесс. Поэтому в отношении более сложных (глобальных) задач методикой учитывается множество исходных данных, которые в большинстве случаев при расчете принимаются как типовые (здание I–II степени огнестойкости, «мебель + бытовые изделия», «дерево + лакированное покрытие, бумага, древесина» и т.п.)⁵ или носят условный характер (наличие или отсутствие системы противопожарной защиты и т.п.)⁶. Например, при расчете пожарного риска принимается наличие систем противопожарной защиты без учета их типа и технического состояния, не учитывается характер распределения пожарной нагрузки, принимается типовая пожарная нагрузка, что впоследствии делает неопределенным результат расчета. Применение такого рода расчетов и математического моделирования характерно для проектирования, когда почти ничего не известно (кроме конструктивных и объемно-планировочных решений — архитектуры), а пожарная нагрузка применяется условная, или типовая. При этом стоит отметить, что оценка пожарного риска выполняется по людям, без учета повреждения имущества, которое как раз исследуется как основной элемент в классической ПТЭ при рассмотрении процесса возникновения и развития пожара. На практике основной объем работы экспертов, например в судебно-экспертных учреждениях МЧС России, связан с «классическими» пожарами; перед экспертом ставятся вопросы об определении очага пожара и его причины (по статистике⁷, случаи гибели людей или получения травм на пожарах составляют не более 4 % от общего количества пожаров и загораний).

Сложные задачи при производстве экспертиз (где множество исходных данных и большой объем расчетов) решаются путем использования программных продуктов, многие из которых применяются экспертами (даже если зарегистрированы и имеют добровольную сертификацию) без оценки их точности, области применения, требований по исходным данным. Впоследствии это может существенно повлиять на точность результатов и достоверность выводов. В среде экспертов и специалистов часто возникают спорные мнения о применении математического моделирования и существующих методик по расчету пожарного риска и расчету эвакуации людей в рамках судебных ПТЭ, которые порождают, например, такие вопросы:

1. Как быть, если при расчете пожарного риска получается, что риск не превысил нормативных значений, установленных в соответствии с Федеральным законом от 22.07.2008 № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности»⁸ (далее — Закон № 123-ФЗ), а люди при пожаре погибли? Кто виноват?
2. Как быть, если при расчете эвакуации людей из здания было доказано, что люди эвакуируются в безопасное место до наступления (воздействия) ОФП, а при пожаре люди погибли или получили травмы? Кто виноват?
3. Каким образом по делам о пожарах (в конкретной ПТЭ) применять вероятностные методы, например метод определения вероятности возникновения пожара (взрыва) на пожаровзрывоопасном объекте?

Анализ существующих методик, позволяющих с помощью математического моделирования спрогнозировать динамику распространения опасных факторов пожара, показывает, что на сегодняшний день существует несколь-

⁵ Справочник пожарной нагрузки // URL: <http://vniipo-help.ru/data/uploads/sitis-spn-1-pozharnaya-nagruzka-spravochnik-redakciya-3.pdf> (дата обращения: 10.11.2021).

⁶ Walton W. D., Carpenter D. J., Wood C. B. Zone Computer Fire Models for Enclosures // SFPE Handbook of Fire Protection Engineering. New York, NY: Springer New York, 2016. P. 1024–1033.

⁷ Статистика ВНИИПО МЧС России // URL: <http://vniipo.ru/institut/informatsionnye-sistemy-reestry-bazy-i-banki-danny/federalnyy-bank-dannykh-pozhary> (дата обращения: 10.11.2021).

⁸ СПС «КонсультантПлюс».

ко методик⁹. Это методики, представленные в таких нормативных документах, как приказ МЧС РФ от 30.06.2009 № 382 «Об утверждении методики определения расчетных величин пожарного риска в зданиях, сооружениях и строениях различных классов функциональной пожарной опасности»¹⁰ (далее — Приказ № 382), приказ МЧС РФ от 10.07.2009 № 404 «Об утверждении методики определения расчетных величин пожарного риска на производственных объектах»¹¹ (далее — Приказ № 404), ГОСТ 12.1.004-91 «Межгосударственный стандарт. Система стандартов безопасности труда. Пожарная безопасность. Общие требования»¹², ГОСТ Р 12.3.0047-2012 «Система стандартов безопасности труда. Пожарная безопасность технологических процессов. Общие требования. Методы контроля»¹³.

В первую очередь стоит проанализировать каждый нормативный документ на область его применения, то есть в каких случаях применяются нормативные документы и, соответственно, методики, которые представлены в них. Так, например, положения (методики), изложенные в Приказе № 382, распространяются на здания класса функциональной пожарной опасности в соответствии с определенным в приказе перечнем. Расчеты по оценке пожарного риска проводятся путем сопоставления расчетных величин пожарного риска с нормативным зна-

чением пожарного риска, установленным Законом № 123-ФЗ¹⁴. Таким образом, с помощью полученных значений пожарного риска, рассчитанных по методике, реализуется механизм подтверждения (не подтверждения нормативного значения) требований Закона № 123-ФЗ, возможность выбора концепции противопожарной защиты объекта с учетом соответствия (расчета) объекта нормативному пожарному риску. Приказ № 382 был принят в соответствии с Федеральным законом от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании»¹⁵ (далее — Закон № 184-ФЗ) и постановлением Правительства РФ от 31.03.2009 № 272 «О порядке проведения расчетов по оценке пожарного риска»¹⁶. Это говорит о том, что положения приказа ориентированы на сферу технического регулирования в соответствии с общими целями и задачами вышеперечисленных федеральных законов.

Рассматривая цели и сферу применения Закона № 123-ФЗ, мы приходим к выводу, что технический регламент принимается в целях защиты жизни, здоровья, имущества граждан и юридических лиц, государственного и муниципального имущества от пожаров, определяет основные положения технического регулирования в области пожарной безопасности и устанавливает общие требования пожарной безопасности к объектам защиты (продукции),

⁹ Анализ математических моделей развития опасных факторов пожара в системе зданий и сооружений / А. С. Ярош, А. Н. Кроль, В. В. Романова [и др.] // Вестник Научного центра по безопасности работ в угольной промышленности. 2019. № 1. С. 50–56.

¹⁰ СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ СПС «КонсультантПлюс».

¹² URL: <https://docs.cntd.ru/document/9051953>.

¹³ URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200103505>.

¹⁴ Статьями 79, 93 Закона № 123 предусмотрено, что индивидуальный пожарный риск в зданиях и сооружениях не должен превышать значение 10^{-6} в год при размещении отдельного человека в наиболее удаленной от выхода из здания и сооружения точке. Риск гибели людей в результате воздействия ОФП должен определяться с учетом функционирования систем обеспечения пожарной безопасности зданий и сооружений. Для производственных объектов допускается 10^{-4} при условии принятия мер по обучению персонала действиям при пожаре и мер по социальной защите работников, компенсирующих их работу в условиях повышенного риска, или 10^{-8} — для людей, находящихся в жилой зоне, общественно-деловой зоне или зоне рекреационного назначения вблизи объекта, или 10^{-7} .

¹⁵ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ СПС «КонсультантПлюс».

в том числе к зданиям и сооружениям, производственным объектам, пожарно-технической продукции и продукции общего назначения. Положения Закона № 123-ФЗ обязательны для исполнения при проектировании, разработке технических регламентов и технической документации на объекты защиты с областью ограничения, например объекты специального назначения¹⁷. При анализе сферы применения Закона № 184-ФЗ мы видим, что требования закона регулируют отношения при разработке, принятии, применении и исполнении обязательных требований к продукции, в том числе зданиям и сооружениям, к продукции и связанным с требованиями к продукции процессам проектирования, производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, в том числе на добровольной основе, а также к оценке соответствия. Кроме этого, закон определяет права и обязанности участников регулируемых отношений. Действие закона не распространяется на социально-экономические, организационные, санитарно-гигиенические, лечебно-профилактические, реабилитационные меры в области охраны труда, федеральные государственные образовательные стандарты, положения (стандарты) о бухгалтерском учете и правила (стандарты) аудиторской деятельности, стандарты эмиссии ценных бумаг и проспектов эмиссии ценных бумаг, стандарты оценочной деятельности, стандарты распространения, предоставления или раскрытия информации, минимальные социальные стандарты, стандарты предоставления государственных и муниципальных услуг, профессиональные стандарты, стандарты социальных услуг в сфере социального обслуживания, стандарты медицинской помощи с учетом имеющихся ограничений. Область применения Закона № 184-ФЗ, так же как и Закона № 123-ФЗ, имеет ограничения в регулировании отношений для объектов специального назначения, например объектов атомной энергетики¹⁸.

Аналогичный подход и область применения предусмотрены в Приказе № 404, только с учетом специфики определения расчетных величин пожарного риска на производственных объектах. Стоит отметить, что важным элементом в расчете пожарного риска является расчет, связанный с определением вероятности эвакуации людей из здания, с учетом наступления критических значений одного из опасных факторов пожара. При производстве расчетов пожарных рисков учитываются наихудшие варианты развития пожара (технологического взрыва). Поэтому специалисту-расчетчику необходимо проанализировать множество различных вариантов развития пожара, чтобы доказать, что выбранный им вариант будет наихудшим, а также выбрать метод «Модель» (интегральная, зонная, полевая (дифференциальная)), который будет соответствовать требованиям относительно рассматриваемого объекта. И все равно, принимая во внимание отсутствие достоверных данных о свойствах и количестве пожарной нагрузки, а также условиях возникновения пожара, можно заключить, что результаты расчета будут говорить о предположении с учетом выбранных сценариев и исходных данных. Выбор сопряжен с большой долей вероятности, так как это всего лишь предположения о возможном развитии пожара, возможном воздействии ОФП на человека и т.д. В действительности же развитие пожара может происходить по иному варианту, с наличием множества неучтенных событий или незапланированных условий. Поэтому полученные при расчете результаты имеют вероятностные значения. При этом методикой допускается применение детерминированных критериев при невозможности применения вероятностных. Интересным может показаться для экспертов то, что, кроме понятия «вероятность», в терминологии методики Приказа № 404 появляется и словосочетание «условная вероятность» (в случае использования детерминированных критериев условная вероятность поражения принимается равной 1)¹⁹.

¹⁷ Ст. 1 «Цели и сфера применения технического регламента» Закона № 123-ФЗ.

¹⁸ Статья 1 Закона № 184-ФЗ.

¹⁹ П. 19–21 и приложение № 4 Приказа № 404.

Рассматривая область применения ГОСТ 12.1.004-91, можно констатировать следующее: стандарт устанавливает общие требования пожарной безопасности к объектам защиты различного назначения на каждой стадии их жизненного цикла: исследование, разработка нормативных документов, конструирование, проектирование, изготовление, строительство, выполнение услуг (работ), испытание, закупка продукции по импорту, продажа продукции (в том числе на экспорт), хранение, транспортирование, установка, монтаж, наладка, техническое обслуживание, ремонт (реконструкция), эксплуатация (применение) и утилизация. Для объектов, не соответствующих действующим нормам, стандарт устанавливает требования к разработке проектов компенсирующих средств и систем обеспечения пожарной безопасности на этапах строительства, реконструкции и эксплуатации объектов. Требуемый уровень обеспечения пожарной безопасности людей с помощью указанных систем должен быть не менее 0,999999 предотвращения воздействия опасных факторов в год в расчете на каждого человека, а допустимый уровень пожарной опасности для людей должен быть не более 10^{-6} воздействия опасных факторов пожара, превышающих предельно допустимые значения в год в расчете на каждого человека. В отличие от Приказа № 382 и Приказа № 404, ГОСТ 12.1.004-91 был разработан до принятия Закона № 184-ФЗ и Закона № 123-ФЗ. Отличием является и то, что в ГОСТе представлено несколько методов, в частности, метод определения уровня обеспечения пожарной безопасности людей, метод определения вероятности возникновения пожара (взрыва) в пожароопасном объекте, метод экспериментального определения вероятности возникновения пожара в (от) электрических изделиях. Это означает, что в ГОСТе изложено несколько различных по задачам методик.

Анализ ГОСТ Р 12.3.047-2012 показал, что область его применения устанавливает общие требования пожарной безопасности к технологическим процессам различного назначения при их проектировании, строительстве, реконструкции, вводе в эксплуатацию, эксплуатации и прекращении эксплуатации, капитальном ремонте,

консервации, утилизации, а также при разработке и изменении нормативных документов по пожарной безопасности на объектах защиты и при разработке и изменении технологических частей проектов и технологических регламентов. ГОСТ Р 12.3.047-2012 не распространяется на опасные предприятия, например космические и стартовые комплексы.

По итогам анализа рассмотренных выше нормативных документов можно сделать следующий вывод. Моделирование пожара и определение влияния динамики ОПФ на людей и окружающую среду необходимы для прогнозирования возможных ситуаций на объектах с целью анализа пожарной опасности и выстраивания необходимых мер пожарной безопасности в соответствии с действующим законодательством (Закон № 123-ФЗ, Закон № 184-ФЗ). То есть основная задача связана с областью технического регулирования, в частности с положениями Закона № 123-ФЗ на этапе проектирования, строительства и эксплуатации. В рамках представленных в Приказах № 382 и № 404 методик рассчитываются пожарные риски с учетом множества факторов, касающихся параметров объекта и горючей нагрузки. На основе полученных результатов по моделированию эвакуации людей определяются риски воздействия ОПФ (при заданных в расчетах параметрах) на людей. Впоследствии осуществляется сопоставление полученных результатов с нормативными значениями пожарных рисков и выбор концепции защиты конкретного объекта, а также обоснование требований к эффективности систем обеспечения пожарной безопасности при эвакуации людей.

Отдельно стоит отметить область применения ГОСТ 12.1.004-91. Во-первых, в отличие от приказов МЧС РФ, документ имеет статус межгосударственного стандарта в системе стандартов безопасности труда по направлению пожарной безопасности. Область его применения — объекты различного назначения на всех стадиях жизненного цикла. При этом ни в одном документе нет упоминания об области применения методик (методов) (содержащихся в приказах, ГОСТах) для использования их в рамках судебных экспертиз, например при

производстве пожарно-технической экспертизы по определению очага пожара или вероятности возникновения пожара от объектов электротехнического назначения.

Регулирование вопросов производства судебных экспертиз находится в области требования Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»²⁰. С учетом особенностей расследования требования включены в кодексы, определяющие порядок и особенности процедуры назначения и производства экспертиз по уголовным, административным и гражданским делам. Положения названного Закона № 73-ФЗ в контексте применения экспертных методик подразумевают, что методы (методики) должны быть законными, объективными, научно обоснованными и апробированными на практике, а также давать возможность проверить обоснованность и достоверность выводов, сделанных на основе общепринятых научных и практических данных, с учетом обеспечения требований о единстве измерений (Федеральный закон от 26.06.2008 № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений»²¹). То есть методика, используемая в рамках судебных экспертиз, должна иметь очень большую степень надежности, чтобы впоследствии можно было утвердительно сослаться на результаты (доказательства), например на результаты расчетов на основе математического моделирования при вынесении процессуального решения. Надежность методики — очень серьезный вопрос, так как полученные результаты могут кардинально изменить судьбу человека или решение по делу. Под законностью экспертной методики многие ученые и специалисты, основываясь на действующих нормах и требованиях, понимают следующее: методика

должна отвечать принципам законности, быть научно обоснованной, эффективной, сертифицированной (аттестация методик (методов)), утвержденной и иметь статус стандарта с учетом современных достижений в науке и технике²². При этом не подлежат стандартизации и подтверждению общеизвестные законы науки, например закон Ньютона. Множество спорных вопросов о законности и порядке применения методик определяет существующая действительность в организации научной и методической деятельности профильных учреждений и структур. Это связано и с отсутствием достаточного финансирования на научно-исследовательские работы, и с общей нагрузкой экспертов и специалистов государственных судебно-экспертных учреждений. Для корректировки старой или разработки новой экспертной методики, например в области ПТЭ, нужны высококлассные специалисты (эксперты) с фундаментальными научными знаниями и большим практическим опытом, а также государственная поддержка в финансировании исследований (испытаний) и время, которое может исчисляться годами. На практике многие эксперты в рамках производства судебных экспертиз (при отсутствии стандартизированных методик) применяют различные методики (методы) из методических пособий, диссертаций, иных публикаций ученых и специалистов. В связи с этим возникает вопрос: можно ли считать такие методики легитимными в отсутствие государственных стандартов? Соответствующий вопрос возникает и в отношении методик, утвержденных ведомственными приказами: можно ли считать их апробированными и общепринятыми? Если рассматривать данные вопросы с точки зрения логики и в юридической плоскости, то можно сказать, что расчетные методики, не прошедшие соответствующую

²⁰ СПС «КонсультантПлюс».

²¹ СПС «КонсультантПлюс».

²² Майлис Н. П., Моисеева Т. Ф. Стандартизация судебно-экспертной деятельности — необходимый аспект ее развития // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2. С. 219–224; Перепечина И. О. Валидация судебно-экспертных методик как важный инструмент для обеспечения достоверности судебных доказательств // Закон и право. 2016. № 2. С. 131–133; Проткин А. А., Коляманов Р. А. Требования, предъявляемые к методам судебной экспертизы // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 3. С. 206–208.

процедуру подтверждения эффективности и не имеющие статуса нормативного документа, не могут быть использованы в рамках судебных экспертиз, а при использовании полученные выводы (в расчетах, в заключении) не могут быть приняты в категорической форме ответа. Тем не менее методики, утвержденные определенными ведомствами, являются легитимными для применения сотрудниками этого ведомства.

Актуальность для обсуждения в среде специалистов и экспертов сохраняет еще множество вопросов, например о применении расчетных методик, в результате которых предполагаются вероятностные значения с учетом специфики применяемого метода в качестве доказательства по делу²³. В данном случае необходимо четко понимать, в каких ситуациях это допустимо, а в каких нет. Если, например, существующие методики, изложенные в Приказах № 382, № 404, ГОСТ 12.1.004-91, ГОСТ Р 12.3.047-2012, применяются по делам о пожарной безопасности (до пожара) в рамках административных, гражданских или уголовных дел, с целью выяснения соответствия объекта требованиям пожарной безопасности, то это формально допустимо, учитывая тот факт, что данные методики и разрабатывались для применения на стадии проектирования, монтажа и эксплуатации объекта. Можно утверждать, что

данный подход применим также к делам о пожарах, когда перед экспертом ставится вопрос о соответствии объекта защиты требованиям пожарной безопасности, где необходим расчет, подтверждающий значения пожарного риска в совокупности с выполненными (невыполненными) требованиями пожарной безопасности. При этом нужно учитывать, что результаты (доказательства), получаемые с применением методик в рамках ПТЭ, должны рассматриваться через призму требований, предъявляемых к доказательствам, например в рамках уголовного процесса, через правила оценки доказательств, которые предусматривают оценку полученных результатов на основе математического моделирования с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и в совокупности достаточности для разрешения по делу.

Рассматривая существующие методы с точки зрения технической составляющей, стоит обратить внимание на некоторые вопросы, связанные непосредственно с методикой и выбором исходных данных для расчета. Многие ученые высказываются о несовершенстве существующих методик по определению динамики распространения пожара, а также ОФП и наличии в них ошибок, противоречий или неверного представления тех или иных параметров (процессов)²⁴. По большей части упрощенные методы

²³ Нефедов С. Н., Гадышев А. В. Показатели достоверности методик судебной экспертизы и их использование в судебно-экспертной деятельности // Судебная экспертиза. Научные публикации. 2013. № 1 (33). С. 121–129; Усов А. И., Градусова О. Б., Кузьмин С. А. Использование вероятностно-статистических методов при оценке значимости результатов экспертного исследования в отечественной и зарубежной судебно-экспертной практике (сравнительный анализ) // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Т. 13. № 4. С. 6–15.

²⁴ Оценка на основе экспериментальных данных адекватности интегральной модели пожара в условиях работы системы противодымной защиты / А. С. Дмитриченко, В. Н. Рафальский, В. А. Осяев [и др.] // Пожарная безопасность. 2015. № 2. С. 75–82; Мурзинов В. Л., Паршина А. П., Паршин М. В. Обзор последних научных работ в области прогнозирования опасных факторов пожара // Комплексная безопасность. 2017. № 1. С. 43–50; Пузач С. В. Сравнительный анализ интегрального и полевого методов расчета тепло-массообмена при пожаре в помещениях // Инженерно-физический журнал. 2006. № 2. С. 99–108; Сумников И. В., Шепелев И. А., Колодяжный С. А., Однолько А. А. Анализ математических моделей пожара, применяемых для расчета времени блокирования путей эвакуации опасными факторами пожара // Научный журнал. Инженерные системы и сооружения. 2012. № 1 (6). С. 81–87; Основные ошибки при проведении расчетов пожарного риска для объектов общественного назначения / Д. В. Ушаков, А. А. Абашкин, А. В. Карпов [и др.] // Горение и проблемы тушения пожаров: тезисы докладов XXIX Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию ФГБУ ВНИИПО МЧС России: в 2 ч. М.: ВНИИПО, 2017. Ч. 2. С. 391–395.

расчета в нормативных документах не отражают реальную термогазодинамическую картину пожара. Это говорит о том, что необходимо установить область корректного применения методик с учетом используемых в них моделей, таких как интегральная, зонная или полевая. В рассматриваемых методиках, например в методиках ГОСТ, учитывается начальная стадия пожара, поэтому перед экспертом встает логичный вопрос о возможности использования данных методик на всех возможных стадиях пожара. Так, в рамках пожарно-технической экспертизы по полностью уничтоженному пожаром объекту может встать вопрос о выборе методики и, соответственно, об адекватности и объективности результатов. Еще одна актуальная проблема связана с выбором и применением различных программных продуктов по расчету динамики распространения пожара и ОФП, которые представлены на российском рынке и используются на практике. Экспериментально доказано, что расчеты, проведенные с одними и теми же исходными данными с помощью различных программных продуктов («Эватек», «Фогард», Fenix+, «Сигма ПБ», «Урбан», PathFinder), дают разные результаты²⁵. Это говорит о том, что эксперту при выборе программного продукта нужно уделить внимание вопросам его надежности и соответствия методике. Проблема применения и надежности программных продуктов в судебно-экспертной практике очень серьезная и требует дополнительного изучения с последующим утверждением допустимых к использованию расчетных программ. Во многих случаях выбор и проверка расчетных программ для эксперта — задача непосильная из-за отсутствия специальных знаний в области программирования и в компьютерной технике. Поэтому эксперту необходимо предоставить для работы уже проверенные и утвержденные расчетные программные продукты, определив область их применения. Цена ошибки в выборе программного продукта при производстве судебной экспертизы может быть высока как в плане возможных последствий от

неправильных расчетов, так и для самого эксперта при оценке его действий и компетентности.

Наиболее важным вопросом при использовании приведенных выше расчетных методик является выбор исходных данных. Перед экспертом встает довольно сложная, а во многих случаях просто невыполнимая задача — установить после пожара точное количество горючей нагрузки и ее тип (характеристику). А если объект уничтожен полностью и отсутствует достоверная информация об объемно-планировочных решениях, у эксперта возникает еще вопрос об исходных данных, связанных с геометрическими параметрами объекта. Отсутствие объективной информации о типе и количестве горючей нагрузки в совокупности с неточными геометрическими параметрами объекта заставляет эксперта использовать при расчете условия, которые применяются с учетом его собственного внутреннего убеждения и косвенных данных об объекте пожара. Еще один из спорных вопросов при применении расчетных методик в рамках ПТЭ — использование показателей типовых пожарных нагрузок, которые во многих случаях не соответствуют обстоятельствам происшествия и свойствам горючих веществ (материалов) по реальному пожару. Все это в совокупности влияет на результаты расчетов.

При исследовании динамики опасных факторов пожара эксперт должен в первую очередь проанализировать, а по возможности, исследовать на месте пожара следовую картину, влияние и признаки термического воздействия на строительные материалы (конструкции), вещественные доказательства. Анализ вещной обстановки и сопоставление признаков направленности горения, а также оценка характера термических повреждений в зависимости от свойств веществ и материалов в совокупности с показаниями очевидцев позволит эксперту выдвинуть несколько предположений о динамике распространения пожара. По многим сложным

²⁵ См.: Холшевников В. В., Самошин Д. А., Истратов Р. Н., Скуратовская М. М. К вопросу о точности моделей индивидуально-поточного движения // Ройтмановские чтения : сборник материалов VII Научно-практической конференции (Москва, 28 февраля 2019 г.). М., 2019. С. 30–34.

пожарам необходимо, наряду с полевыми инструментальными методами, для обоснования предположений исследовать вещественные доказательства в лабораторных условиях. Применение математического моделирования пожара даст наибольший эффект при производстве ПТЭ только в сочетании с изучением вещественных доказательств на месте пожара, результатов анализа и исследования признаков, связанных с термическим воздействием ОФП на вещества и материалы.

Выводы

1. Существующие расчетные методики в рамках исследования динамики опасных факторов пожара имеют много спорных вопросов, которые могут привести к значительным погрешностям при расчете, а вероятностные значения, полученные при расчете, не могут служить основанием для вывода в категоричной форме в заключении ПТЭ. Поэтому такие методики не могут играть превалирующую роль в системе методов ПТЭ.

2. Применение таких методик по делам о пожарах (в рамках ПТЭ) возможно в качестве вспомогательного инструмента и только в совокупности с другими доказательствами, при условии сохранения в качестве основной традиционной методологии ПТЭ, основывающейся на использовании прежде всего результатов осмотра места происшествия, в которых будут зафиксированы признаки динамики распространения пожара, и показаний очевидцев, позволяющих дополнить картину материальных следов.

3. Существующие методики разрабатывались для использования на стадии проектирования, строительства, эксплуатации как элемент прогноза риска с учетом применения

мер пожарной безопасности, отраженных в нормативных документах и нормативных правовых актах в области пожарной безопасности. Соответственно, применение методик в ходе проведения судебных экспертиз может быть актуальным, если круг вопросов затрагивает область технического регулирования в связи с нарушением требований пожарной безопасности на стадии проектирования, строительства, эксплуатации. Например, в рамках экспертной специализации ПТЭ — анализ нарушений нормативных требований в области пожарной безопасности, прогнозирование и экспертное исследование их последствий.

4. Применение рассматриваемых методик для исследования динамики опасных факторов пожара (по делам о пожарах), например для определения очага пожара или динамики распространения пожара без отсутствия достаточных данных о свойствах и количестве горючей нагрузки, может привести к большим погрешностям в расчетах и, как следствие, к необоснованным выводам.

5. Для внедрения в практику рассмотренных методик ПТЭ необходимы дополнительные исследования и их апробация (в том числе с учетом подтверждения результатов натурными испытаниями), чтобы однозначно утверждать о допустимости их применения по делам о пожарах.

6. Чтобы устранить сомнения по некоторым вопросам, связанным с методикой расчета эвакуации людей при пожаре, необходимо провести расширенное исследование по различным пожарам, то есть изучить реальные пожары на всех стадиях (возникновение, распространение и тушение), а также произвести детальное обследование и анализ обстоятельств (на основе объективных данных, собранных при расследовании) с целью проверки расчетных значений времени наступления ОФП и эвакуации людей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Анализ математических моделей развития опасных факторов пожара в системе зданий и сооружений / А. С. Ярош, А. Н. Кроль, В. В. Романова [и др.] // Вестник Научного центра по безопасности работ в угольной промышленности. — 2019. — № 1. — С. 50–56.
2. *Зернов С. И.* Расчетные оценки при решении задач пожарно-технической экспертизы : учеб. пособие. — М. : ЭКЦ МВД России, 1992. — 88 с.
3. *Зернов С. И.* Задачи пожарно-технической экспертизы и методы их решения : учеб. пособие. — М. : ЭКЦ МВД России, 2001. — 200 с.
4. *Майлис Н. П., Мусеева Т. Ф.* Стандартизация судебно-экспертной деятельности — необходимый аспект ее развития // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2018. — № 2. — С. 219–224.
5. *Мурзинов В. Л., Паршина А. П., Паршин М. В.* Обзор последних научных работ в области прогнозирования опасных факторов пожара // Комплексная безопасность. — 2017. — № 1. — С. 43–50.
6. *Нефедов С. Н., Гадышев А. В.* Показатели достоверности методик судебной экспертизы и их использование в судебно-экспертной деятельности // Судебная экспертиза. Научные публикации. — 2013. — № 1 (33). — С. 121–129.
7. Основные ошибки при проведении расчетов пожарного риска для объектов общественного назначения // Д. В. Ушаков, А. А. Абашкин, А. В. Карпов [и др.] // Горение и проблемы тушения пожаров : тезисы докладов XXIX Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию ФГБУ ВНИИПО МЧС России : в 2 ч. — М. : ВНИИПО, 2017. — Ч. 2. — С. 391–395.
8. Оценка на основе экспериментальных данных адекватности интегральной модели пожара в условиях работы системы противодымной защиты / А. С. Дмитриченко, В. Н. Рафальский, В. А. Осяев [и др.] // Пожарная безопасность. — 2015. — № 2. — С. 75–82.
9. *Перепечина И. О.* Валидация судебно-экспертных методик как важный инструмент для обеспечения достоверности судебных доказательств // Закон и право. — 2016. — № 2. — С. 131–133.
10. *Проткин А. А., Коляманов Р. А.* Требования, предъявляемые к методам судебной экспертизы // Вестник Московского университета МВД России. — 2012. — № 3. — С. 206–208.
11. *Пузач С. В.* Сравнительный анализ интегрального и полевого методов расчета тепломассообмена при пожаре в помещениях // Инженерно-физический журнал. — 2006. — № 2. — С. 99–108.
12. *Ситников И. В., Шепелев И. А., Колодяжный С. А., Однолько А. А.* Анализ математических моделей пожара, применяемых для расчета времени блокирования путей эвакуации опасными факторами пожара // Научный журнал. Инженерные системы и сооружения. — 2012. — № 1 (6). — С. 81–87.
13. *Смирнова С. А., Усов А. И.* Повышение научной обоснованности методического обеспечения судебной экспертизы — один из важных международных трендов // Теория и практика судебной экспертизы. — 2017. — Т. 12. — № 2. — С. 11–17.
14. *Таубкин И. С.* О повышении качества судебных пожарно-технических экспертиз // Теория и практика судебной экспертизы. — 2019. — Т. 14. — № 4. — С. 98–116.
15. *Хасанов И. Р., Лобова С. Ф., Петрова Н. В., Теплякова Т. Д.* Моделирование динамики пожара при производстве судебных нормативных пожарно-технических экспертиз // Пожарная безопасность. — 2020. — № 2 (99). — С. 47–54.
16. *Холшевников В. В., Самошин Д. А., Истратов Р. Н., Скуратовская М. М.* К вопросу о точности моделей индивидуально-поточного движения // Ройтмановские чтения : сборник материалов VII Научно-практической конференции. — М., 2019. — С. 30–34.
17. *Чешко И. Д.* Экспертиза пожаров (объекты, методы, методики исследования) / под науч. ред. канд. юрид. наук Н. А. Андреева. — 2-е изд., стер. — СПб. : СПБИБП МВД России, 1997. — 562 с.
18. *Шеков А. А., Кузнецов К. Л., Зырянов В. С.* О видах пожарно-технической экспертизы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2017. — № 1 (80). — С. 65–71.

19. *Drysdale D.* An introduction to fire dynamics. — 3rd ed. — Hoboken, N. J. : Wiley, 2011.
20. *Novozhilov V.* Mathematical Modelling in Fire Science: Current Role and Perspective : Workshop Report / Workshop Coordinator Department of Mechanical and Aeronautical Engineering, The University of Sydney. — NSW, Australia, 2006.
21. *Walton W. D., Carpenter D. J., Wood C. B.* Zone Computer Fire Models for Enclosures // SFPE Handbook of Fire Protection Engineering. — New York, NY : Springer New York, 2016. — P. 1024–1033. — DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4939-2565-0_31 (дата обращения: 10.11.2021).

Материал поступил в редакцию 1 ноября 2021 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Analiz matematicheskikh modelej razvitiya opasnykh faktorov pozhara v sisteme zdaniy i sooruzhenij / A. S. Yarosh, A. N. Krol, V. V. Romanova [i dr.] // Vestnik Nauchnogo centra po bezopasnosti rabot v ugolnoj promyshlennosti. — 2019. — № 1. — S. 50–56.
2. Zernov S. I. Raschetnye ocenki pri reshenii zadach pozharo-tekhnicheskoy ekspertizy: ucheb. posobie. — M.: EKC MVD Rossii, 1992. — 88 s.
3. Zernov S. I. Zadachi pozharo-tekhnicheskoy ekspertizy i metody ih resheniya: ucheb. posobie. — M.: EKC MVD Rossii, 2001. — 200 s.
4. Majlis N. P., Moiseeva T. F. Standartizatsiya sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti — neobhodimyy aspekt ee razvitiya // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. — 2018. — № 2. — S. 219–224.
5. Murzinov V. L., Parshina A. P., Parshin M. V. Obzor poslednih nauchnykh rabot v oblasti prognozirovaniya opasnykh faktorov pozhara // Kompleksnaya bezopasnost. — 2017. — № 1. — S. 43–50.
6. Nefedov S. N., Gadyshchev A. V. Pokazateli dostovernosti metodik sudebnoj ekspertizy i ih ispolzovanie v sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti // Sudebnaya ekspertiza. Nauchnye publikatsii. — 2013. — № 1 (33). — S. 121–129.
7. Osnovnye oshibki pri provedenii raschetov pozharnogo riska dlya obektov obshchestvennogo naznacheniya // D. V. Ushakov, A. A. Abashkin, A. V. Karpov [i dr.] // Gorenje i problemy tusheniya pozharov: tezisy dokladov XXIX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu FGBU VNIPO MChS Rossii: v 2 ch. — M.: VNIPO, 2017. — Ch. 2. — S. 391–395.
8. Ocenka na osnove eksperimentalnykh dannykh adekvatnosti integralnoy modeli pozhara v usloviyakh raboty sistemy protivodymnoy zashchity / A. S. Dmitrichenko, V. N. Rafalskiy, V. A. Osyayev [i dr.] // Pozharnaya bezopasnost. — 2015. — № 2. — S. 75–82.
9. Perepechina I. O. Validatsiya sudebno-ekspertnykh metodik kak vazhnyy instrument dlya obespecheniya dostovernosti sudebnykh dokazatel'stv // Zakon i pravo. — 2016. — № 2. — S. 131–133.
10. Protkin A. A., Kolyamanov R. A. Trebovaniya, predyavlyayemye k metodam sudebnoj ekspertizy // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2012. — № 3. — S. 206–208.
11. Puzach S. V. Sravnitel'nyy analiz integralnogo i polevogo metodov rascheta teplomassoobmena pri pozhare v pomeshcheniyah // Inzhenerno-fizicheskij zhurnal. — 2006. — № 2. — S. 99–108.
12. Sitnikov I. V., Shepelev I. A., Kolodyazhnyy S. A., Odnolko A. A. Analiz matematicheskikh modelej pozhara, primenyaemykh dlya rascheta vremeni blokirovaniya putej evakuatsii opasnymi faktorami pozhara // Nauchnyy zhurnal. Inzhenernyye sistemy i sooruzheniya. — 2012. — № 1 (6). — S. 81–87.
13. Smirnova S. A., Usov A. I. Povyshenie nauchnoy obosnovannosti metodicheskogo obespecheniya sudebnoj ekspertizy — odin iz vazhnykh mezhdunarodnykh trendov // Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy. — 2017. — T. 12. — № 2. — S. 11–17.

14. Taubkin I. S. O povyshenii kachestva sudebnykh pozharno-tekhnicheskikh ekspertiz // Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy. — 2019. — Т. 14. — № 4. — С. 98–116.
15. Hasanov I. R., Lobova S. F., Petrova N. V., Teplyakova T. D. Modelirovanie dinamiki pozhara pri proizvodstve sudebnykh normativnykh pozharno-tekhnicheskikh ekspertiz // Pozharnaya bezopasnost. — 2020. — № 1 (99). — С. 47–54.
16. Holshevnikov V. V., Samoshin D. A., Istratov R. N., Skuratovskaya M. M. K voprosu o tochnosti modelej individualno-potochnogo dvizheniya // Rojtmánovskie chteniya: sbornik materialov VII Nauchno-prakticheskoy konferencii. — М., 2019. — С. 30–34.
17. Cheshko I. D. Ekspertiza pozharov (obekty, metody, metodiki issledovaniya) / pod nauch. red. kand. yurid. nauk N. A. Andreeva. — 2-e izd., ster. — SPb.: SPbIPB MVD Rossii, 1997. — 562 s.
18. Shekov A. A., Kuznecov K. L., Zyryanov V. S. O vidah pozharno-tekhnicheskoy ekspertizy // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. — 2017. — № 1 (80). — С. 65–71.
19. Drysdale D. An introduction to fire dynamics. — 3rd ed. — Hoboken, N. J.: Wiley, 2011.
20. Novozhilov V. Mathematical Modelling in Fire Science: Current Role and Perspective: Workshop Report / Workshop Coordinator Department of Mechanical and Aeronautical Engineering, The University of Sydney. — NSW, Australia, 2006.
21. Walton W. D., Carpenter D. J., Wood C. B. Zone Computer Fire Models for Enclosures // SFPE Handbook of Fire Protection Engineering. — New York, NY: Springer New York, 2016. — P. 1024–1033. — DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4939-2565-0_31 (data obrashcheniya: 10.11.2021).

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.136-142

К. М. Богатырев*

Угрозы медиабезопасности в цифровой среде: систематизация и анализ¹

Аннотация. В статье рассматривается отдельный род информационных угроз, имеющих место в части информационного пространства, образованного пересечением медиасреды и цифровой среды. Такие информационные угрозы обладают спецификой, связанной с особенностями данного модифицированного информационного пространства и подразумевающей высокую степень общественной опасности деяний, посредством которых такие угрозы воплощаются в действительность. Актуальность исследования обусловлена потребностями экспертной практики, нуждающейся в теоретическом анализе и обобщении, разработке на их основе методических рекомендаций с учетом характеристик новой реальности, являющейся следствием цифровизации общественной жизни и заключающейся в повсеместном распространении электронных средств коммуникации. Практическая цель данной работы — систематизация и анализ многообразия угроз медиабезопасности, имеющих место в цифровой среде, для дальнейшей разработки типовых моделей использования специальных речеведческих знаний и обеспечения медиабезопасности в цифровой среде.

Ключевые слова: цифровизация; информационная угроза; информационная безопасность; медиасреда; медиабезопасность; цифровая среда; интернет-коммуникация; судебная экспертология; судебное речеведение; специальные знания.

Для цитирования: Богатырев К. М. Угрозы медиабезопасности в цифровой среде: систематизация и анализ // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 7. — С. 136–142. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.136-142.

Threats to Media Security in the Digital Environment: Systematization and Analysis²

Konstantin M. Bogatyrev, Postgraduate Student, Department of Forensic Expertise, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
kbog@rambler.ru

Abstract. The paper considers a separate type of information threats that take place in the part of the information space formed by the intersection of the media environment and the digital environment. Such information threats have specificity, due to the peculiarities of this modified information space and implying a high degree of public danger of acts through which such threats are translated into reality. This study is relevant due to the needs

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00190.

² The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 20-011-00190.

© Богатырев К. М., 2022

* *Богатырев Константин Михайлович*, аспирант кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
kbog@rambler.ru

of expert practice, which requires theoretical analysis and generalization, methodological recommendations development given the features of a new reality that is a consequence of the digitalization of public life and consists in the widespread dissemination of electronic means of communication. The practical purpose of this work is to bring into the system and analyze the variety of media security threats that occur in the digital environment, for the further development of standard models for the use of special speech knowledge to ensure media security in the digital environment.

Keywords: digitalization; information threat; information security; media environment; media security; digital environment; internet communication; forensic expertise; judicial speech studies; special knowledge.

Cite as: Bogatyrev KM. Ugrozy mediabezопасnosti v tsifrovoy srede: sistematzatsiya i analiz [Threats to Media Security in the Digital Environment: Systematization and Analysis]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(7):136-142. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.136-142. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Одной из основных функций государства является обеспечение безопасности как для себя и общества в целом, так и для отдельной личности. С ней тесно связаны и остальные функции, такие как установление и поддержание общественного порядка, обеспечение социального мира и стабильности, защита личности от произвола, создание нормальных условий жизни и консолидация общества³.

Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности»⁴ содержит понятие и виды безопасности, а также указание на идентичность понятий «безопасность» и «национальная безопасность». Последнее как разновидность безопасности рассматривается в контексте той защитной функции, которая выполняется государством.

Обеспечение национальной безопасности — основная функция правоохранительных органов и одна из основных функций любых других государственных и муниципальных органов (т.е. всех органов публичной власти). Определяет основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности и координирует деятельность по ее обеспечению Президент РФ, а также формируемый и возглавляемый им Совет Безопасности.

Эффективное и полноценное обеспечение безопасности во всех сферах общественной жизни невозможно осуществить только силами государства. Граждане и общественные объединения активно участвуют в реализации государственной политики в области обеспечения безопасности. Кроме того, важное место отведено и международному сотрудничеству в данной сфере, ведь многие угрозы (особенно информационные) в настоящее время имеют транснациональный, глобальный характер. В целом же обеспечение национальной безопасности представляет собой совокупность скоординированных и объединенных единым замыслом политических, организационных, социально-экономических, военных, правовых, информационных, специальных и иных мер.

Исследование

Важным элементом национальной безопасности в современном мире является информационная безопасность, имеющая статус стратегического национального приоритета и определяемая как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз⁵. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации

³ См.: Морозова Л. А. Теория государства и права. М.: Эксмо, 2010. С. 51–52.

⁴ СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

⁵ См.: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

от 02.07.2021⁶ определены национальные интересы, в числе которых развитие безопасного информационного пространства, а также защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия.

В перечень задач по обеспечению информационной безопасности России в Доктрине информационной безопасности РФ входят:

- развитие и совершенствование системы обеспечения информационной безопасности Российской Федерации, реализующей единую государственную политику в этой области, включая совершенствование форм, методов и средств выявления, оценки и прогнозирования угроз информационной безопасности Российской Федерации, а также системы противодействия этим угрозам;
- совершенствование нормативной правовой базы обеспечения информационной безопасности Российской Федерации, включая механизмы реализации прав граждан на получение информации и доступ к ней, формы и способы реализации правовых норм, касающихся взаимодействия государства со средствами массовой информации;
- координация деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, предприятий, учреждений и организаций, независимо от формы собственности, в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации;
- развитие научно-практических основ обеспечения информационной безопасности Российской Федерации с учетом современной геополитической ситуации, условий политического и социально-экономического развития России и реальности угроз применения информационного оружия;
- расширение взаимодействия с международными и зарубежными органами и организациями при решении научно-технических и правовых вопросов обеспечения безопасности информации, передаваемой с помо-

щью международных телекоммуникационных систем и систем связи;

- обеспечение условий для активного развития российской информационной инфраструктуры, участия России в процессах создания и использования глобальных информационных сетей и систем.

В действующей Доктрине угрозы информационной безопасности Российской Федерации, кратко называемые «информационные угрозы», понимаются как совокупность действий и факторов, создающих опасность нанесения ущерба национальным интересам в информационной сфере. В предыдущей Доктрине информационные угрозы по своей общей направленности подразделялись на следующие виды:

- угрозы конституционным правам и свободам человека и гражданина в области духовной жизни и информационной деятельности, индивидуальному, групповому и общественному сознанию, духовному возрождению России;
- угрозы информационному обеспечению государственной политики Российской Федерации;
- угрозы развитию отечественной индустрии информации, включая индустрию средств информатизации, телекоммуникации и связи, обеспечению потребностей внутреннего рынка в ее продукции и выходу этой продукции на мировой рынок, а также обеспечению накопления, сохранности и эффективного использования отечественных информационных ресурсов;
- угрозы безопасности информационных и телекоммуникационных средств и систем, как уже развернутых, так и создаваемых на территории России.

В настоящее же время такой классификации в действующей Доктрине нет; в ней имеются лишь общие указания на то, что информационная инфраструктура может использоваться для подрыва суверенитета, дестабилизации внутривнутриполитической и социальной ситуации, воздействия на индивидуальное, групповое

⁶ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

и общественное сознание в целях нагнетания межнациональной и социальной напряженности, разжигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, пропаганды экстремистской идеологии, а также привлечения к террористической деятельности новых сторонников; а также на то, что на население России в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей нарастает информационное воздействие. Таким образом, единая классификация информационных угроз отсутствует, что формирует социальный запрос на ее разработку.

Перечень информационных угроз обширен и сложен для систематизации как ввиду неоднородности уже существующих угроз, так и вследствие постоянного их изменения, возникновения новых видов. В целях дестабилизации общественно-политической ситуации в Российской Федерации может распространяться недостоверная информация, в информационно-телекоммуникационной сети Интернет могут размещаться материалы террористических и экстремистских организаций, призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, совершению самоубийств, осуществляется пропаганда криминального образа жизни, потребления наркотических средств и психотропных веществ, размещается иная противоправная информация.

Стоит отметить, что в настоящее время Интернет понимается не просто как средство коммуникации, а как особая коммуникативная среда (интернет-среда, шире — цифровая среда). Интернет-среда уже не дополнение к реальному бытию человека, а вторая, параллельная (виртуальная) реальность, в которой принимаются и реализуются собственные решения, удовлетворяются потребности, создаются определенные продукты деятельности, а процесс общения трансформируется (становится отличным от аналогичного в ситуации живого общения)⁷.

Это создает дополнительные риски, поскольку молодые люди, социализировавшиеся в Интернете, могут не всегда адекватно коммуницировать с окружающими и в целом реализовывать стратегии поведения, возможные в Интернете, но неприемлемые в обществе.

Сам Интернет является компонентом *медиа-среды* — части информационного пространства, в которой информация вне зависимости от формы распространяется при помощи *средств массовой коммуникации* (СМК), в том числе средств массовой информации (СМИ) как их особого вида, имеющего при этом нормативное определение. Это подводит нас к определению *медиабезопасности*: она понимается нами как состояние защищенности отдельной личности от любых существующих в медиасреде информационных угроз (выраженных в информационных продуктах, оборот которых ограничен или запрещен действующими нормативными правовыми актами), а также вытекающее из него состояние защищенности государства и общества. Важно заметить, что поскольку медиасреда понимается как часть информационного пространства, то и медиабезопасность следует понимать как составную часть информационной безопасности, безопасность СМК, в том числе СМИ.

Система медиабезопасности включает в себя следующие элементы:

- безопасность аналоговых (нецифровых) СМК, не являющихся СМИ;
- безопасность аналоговых (нецифровых) СМИ;
- безопасность цифровых СМК, не являющихся СМИ;
- безопасность цифровых СМИ.

Последние два компонента формируют подсистему *медиабезопасности в цифровой среде*.

Для того чтобы полноценно рассмотреть все многообразие угроз медиабезопасности, необходимо осуществить классификацию этих информационных угроз. Основания такой классификации могут быть различными, от наличия

⁷ Привод. по: *Галяшина Е. И., Никишин В. Д.* Деструктивное речевое поведение в цифровой среде: факторы, детерминирующие негативное воздействие на мировоззрение пользователя // *Lex russica* (Русский закон). 2021. № 6 (175). С. 79–94.

соответствующих юридических составов в законодательстве до степени распространенности. Специалисты факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова приводят следующую классификацию онлайн-рисков: контентные, коммуникационные, потребительские, технические риски, а также интернет-зависимость⁸.

В контексте обеспечения медиабезопасности целесообразно использование концептов «контент-риски» и «коммуникационные риски». Контент-риски (контентные риски) — угрозы, связанные с ознакомлением пользователей с уже размещенной в Интернете информацией. Коммуникационные риски возникают в процессе общения интернет-пользователей ввиду использования одним из коммуникантов деструктивных речевых стратегий⁹.

Приведенная ниже классификация угроз медиабезопасности основана на коммуникативной сущности (смысловой направленности) информационных продуктов, в которых находят выражение соответствующие угрозы (по умолчанию они будут относиться к категории коммуникационных рисков).

Угрозы экстремистского характера:

- 1) терроризм;
- 2) политический экстремизм (в том числе незаконные акции):
  - правые (национал-социалисты, выстраивание жестких иерархий и т.д.);
  - левые (примеры: анархисты (инцелы), коммунисты, феминистки);
  - сепаратисты;
- 3) контркультура преступников (АУЕ);
- 4) религиозный экстремизм:
  - радикальные религиозные течения;
  - оскорбление чувств верующих;
- 5) этнический экстремизм;
- 6) ненависть (вражда, унижение человеческого достоинства) по признакам принадлежности к какой-либо демографической/социальной группе, например:
  - женоненавистничество;
  - эйблизм (ненависть к инвалидам);

— хулиганы, в том числе футбольные.

Угрозы оккультного характера:

- 1) тоталитарные секты;
- 2) деструктивные религиозные культы.

Угрозы антивиталистского характера:

- 1) культ смерти;
- 2) культ насилия и жестокости:
  - дегуманизация жертв;
  - скулшутинг/колумбайн;
  - прославление/героизация убийц (тру-крайм комьюнити);
  - каннибализм;
  - жестокое обращение с животными;
- 3) продвижение аутодеструктивного поведения:
  - суицид (в том числе посредством групп смерти);
  - опасные хобби, связанные с риском для жизни (челленджи (вызовы), зацеперы, риферы, диггеры и т.д.);
  - цифровое самоповреждение (селфхарм);
  - нетипичное пищевое поведение (анорексия, булимия);
- 4) популяризация наркотиков и психоактивных веществ, романтизация наркоторговли.

Угрозы личной безопасности:

- 1) киберсталкинг (слежка);
- 2) доксинг (несанкционированный сбор информации, в том числе в виде цифровых файлов);
- 3) деанон (публичное распространение персональных данных / иных личных сведений);
- 4) киберагрессия, в том числе:
  - диффамация (унижение чести и достоинства, умаление деловой репутации), клевета, оскорбление;
  - троллинг;
  - травля (буллинг);
- 5) домогательство (нарушение половой неприкосновенности и половой свободы):
  - кибергруминг;
  - секстинг;
  - секс-шантаж;
- 6) фейкинг (распространение не соответствующих действительности сведений), манипуляция общественным сознанием.

⁸ Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность : монография. М. : Смысл, 2017. С. 90–99.

⁹ См.: Галяшина Е. И., Никишин В. Д. Указ. соч. С. 85.

Угрозы российской исторической памяти:

- 1) фальсификация истории;
- 2) реабилитация нацизма;
- 3) оскорбление дней воинской славы и памятных дат, осквернение символов воинской славы России;
- 4) оскорбление памяти защитников Отечества, унижение чести и достоинства ветеранов.

Угрозы аморального характера:

- 1) нецензурная брань (обценная лексика);
- 2) антисемейные ценности;
- 3) социально-паразитарное поведение;
- 4) культура андерграунда;
- 5) продвижение нетрадиционных сексуальных отношений:
  - ЛГБТ (яой, юри, смена пола и т.д.);
  - зоофилия (фурри);
- 6) порнография, в том числе детская порнография.

Необходимо различать угрозы медиабезопасности и типы той информационной продукции, в которой такие угрозы находят выражение. Например, шок-контент, треш-контент, фанфикшн и аниме — не отдельные виды деструктива, а лишь возможные формы контента — проявления отдельных информационных угроз экстремистского, антивиталистского, аморального характера. Кроме того, не все информационные продукты, относящиеся к данным жанрам, представляют собой информационные

угрозы; например, в контексте того же аниме содержащая деструктив информационная продукция является лишь его маргинальной частью.

Результаты и выводы

Так или иначе, анализ контент-рисков (т.е. конкретных информационных материалов деструктивного характера), корреспондирующих перечисленным выше угрозам медиабезопасности, представляется эффективным проводить посредством специальных исследований, посвященных отдельным видам угроз. Целью же настоящей работы была разработка приведенной выше классификации.

Анализ представленного многообразия угроз медиабезопасности, имеющих место в цифровой среде, в последующих исследованиях необходим для дальнейшей разработки типовых моделей использования специальных речеведческих знаний в целях обеспечения медиабезопасности в цифровой среде в рамках разработки соответствующей частной экспертной теории в русле учения о цифровизации судебно-экспертной деятельности, разрабатываемой представителями кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)¹⁰.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Галяшина Е. И., Никишин В. Д.* Деструктивное речевое поведение в цифровой среде: факторы, детерминирующие негативное воздействие на мировоззрение пользователя // *Lex russica (Русский закон)*. — 2021. — № 6 (175). — С. 79–94.
2. *Морозова Л. А.* Теория государства и права. — М.: Эксмо, 2010. — 384 с.
3. *Носов Н. А.* Виртуальная психология. — М., 2000. — 432 с.
4. *Россинская Е. Р.* Учение о цифровизации судебно-экспертной деятельности и проблемы судебно-экспертной дидактики // *Правовое государство: теория и практика*. — 2020. — № 4-1 (62). — С. 88–101.
5. *Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность : монография. — М.: Смысл, 2017. — 375 с.

Материал поступил в редакцию 31 декабря 2021 г.

¹⁰ См.: *Россинская Е. Р.* Учение о цифровизации судебно-экспертной деятельности и проблемы судебно-экспертной дидактики // *Правовое государство: теория и практика*. 2020. № 4-1 (62). С. 88–101.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Galyashina E. I., Nikishin V. D. Destruktivnoe rechevoe povedenie v cifrovoj srede: faktory, determiniruyushchie negativnoe vozdejstvie na mirovozzrenie polzovatelya // Lex russica (Russkij zakon). — 2021. — № 1 (175). — S. 79–94.
2. Morozova L. A. Teoriya gosudarstva i prava. — M.: Eksmo, 2010. — 384 s.
3. Nosov N. A. Virtualnaya psihologiya. — M., 2000. — 432 s.
4. Rossinskaya E. R. Uchenie o cifrovizacii sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti i problemy sudebno-ekspertnoj didaktiki // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. — 2020. — № 4-1 (62). — S. 88–101.
5. Soldatova G. U., Rasskazova E. I., Nestik T. A. Cifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost i bezopasnost: monografiya. — M.: Smysl, 2017. — 375 s.

Санкционное право: понятие, предмет, метод, нормативный состав¹

Аннотация. Рассматривается проблематика правового регулирования санкционных отношений. Отмечается, что правовые основы в сфере санкционных ограничений необходимы для достижения баланса прав и законных интересов субъектов права в разных государствах, вовлеченных в санкционный процесс, а также в целях сдерживания повсеместного и безосновательного нарушения и ограничения прав субъектов в контексте санкционных мер. Санкционное право определяется автором как система норм, регулирующих отношения, связанные с ограничениями прав иностранных государств, граждан и юридических лиц, вводимыми с целью изменения политического курса недружественных государств, в том числе в качестве ответных мер, а также отношения по преодолению правовых последствий санкционных ограничений, введенных в отношении государства, его граждан и юридических лиц. Отношения по введению, исполнению, соблюдению, отмене, преодолению последствий санкционных и контрсанкционных ограничений образуют санкционные отношения, являющиеся предметом санкционного права. Отмечается, что если введение санкций затрагивает права частных субъектов, то развитие механизма реторсий представляется оптимальным способом ответных ограничений в отношении имущественных и личных неимущественных прав граждан и юридических лиц тех государств, в которых имеются специальные ограничения имущественных и личных неимущественных прав собственных граждан и юридических лиц государства, принимающего реторсии. Автором разработана терминологическая основа санкционного права, определены его методология и нормативный состав. Раскрывается правовая природа и формулируются принципы введения санкционных и контрсанкционных ограничений.

Ключевые слова: санкции; контрсанкции; санкционные ограничения; реторсии; санкционные отношения; санкционное право; принципы; предмет; метод; нормативный состав.

Для цитирования: Шахназаров Б. А. Санкционное право: понятие, предмет, метод, нормативный состав // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 7. — С. 143–149. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.143-149.

---

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Шахназаров Б. А., 2022

* Шахназаров Бениамин Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ben_raf@mail.ru

Sanctions Law: Concept, Subject, Method and Regulatory Framework²

Beniamin A. Shakhnazarov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
ben_raf@mail.ru

Abstract. The paper considers the problems of legal regulation of sanctions relations. It is noted that the legal framework in the field of sanctions restrictions is necessary to achieve a balance of rights and legitimate interests of subjects of law in different states involved in the sanctions process, as well as to deter widespread and unreasonable violation and restriction of the rights of subjects in the context of sanctions measures. The author defines sanctions law as a system of norms governing relations related to restrictions on the rights of foreign states, citizens and legal entities, introduced in order to change the political course of unfriendly states, including as a response, as well as relations to overcome the legal consequences of sanctions restrictions, imposed on the state, its citizens and legal entities. Relations on the introduction, execution, compliance, cancellation, overcoming the consequences of sanctions and counter-sanctions restrictions form sanctions relations that are the subject of sanctions law. It is noted that if the imposition of sanctions affects the rights of private entities, then the development of the mechanism of retortions seems to be the best way of retaliatory restrictions on the property and personal non-property rights of citizens and legal entities of those states that have special restrictions on the property and personal non-property rights of their own citizens and legal entities of the state receiving retortion. The author has developed the terminological basis of sanctions law, defined its methodology and regulatory framework. The legal nature is revealed and the principles for the introduction of sanctions and counter-sanctions restrictions are formulated.

Keywords: sanctions; counter-sanctions; sanctions restrictions; retortions; sanctions relations; sanctions law; principles; subject; method; regulatory framework.

Cite as: Shakhnazarov BA. Sanktsionnoe pravo: ponyatie, predmet, metod, normativnyy sostav [Sanctions Law: Concept, Subject, Method and Regulatory Framework]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(7):143-149. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.143-149. (In Russ., abstract in Eng.).

В современных условиях широкого распространения санкционных ограничений во всем мире одной из основных проблем представляется определение правовых основ введения такого рода ограничений и правовой природы санкций, как мер, ограничивающих те или иные права субъектов. Правовые основы здесь необходимы для достижения баланса прав и законных интересов субъектов права в разных государствах, вовлеченных в санкционный процесс, а также в целях сдерживания повсеместного и безосновательного нарушения и ограничения прав субъектов в контексте санкционных мер. В обозначенном контексте и с учетом предварительного анализа нормативных правовых актов, принимаемых различными государствами в контексте санкционной или контрсанкционной риторики, представляется возможным определить санкционное право как систему норм, регулирующих отношения, связанные с ограничениями прав иностран-

ных государств, граждан и юридических лиц, вводимыми с целью изменения политического курса недружественных государств, в том числе в качестве ответных мер, а также отношения по преодолению правовых последствий санкционных ограничений, введенных в отношении государства, его граждан и юридических лиц. Отношения по введению, исполнению, соблюдению, отмене, преодолению последствий санкционных и контрсанкционных ограничений образуют санкционные отношения, являющиеся предметом санкционного права.

С точки зрения прав граждан, юридических лиц, равно, как и с точки зрения прав государства, такие нормы образуют именно систему, поскольку при осуществлении своих прав в трансграничных, международных отношениях обозначенным субъектам необходимо в комплексе учитывать и воспринимать действие норм санкционного права (санкционных и контрсанкционных норм).

² The reported study was carried out as part of the strategic academic leadership program «Priority 2030».

В международном частном праве, равно как и в международном праве, не существует единого определения понятия «санкции», однако этот термин часто используется для описания недружественных мер, не связанных с военными действиями, особенно мер экономического характера³. Санкции, ограничивающие гражданские права частных субъектов по принципу их принадлежности подсанкционному государству, как представляется, преимущественно находятся в рамках внутрисанкционного или регионального правового поля, являются внутринациональным или региональным правовым решением и отражают политический курс того или иного государства (группы государств), направленный на смену политического курса другого, подсанкционного государства. При этом такого рода меры далеко не всегда коррелируют с нормами международного права, что является серьезной проблемой с точки зрения преодоления правовых последствий введения санкций и контрсанкций. Часто при рассмотрении правовой природы санкций в доктрине используют определение санкций как «преднамеренного прекращения или угрозы прекращения традиционных торговых или финансовых отношений по инициативе правительства»⁴.

Санкции (санкционные ограничения) в современных условиях их широкого распространения на совершенно различные общественные отношения представляется возможным определить как экономические, торговые, социальные ограничения, а также ограничения международного сотрудничества, принимаемые в отношении государства, его граждан, юридических лиц другим государством, объединением государств, международными организациями.

Под подсанкционным государством в обозначенном контексте предлагается понимать государство, в отношении которого или граждан и юридических лиц которого наложены санкции. Что касается недружественных государств, то в контексте современного опыта санкционной риторики недружественное государство можно определить как государство, которое

совершило недружественные действия, в частности разработало и приняло санкции по отношению к другому государству, его гражданам (физическим лицам, имеющим правовую связь с государством в целом) и юридическим лицам, а также государство, поддержавшее и принявшее санкции, разработанные иным государством. Так, в России принят ряд актов, раскрывающих понятие недружественного государства. Например, распоряжением Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р утвержден перечень 48 иностранных государств и территорий, совершающих в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия.

Кроме того, в сфере ограничения прав иностранных правообладателей из недружественных государств постановлением Правительства РФ от 06.03.2022 № 299 «О внесении изменения в пункт 2 методики определения размера компенсации, выплачиваемой патентообладателю при принятии решения об использовании изобретения, полезной модели или промышленного образца без его согласия, и порядка ее выплаты» установлены юрисдикционные привязки, т.е. определенные критерии принадлежности (связи) иностранных лиц (патентообладателей) к недружественным государствам, которые определяются как иностранные государства, совершающие в отношении российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия. Так, согласно данному постановлению в отношении патентообладателей, связанных с иностранными государствами, которые совершают в отношении российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия (в том числе если такие патентообладатели имеют гражданства этих государств, местом их регистрации, местом преимущественного ведения ими хозяйственной деятельности или местом преимущественного извлечения ими прибыли от деятельности являются эти государства), размер компенсации составляет 0 % фактической выручки лица, которое воспользовалось правом использования изобретения,

³ См.: Cameron I., Moiseienko A. International Sanctions. 26.05.2021 // URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199796953/obo-9780199796953-0220.xml> (дата обращения: 30.05.2022).

⁴ Hufbauer, et al. The Effectiveness of Economic Sanctions: A Literature Review. 2007.

полезной модели или промышленного образца без согласия патентообладателя, от производства и реализации товаров, выполнения работ и оказания услуг, для производства, выполнения и оказания которых использованы соответствующие изобретение, полезная модель или промышленный образец.

Обозначенный нормативный подход демонстрирует не просто фактическое определение недружественного государства, но и правовые последствия введения санкционных ограничений для лиц, связанных различными критериями принадлежности с государством, принявшим соответствующие санкционные ограничения.

Исследования правовой природы санкций обычно ориентируются на экономические составляющие санкций, которые включают запрет на экономические операции с лицами, находящимися под санкциями. Причины введения санкций различны, и правительства часто преследуют должностных лиц недружественных государств или лиц, подозреваемых в причастности к преступлению или терроризму. Санкции могут также включать экспортно-импортные или инвестиционные ограничения и могут быть направлены против сектора экономики, который, как считается, способствует недружественному, вредоносному поведению (например, военная промышленность или исследования, связанные с оружием массового поражения) или является высокодоходным источником финансирования (например, торговля дорогостоящими товарами, такими как алмазы, нефть или древесина). Распространены также санкции в сфере ограничения передвижения, которые не позволяют лицам, находящимся под санкциями, въезжать в государство, наложившее санкции.

Направленность такого рода ограничений на изменение политического курса очевидна. Санкционное давление на конкретных лиц (должностных лиц, предпринимателей и др.) путем ограничения их прав, равно как и санкционное давление в целом на граждан подсанкционного государства, ограничение прав в целых секторах экономики осуществляются с целью изменения внутригосударственного режима, в том числе путем повышения недовольства граждан политическими действиями подсанкционных государств.

При этом масштабные санкционные ограничения и часто следующие за ними контрсанкции могут привести к серьезному экономическому, энергоресурсному кризису, что необходимо учитывать в контексте санкционного планирования. Принцип соблюдения баланса прав и законных интересов граждан государств, затронутых санкциями и контрсанкциями, как представляется, должен быть положен в основу принятия санкционных и контрсанкционных мер.

Первоначальная форма международных санкций — эмбарго на всю торговлю с другой страной — в настоящее время используется редко из-за ее далеко идущих гуманитарных последствий. Чисто дипломатические или политические меры, такие как разрыв дипломатических отношений, обычно не рассматриваются как «санкции» в обсуждаемом контексте, равно как и военные действия.

Анализ международных санкций обычно затрагивает две группы вопросов: их цели и эффективность, с одной стороны, и их законность и влияние на права человека, с другой стороны. Это связано с тем, что санкции наиболее эффективны, когда их применяют влиятельные государства или международные организации, и именно тогда вопросы ответственности выдвигаются на первый план. Некоторые санкции, особенно против лиц, подозреваемых в терроризме, принимаются Советом Безопасности ООН и, таким образом, являются обязательными для всех членов ООН. Другие принимаются отдельными государствами или Европейским Союзом, региональной организацией с общей внешней политикой. Санкции, принимаемые вне рамок ООН, известны как «односторонние», а США и ЕС являются крупными экономическими державами, которые активно используют односторонние санкции⁵.

В случае с введением такого рода санкционных ограничений представляется важным обеспечение баланса прав и законных интересов собственных и иностранных граждан, а также учет рисков взаимных ограничений, принятие которых возможно не столько в плоскости международных публичных правоотношений, сколько в частноправовом контексте. Если введение такого рода санкционных ограничений затрагивает права частных субъектов, то развитие

⁵ См.: *Cameron I., Moiseienko A. Op. cit.*

механизма реторсий (ст. 1194 ГК РФ) в обозначенном контексте представляется оптимальным способом ответных ограничений в отношении имущественных и личных неимущественных прав граждан и юридических лиц тех государств, в которых имеются специальные ограничения имущественных и личных неимущественных прав собственных граждан и юридических лиц государства, принимающего реторсии, поскольку реторсии — это специальный механизм именно международного частного права, ориентированный на соблюдение баланса прав собственных граждан, юридических лиц и иностранцев, включая иностранные юридические лица, вступающих в частноправовые отношения, осложненные иностранным элементом. Такие ограничения, как видится, должны быть равнозначными и равнообъемными, что коррелирует в контексте некой параллели и аналогии с национальным режимом предоставления гражданских прав иностранным субъектам в равном объеме с правами, предоставляемыми собственным гражданам. Логично предположить, что и ограничения прав в обозначенном контексте должны быть равнообъемными. Крайне важной задачей здесь представляется разумное определение правовой природы такого рода ограничений, как вынужденных ответных (зеркальных) мер, направленных на преодоление конфликта, а не его разжигание в условиях глобализации и системной реализации большого числа общественных отношений на трансграничном уровне. Оптимальной же целью реторсий в обозначенном контексте представляется снятие первоначальных санкционных ограничений и последующая отмена ответных санкционных мер.

Крайне важно понимать, что обеспечение законности, целесообразности и соразмерности введения санкционных ограничений влияет и на перспективы правоприменения в рассматриваемой сфере отношений.

Так, в течение многих лет в ЕС формировалась неоднозначная правоприменительная практика, когда предметом судебного разбирательства становилось применение финансовых санкций, которые ЕС налагал на мировых лидеров, руководителей предприятий и компаний за всевозможные должностные правонарушения. Согласно исследованию, проведенному по заказу Европейского парламента, например с 2008 по 2015 г., ЕС проиграл около двух третей дел, связанных с обжалованием введенных ЕС санкций⁶.

Причины такого положения дел выделяются самые различные. В 2008 г. судьи ЕС постановляли, что они обладают юрисдикцией в отношении санкций, а это означает, что «подсанкционным лицам» становится легче оспаривать их в суде⁷. И хотя ЕС разрабатывает и утверждает свои санкции, их практическое применение должны обеспечивать национальные суды и правительства, что является довольно дискуссионной проблемой.

В 2022 г. ЕС в координации с США и Великобританией ввел беспрецедентные санкции, направленные на отделение большей части российской экономики от континента и изгнание многих ведущих российских предпринимателей из европейских финансовых систем.

Чиновники ЕС, как отмечается, извлекли уроки из проигранных в суде дел о законности введенных санкций и в этом контексте разрабатывают новые санкции, а также надеются, что предполагаемые нарушения норм международного права настолько очевидны, что санкции выдержат юридическую проверку⁸. Кроме того, общественность оказывает значительное давление на отдельные правительства с целью фактического применения санкций. При этом отклонение ряда предлагаемых санкционных мер происходило в ЕС в контексте опасения о возможной отмене введенных ограничений в судебном порядке.

⁶ Targeted sanctions against individuals on grounds of grave human rights violations — impact, trends and prospects at EU level // URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/603869/EXPO_STU\(2018\)603869_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/603869/EXPO_STU(2018)603869_EN.pdf) (дата обращения: 31.05.2022).

⁷ См.: Barigazzi J. The EU's lurking Russia sanctions challenge: Court battles and enforcement. 21.03.2022 // URL: <https://www.politico.eu/article/eu-russia-sanctions-challenge-court-battles-enforcement/> (дата обращения: 31.05.2022).

⁸ См.: Barigazzi J. Op. cit.

Санкционные ограничения, действительно, изначально имеют повышенные риски обжалования и отмены, поскольку зачастую затрагивают совершенно различные права граждан, влияют на реализацию различных общественных отношений. В обозначенном контексте целесообразно определить круг таких подпадающих под санкционные ограничения отношений, которые формируют предмет санкционного права.

Предмет санкционного права составляют отношения в сфере ограничений прав иностранных государств и их субъектов, в частности ответных ограничений, вводимых с целью изменения политического курса соответствующего государства. Такого рода отношениями могут быть отношения по введению и реализации эмбарго в целом, договорные отношения, опосредующие различного рода экономические, торговые и финансовые процессы, отношения по осуществлению санкционного комплаенса и дью-дилидженса, отношения по легитимации трансграничной деятельности, связанной с юрисдикцией подсанкционного государства или недружественного государства в контексте ответных санкционных мер, получение иностранными субъектами разрешительных документов на осуществление той или иной деятельности в государстве, которое ввело санкции, отношения по осуществлению и исполнению экспортно-импортных операций, трансграничные инвестиционные отношения, отношения, опосредующие трансграничные цепочки поставок, трансграничные транспортные отношения, трудовые отношения с иностранными гражданами подсанкционных государств, отношения в сфере устойчивого развития и соблюдения ESG-стандартов в условиях санкционных ограничений, отношения по осуществлению имущественных и личных неимущественных прав иностранными субъектами подсанкционного государства и субъектами недружественных государств в контексте ответных ограничений, отношения в сфере охраны прав на объекты интеллектуальной собственности, валютные отношения, отношения по обороту криптовалют, кредитно-денежные, расчетные отношения и др.

Таким образом, нормы санкционного права затрагивают самые различные сферы общественных отношений, как частноправовых, так и публично-правовых. С точки зрения защиты

прав граждан в подсанкционных и недружественных юрисдикциях особое значение приобретают гражданско-правовые механизмы. Гражданские права, а именно имущественные и личные неимущественные права представляются основным направлением санкционного давления. Санкционные ограничения могут затрагивать и конституционные права, что создает серьезные риски сохранения санкционных мер в действии и перспективы для их обжалования и отмены.

В обозначенном контексте санкционное право, помимо особой роли реализуемого при его формировании принципа законности и баланса прав и законных интересов собственных субъектов и субъектов подсанкционного государства, а также баланса прав своих субъектов в своей стране и за рубежом, имеет серьезный правоприменительный потенциал, связанный с защитой прав граждан и юридических лиц, так или иначе затрагиваемых санкционными ограничениями. Такие ограничения, как отмечалось выше, могут затрагивать и конституционные права и принципы. Так, например, санкционные ограничения зачастую вступают в противоречие с конституционным принципом равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Дискриминация по признакам национальной, языковой принадлежности также наблюдается в контексте санкционной риторики. Санкционные ограничения могут затрагивать и права на свободное перемещение граждан, выезд за пределы своего государства и беспрепятственное возвращение. Конституционные права на свободу мысли и слова, на свободное выражение своих мнений и убеждений, свободные поиск, получение, распространение информации законным способом, свободу СМИ также нередко затрагиваются современными санкционными ограничениями. Здесь возможны ситуации расширения законных способов реализации соответствующих свобод, что, как представляется, должно коррелировать с основополагающими конституционно-правовыми началами. Обозначенные выше принципы, права и свободы, гарантируемые большинством современных

конституций, основных законов государств, могут являться правовой основой обжалования конкретных санкционных ограничений и должны учитываться правоприменительными органами в первую очередь.

Санкционное право имеет особую методологию регулирующего воздействия, которую можно охарактеризовать как трансформационную, т.е. направленную на изменение правовых режимов, политических курсов. Основная цель санкционных и контрсанкционных правовых мер в обозначенном контексте сводится к трансформации политических курсов и, как следствие, форм влияния и реализации различных общественных отношений, что выражается в нормах совершенно различных отраслей права.

Нормативный состав санкционного права при этом формируют как нормы национальных законов, подзаконных актов, так и международно-правовые нормы, принимаемые преимущественно на регионально-правовом уровне.

Представляется, что в современных условиях введения односторонних или региональных санкций государство или объединение государств соответственно должны иметь четкие нормативные правовые основы введения соответствующих санкционных ограничений. При разработке таких нормативных основ должен быть обеспечен баланс прав и законных интересов собственных и иностранных субъектов подсанкционного государства, необходимо также учитывать правовые последствия введенных санкций применительно к собственным гражданам и юридическим лицам, включая возможные ответные ограничения имущественных и личных неимущественных прав. Законность как основной принцип введения санкционных ограничений должна быть обеспечена на конституционно-правовом уровне, а также на уровне учредительных и иных фундаментальных актов региональных и международных универсальных организаций, вводящих санкции.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Barigazzi J. The EU's lurking Russia sanctions challenge: Court battles and enforcement // Politico. — 21.03.2022. — URL: <https://www.politico.eu/article/eu-russia-sanctions-challenge-court-battles-enforcement/> (дата обращения: 31.05.2022).
2. Cameron I., Moiseienko A. International Sanctions. 26.05.2021. — URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199796953/obo-9780199796953-0220.xml> (дата обращения: 30.05.2022).
3. Hufbauer, et al. The Effectiveness of Economic Sanctions: A Literature Review. — 2007.

Материал поступил в редакцию 6 июня 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Barigazzi J. The EU's lurking Russia sanctions challenge: Court battles and enforcement // Politico. — 21.03.2022. — URL: <https://www.politico.eu/article/eu-russia-sanctions-challenge-court-battles-enforcement/> (data obrashcheniya: 31.05.2022).
2. Cameron I., Moiseienko A. International Sanctions. 26.05.2021. — URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199796953/obo-9780199796953-0220.xml> (data obrashcheniya: 30.05.2022).
3. Hufbauer, et al. The Effectiveness of Economic Sanctions: A Literature Review. — 2007.

Би- и полипатризм в международном праве

Аннотация. Двойное и/или множественное гражданство (бипатризм и полипатризм), порождающее большое количество проблем для государств в различных сферах, вызывает необходимость исследования традиционных и современных тенденций в правовом регулировании данных непростых общественных явлений. Цели статьи обусловлены потребностями выявления основных направлений международной и внутригосударственной практики относительно содержания, юридических особенностей регулирования, а также политико-правовых последствий би- и полипатризма. В ходе анализа делаются попытки сопоставления, обобщения черт сходства и различий элементов понятий «двойное» и «множественное» гражданство, а также их разграничения. В статье рассматриваются примеры внутригосударственного и международно-правового регулирования в сфере двойного и множественного гражданства, а также практика государств по урегулированию проблем, порождаемых этими феноменами. В заключение делается вывод о трудностях объективного порядка в отношении выработки в широком международном масштабе единообразных подходов к мерам урегулирования двойного и множественного гражданства ввиду наличия в праве различных государств индивидуальных черт этноисторического, социокультурного, религиозного и другого характера, влияющих на нынешнее состояние правовой действительности в этом вопросе, а также сложного переплетения негативных и позитивных элементов, которые их составляют, и соответствующих общих и частных последствий.

Ключевые слова: международное право; гражданство; бипатризм; полипатризм; двойное гражданство; множественное гражданство; второе гражданство; коллизия законов о гражданстве; право почвы; право крови; международные договоры; дипломатическая защита.

Для цитирования: Аджба Д. Д. Би- и полипатризм в международном праве // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 7. — С. 150–157. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.150-157.

Bi- and Polypatrimism in International Law

Diana D. Adzhba, Postgraduate Student, Department of International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
diana.adzhba07@gmail.com

Abstract. Dual and/ multiple citizenship (bipatrimism and polypatrimism), which creates a large number of problems for states in various fields, makes it necessary to study traditional and modern trends in the legal regulation of these complex social phenomena. The objectives of the paper are determined by the need to identify the main directions of international and domestic practice regarding the content, legal features of regulation, as well as the political and legal consequences of bi- and polypatrimism. In the course of the analysis, attempts are made to compare, generalize the similarities and differences between the elements of the concepts of «dual» and «multiple»

© Аджба Д. Д., 2022

* Аджба Диана Демуровна, аспирант кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
diana.adzhba07@gmail.com

citizenship, as well as their differentiation. The paper discusses domestic and international legal regulation cases in the field of dual and multiple citizenship, as well as the practice of states in resolving the problems generated by these phenomena. The author makes a conclusion about the difficulties of an objective order in relation to the development of uniform approaches to measures to regulate dual and multiple citizenship on a wide international scale. This happens due to the presence in the law of various states of individual features of an ethnohistorical, sociocultural, religious and other nature that affect the current state of legal reality in this matter. Besides, there is a complex interweaving of negative and positive elements that make them up, and the corresponding general and particular consequences.

Keywords: international law; citizenship; bipatrim; polypatrim; double citizenship; multiple citizenship; second citizenship; conflict of citizenship laws; right of land; right of blood; treaties; diplomatic protection.

Cite as: Adzhba DD. Bi- i polipatrim v mezhdunarodnom prave [Bi- and Polypatrim in International Law]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(7):150-157. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.150-157. (In Russ., abstract in Eng.).

Институт гражданства начинает активно развиваться в конце XIX — начале XX в., основой чего выступают идеи национального единства и равноправия граждан. Особым подвидом в институте гражданства выступает двойное гражданство, возникновение которого порождает ряд проблем. Хотя ранее и представленное незначительными случаями, двойное гражданство имеет длительную историю, о чем свидетельствуют многочисленные исследования. Еще в античный период возникают прообразы двойного гражданства, а именно награждение гражданством в качестве благодарности за особые заслуги граждан других полисов, а также институт эпигамии, регламентировавший заключение браков между гражданами разных полисов¹.

Дальнейшее развитие двойное гражданство получает после Великой Французской революции, когда на первый план, сменяя доктрину верноподданства, выходит право лица свободно менять гражданство. Как бы то ни было, такой подход не получает широкого распространения среди государств. Негативное отношение к двойному гражданству, очевидно, оправдано тем спектром проблем, которые оно вызывает. Вдобавок ко всему государства, все еще оставаясь под влиянием традиционной доктрины «вечной верности» со стороны своих граждан,

с настороженностью относятся к двойным гражданам. Как пишет Спиро, ранние модели гражданства подразумевали личные отношения между индивидом и сувереном, уходящие корнями в законы природы и, следовательно, — вечные и непреложные². Действительно, концепция верноподданства подходила для существовавшего ранее экономического и социального порядка с ограниченной мобильностью. Однако сейчас, когда люди могут без былого труда сменить место жительства и передать свою фактическую верность другому государству, такая доктрина теряет свою актуальность. Как показывает практика, окончательно избавиться от этого явления только лишь с помощью внутригосударственных механизмов невозможно, что приводит государства в XX в. к активному поиску международно-правовых путей устранения негативных последствий бипатризма.

Государства воспринимают феномен двойного гражданства по-разному в зависимости от этнографических, культурных, политических, демографических и иных особенностей, отраженных в государственной политике в сфере гражданства. Несмотря на отсутствие прямого запрета на двойное или множественное гражданство в международном праве, что означает объективное их существование, государства тем не менее активно предпринимают попытки по

---

¹ Гаглоев О. Ф. Международно-правовое развитие двойного гражданства: историко-правовой аспект // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 3. С. 115–129. DOI: 10.12737/jflcl.2020.022. С. 117.

² Spiro P. J. Dual Nationality and the Meaning of Citizenship // 46 Emory L. J. 1997. P. 1419–1424.

тому или иному способу урегулирования этого явления.

Традиционно выступая объектом внутригосударственного права, гражданство тем не менее все активнее попадает под сферу действия международно-правовых норм, что в основном вызвано возникновением таких межгосударственных явлений, как безгражданство и двойное (множественное) гражданство. Принятие в XX в. ряда международных актов, расширивших компетенцию международного права в этой сфере, справедливо поставило вопрос о формировании «нового международного права гражданства». Тем не менее, по словам П. Спиро, это не означает всеобъемлющего регулирования гражданства только лишь международным правом. Внутригосударственные полномочия по этому вопросу все еще остаются приоритетными, но уже в пределах, заданных международно-правовыми рамками³.

В науке и практике преимущественно XX в. нередко применяется термин «множественное гражданство». При этом ни международные, ни внутригосударственные правовые акты не содержат четкого различия этих формулировок, зачастую используемых в качестве синонимов. Представляется недопустимым отождествление этих понятий или их различение по количественному признаку (наличие двух гражданств — двойное гражданство; более двух — множественное). Будучи частным случаем множественного гражданства, двойное гражданство, как ни странно, наряду с явлением безгражданства, предшествовало появлению более общего понятия — «множественное гражданство».

Устоявшаяся традиция дифференциации явлений «двойного» и «второго» гражданства позволяет проследить грань между двойным и множественным гражданством. Суть «второго» гражданства заключается в том, что государство как будто бы игнорирует наличие у своих граждан иного гражданства или гражданств, то есть рассматривает лицо только лишь в качестве

своего гражданина. Количество таких правовых связей с государствами фактически неограниченно. В случае, если государство признает второе гражданство своих граждан путем законодательного закрепления соответствующих норм или заключения двустороннего договора со страной иного гражданства, речь идет о таком правовом явлении, как двойное гражданство. Таким образом, двойное гражданство возникает при натурализации в иной стране с согласия или разрешения государства происхождения, тогда как множественное гражданство возникает без ведома государства. Делается вывод о необходимости разграничить ситуации, когда второе гражданство приобретает на легальной правовой основе, то есть при наличии соответствующей нормы закона или международного договора (двойное гражданство), и когда это происходит в обход или же без ведома государства (множественное гражданство).

При этом необходимо отметить, что двойное гражданство зачастую возникает в результате коллизии законов о гражданстве различных государств. Речь идет о применении принципов присвоения гражданства «право крови» (*jus sanguinis*) и «право почвы» (*jus soli*). Так, в случае рождения ребенка на территории государства, применяющего принцип «*jus soli*», он автоматически становится гражданином этой страны. В то же время если родители ребенка являются гражданами государства, придерживающегося принципа *jus sanguinis*, то ребенок также автоматически становится гражданином и этой страны.

Попытки устранить бипатризм международно-правовыми механизмами не увенчались успехом. Предложенный Комиссией международного права Организации Объединенных Наций механизм устранения двойного гражданства, состоящий в применении государствами при рождении лица единого принципа (*jus soli* либо *jus sanguinis*) в целях присвоения гражданства⁴, не представляется удачным ввиду его про-

³ Spiro P. J. A new International Law of Citizenship // American Journal of International Law. 2011. Т. 105. No 4. P. 710–715.

⁴ A/CN.4/84 Nationality Including Statelessness — Survey of the Problem of Multiple Nationality, by the Secretariat. Nationality including statelessness / Extract from the Yearbook of the International Law Commission: 1954. Vol. II // URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_84.pdf (дата обращения: 29.11.2021).

тиворечия уже устоявшейся международно-правовой норме, содержащейся в Гаагской конвенции, регулирующей некоторые вопросы, связанные с коллизией законов о гражданстве 1930 г., согласно которой «каждое государство само определяет в соответствии со своим законом, кто является его гражданином»⁵. Предлагаемые способы преобразования принципов натурализации вряд ли осуществимы на практике ввиду необходимости последующего кардинального изменения законов о гражданстве большинства стран, что даже звучит маловероятно.

Отмечая, что коллизия законов о гражданстве представляет собой лишь потенциальный источник двойного гражданства, российский правовед С. В. Черниченко тем не менее считает это явление юридической аномалией, способной препятствовать осуществлению общепризнанных принципов международного права, а именно принципа суверенного равенства государств в части реализации их суверенных прав в отношении своих граждан⁶. Эффективным способом урегулирования би- и полипатризма, по его мнению, выступает заключение двусторонних и многосторонних международных договоров, при этом многосторонние договоры — лишь для стран со сходными правовыми системами⁷. Действительно, универсальные международные договоры по данному вопросу не представляются эффективными по причине противоположности позиций государств относительно регулирования вопросов гражданства.

Межгосударственные браки, вызванные расширившимися миграционными процессами, также могут послужить причиной возникновения двойного гражданства. Возникшие в сере-

дине XX в. движения в защиту прав женщин подтолкнули государства отказываться от бытовавшей ранее традиции определять гражданство ребенка наряду с принципом «*jus soli*» гражданством отца ребенка⁸. Более того, с принятием 29 января 1957 г. Конвенции о гражданстве замужней женщины, вступая в брак с гражданином иного государства, женщины получили право сохранять гражданство происхождения и вступать в гражданство мужа в упрощенном порядке⁹. Все это повлекло еще большее распространение двойного гражданства.

К внутригосударственным причинам возникновения двойного или множественного гражданства можно отнести деятельность самих лиц, приобретающих иное гражданство, в том числе в нарушение законодательства государств (множественное гражданство), и целенаправленную государственную политику, выраженную в сознательном увеличении количества лиц с двойным гражданством путем привлечения граждан конкретных государств с целью сохранения исторических связей с родственными народами, сохранения влияния бывших метрополий на колонии или же дестабилизации международной обстановки. Примером может служить ситуация между Венгрией и Словакией, когда оба государства в 2010 г. приняли поправки к своим законам о гражданстве. Венгрия отменила требование о проживании для натурализации, дав тем самым возможность для натурализации этнических венгерских меньшинств в соседних государствах, в то время как Словакия заявила, что любой словацкий гражданин, добровольно приобретающий гражданство иностранного государства, будет

⁵ Конвенция, регулирующая некоторые вопросы, связанные с коллизией законов о гражданстве (12 апреля 1930 г.) // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900750> (дата обращения: 07.10.2021).

⁶ Курс международного права : в 7 т. / АН СССР, Институт государства и права ; редкол.: В. Н. Кудрявцев (гл. ред.) [и др.]. М. : Наука, 1989–1993. Т. 3 : Основные институты международного права / М. М. Аваков, М. М. Богуславский, В. А. Вадапалас [и др.] ; отв. ред. Н. А. Ушаков. 1990. С. 77.

⁷ Черниченко С. В. Международно-правовые вопросы гражданства. М. : Междунар. отношения, 1968. С. 109.

⁸ Hammar T. Dual Citizenship and Political Integration // International Migration Review. 1985. Vol. 19. No. 3. P. 443.

⁹ Конвенция о гражданстве замужней женщины (20 февраля 1957 г.) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/married_women_nationality.shtml (дата обращения: 29.11.2021).

лишен такового словацкого государства. Рейнер Баубёк утверждает, что, хотя оба закона и не нарушают международное право, они все же являются неприемлемыми с точки зрения демократической концепции гражданства¹⁰. Сама по себе ситуация порождает проблему скорее политическую, нежели правовую, тем не менее нужно признать, что политика Венгрии, нацеленная на укрепление связей с этническими венграми за рубежом, влечет увеличение случаев двойного гражданства.

Несмотря на негативное отношение большинства государств к би- и полипатризму, нельзя отрицать тех положительных последствий, которые создаются для самих граждан. Речь идет о дополнительных, возникающих наряду с сохранением культурных и иных связей с государством происхождения, гарантиях реализации и защиты прав и свобод лица, которыми наделяются граждане в случае обретения такого рода статуса. В некоторых случаях они могут пользоваться определенными правами только в одной стране, в то время как законодательство другой страны может их не предусматривать. Однако в этой связи возникает множество вопросов, связанных с тем, что, наряду с равными правами, на полипатридов также возлагаются и равные обязанности, такие как воинская служба, обязанность платить налоги и т.п. Тем не менее непризнание государством второго гражданства своих граждан при отсутствии двустороннего договора со страной второго гражданства выступает вполне правомерным явлением с точки зрения международного права:

Гаагской конвенцией 1930 г. установлено, что «лицо, обладающее одним или двумя гражданствами, может рассматриваться каждым государством, гражданином которого оно является, как его гражданин»¹¹.

На внутригосударственном и международном уровне выработаны способы борьбы с двойным и множественным гражданством, связанные с принятием правовых актов и направленные либо на ликвидацию би- и полипатризма, либо на борьбу с их последствиями. Хотелось бы отметить большую эффективность и действенность международно-правовых средств в решении этого вопроса, что связано с односторонним характером внутригосударственных норм, в первую очередь неспособных исключить случаи возникновения коллизий законов о гражданстве, а также зачастую неспособных отслеживать и, что немаловажно, учитывать изменения в национальных актах других стран.

К международным механизмам относится заключение международных договоров, направленных либо на предотвращение возникновения двойного (множественного) гражданства как такового, либо на урегулирование наиболее осложняющих его последствий. К первым можно отнести «Банкрофтовы договоры»¹², Европейскую конвенцию о сокращении числа случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства 1963 г.¹³, двусторонние договоры СССР с Монголией¹⁴, Румынией¹⁵, Польшей¹⁶, Чехословакией¹⁷ и Болгарией¹⁸ 1950–1960-х гг. и др. о предотвращении случаев двойного гражданства.

¹⁰ Bauböck R. (ed.). Dual citizenship for transborder minorities? How to respond to the Hungarian-Slovak tit-for-tat // EUI Working Paper RSCAS. 2010/75. P. 3.

¹¹ Конвенция, регулирующая некоторые вопросы, связанные с коллизией законов о гражданстве (12 апреля 1930 г.) // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900750> (дата обращения: 10.10.2021).

¹² Серия договоров, заключенных США в конце XIX в. с рядом государств и направленных на сокращение случаев двойного гражданства и возникающих на этой почве конфликтов.

¹³ Конвенция о сокращении числа случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства (6 мая 1963 г.) // URL: <https://base.garant.ru/4089709/> (дата обращения: 29.11.2021).

¹⁴ Конвенция между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Монгольской Народной Республики об урегулировании вопроса о гражданстве лиц с двойным гражданством (25 августа 1958 г.) // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901653> (дата обращения: 29.11.2021).

Советское законодательство довольно категорично относилось к бипатризму: Закон «О гражданстве СССР» запрещал гражданам Союза ССР состоять в гражданстве иностранного государства¹⁹. Такая позиция, очевидно, продиктованная правившей идеологией, стала основой для заключенных в последующем договорах об урегулировании ситуаций с двойным гражданством. Лицам, состоявшим в гражданстве обеих договаривающихся сторон, предоставлялась возможность самостоятельного выбора гражданства. В случае отсутствия письменного заявления о выборе одного из гражданств они автоматически считались лишь гражданами того государства, на территории которого проживали. Так, например, Конвенция между Правительством СССР и Правительством Социалистической Республики Румынии о разрешении и предотвращении возникновения случаев двойного гражданства закрепила намерение договорившихся государств «ликвидировать на основе добровольного выбора гражданства заинтересованными лицами имеющиеся случаи двойного гражданства, а также предотвратить возникновение случаев двойного гражданства в будущем»²⁰.

Вторая группа договоров содержит возможные пути устранения тех последствий двойного (множественного) гражданства, которые вызывают большое количество споров на практике. К ним можно отнести Европейскую конвенцию о гражданстве 1997 г., которая допускает сохранение множественного гражданства, приобретенного автоматически (по рождению или при вступлении в брак), и признает право участников разрешать возникновение множественного гражданства при натурализации²¹. Сюда же относятся двусторонние договоры о двойном гражданстве, направленные в основном на сохранение культурных, исторических связей с родственными народами. Так, Конституция Испании содержит следующее положение: «Государство может заключить договоры о двойном гражданстве с иберо-американскими странами или же со странами, имевшими или имеющими особые связи с Испанией. В этих странах, даже если они не признают за своими гражданами такого права на взаимной основе, испанцы могут натурализоваться без потери испанского гражданства»²². Начиная с середины прошлого века Испания заключила договоры о двойном

¹⁵ Конвенция между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Социалистической Республики Румынии о разрешении и предотвращении возникновения случаев двойного гражданства (28 июня 1978 г.) // URL: <http://base.garant.ru/2559065/> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁶ Конвенция между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Польской Народной Республики о предотвращении возникновения случаев двойного гражданства (31 марта 1965 г.) // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901695> (дата обращения: 29.11.2021).

¹⁷ Конвенция между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой об урегулировании вопроса о гражданстве лиц с двойным гражданством (5 октября 1957 г.) // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901474?section=text> (дата обращения: 29 ноября 2021 г.).

¹⁸ Конвенция между Союзом Советских Социалистических Республик и Народной Республикой Болгарией о предотвращении случаев возникновения двойного гражданства (12 декабря 1957 г.) // URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-575/49565 (дата обращения: 29.11.2021).

¹⁹ Закон СССР от 01.12.1978 № 8497-IX «О гражданстве СССР» // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=6821&req=doc#X1nY1fSmBGWYGciz> (дата обращения: 06.10.2021).

²⁰ Конвенция между Правительством СССР и Правительством Социалистической Республики Румынии о разрешении и предотвращении возникновения случаев двойного гражданства (Москва, 28 июня 1978 г.) // URL: <http://base.garant.ru/2559065/> (дата обращения: 10.10.2021).

²¹ Европейская конвенция о гражданстве (Страсбург, 6 ноября 1997 г.) // URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007f2f6> (дата обращения: 13.10.2021).

²² Конституция Королевства Испании от 27.12.1978 / Пер. Пере Романа. Посольство Королевства Испании в Российской Федерации, 1995 // URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/LAW/SPAIN.HTM> (дата обращения: 03.10.2021).

гражданстве с более чем 10 латиноамериканскими государствами.

Явление двойного гражданства представляет большой интерес для Российской Федерации, так как после развала СССР возникла необходимость в поддержании культурных связей разделившихся народов, что привело к конституционному признанию двойного гражданства. В то время на двойное гражданство возлагались большие надежды в части решения проблемы определения гражданства бывших граждан СССР. Предполагалось заключить серию договоров о двойном гражданстве с бывшими союзными республиками с целью защиты прав и свобод сотен тысяч соотечественников, оказавшихся не по своей воле в различных государствах. Тем не менее Российской Федерацией было заключено всего лишь два договора о двойном гражданстве — с Таджикистаном²³ и Туркменистаном²⁴. Подобные договоры определяют компетенцию сторон при реализации прав и обязанностей бипатридов.

В августе 2021 г. Президент РФ одобрил предварительный проект соглашения об урегулировании вопросов двойного гражданства с Южной Осетией. Следующая стадия — подписание соглашения соответствующими ведомствами сторон. В статье первой Соглашения говорится, что «граждане одной стороны вправе без отказа от имеющегося у них гражданства этой стороны приобретать гражданство другой стороны»²⁵. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой

Абхазия и Российской Федерацией содержит положение, позволяющее гражданам одной стороны «иметь гражданство другой стороны на условиях и в порядке, установленных законодательством стороны, гражданство которой приобретается»²⁶. В этом же документе говорится о намерении сторон заключить договор о двойном гражданстве. Соглашение на сегодняшний день не достигнуто — ведутся переговоры.

Двойное и множественное гражданство, таким образом, представляют собой сложные явления, сочетающие в себе набор как положительных, так и отрицательных качеств, что затрудняет их однозначную оценку с точки зрения как международного, так и внутригосударственного права конкретных государств. Как показывает практика, отношение к этим явлениям исторически изменчиво: если раньше большинство государств под воздействием доктрины верноподданства категорически отвергали возможность существования бипатризма, то определенные события минувших лет заставили пересмотреть свое отношение к этому правовому явлению. Тем не менее современным международным правом еще не выработаны единообразные меры по разрешению проблемы би- и полипатризма, поэтому вопрос дипломатической защиты, налогообложения, военной службы в таких случаях и сегодня является неразрешенным, требующим дальнейшего изучения с целью устранения всех пробелов в правовом регулировании.

²³ Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан об урегулировании вопросов двойного гражданства (7 сентября 1995 г.) // URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-288/47993 (дата обращения: 29.11.2021).

²⁴ Соглашение между Российской Федерацией и Туркменистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства (23 декабря 1993 г.) (не действует) // URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-391/48488 (дата обращения: 29.11.2021).

²⁵ Распоряжение Президента РФ от 04.08.2021 № 205-рп «О подписании Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия об урегулировании вопросов двойного гражданства» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202108040012> (дата обращения: 12.10.2021).

²⁶ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Абхазия (Москва, 17 сентября 2008 г.) (с изм. и доп.) // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-3/45526 (дата обращения: 13.10.2021).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Гаглоев О. Ф.* Международно-правовое развитие двойного гражданства: историко-правовой аспект // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2020. — № 3. — С. 115–129. — DOI: 10.12737/jflcl.2020.022.
2. Курс международного права : в 7 т. / АН СССР, Институт государства и права ; редкол.: В. Н. Кудрявцев (гл. ред.) [и др.]. — М. : Наука, 1989–1993. — Т. 3 : Основные институты международного права / [М. М. Аваков, М. М. Богуславский, В. А. Вадапалас [и др.]; отв. ред. Н. А. Ушаков]. — 1990. — ISBN 5 02-012942-9.
3. *Черниченко С. В.* Международно-правовые вопросы гражданства. — М. : Междунар. отношения, 1968. — 160 с.
4. *Bauböck R.* (ed.). Dual citizenship for transborder minorities? How to respond to the Hungarian-Slovak tit-for-tat // EUI Working Paper RSCAS. — 2010/75.
5. *Hammar T.* Dual Citizenship and Political Integration // International Migration Review. — 1985. — Vol. 19. — No. 3.
6. *Spiro P. J.* A new International Law of Citizenship // American Journal of International Law. — 2011. — Т. 105. — No. 4.
7. *Spiro P. J.* Dual Nationality and the Meaning of Citizenship // 46 Emory L. J. — 1997.

Материал поступил в редакцию 19 октября 2021 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gagloev O. F. Mezhdunarodno-pravovoe razvitie dvojnogo grazhdanstva: istoriko-pravovoj aspekt // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya. — 2020. — № 3. — S. 115–129. — DOI: 10.12737/jflcl.2020.022.
2. Kurs mezhdunarodnogo prava: v 7 t. / AN SSSR, Institut gosudarstva i prava; redkol.: V. N. Kudryavcev (gl. red.) [i dr.]. — M.: Nauka, 1989–1993. — T. 3: Osnovnye instituty mezhdunarodnogo prava / [M. M. Avakov, M. M. Boguslavskij, V. A. Vadapalas [i dr.]; отв. ред. Н. А. Ушаков]. — 1990. — ISBN 5 02-012942-9.
3. Chernichenko S. V. Mezhdunarodno-pravovye voprosy grazhdanstva. — M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1968. — 160 s.
4. Bauböck R. (ed.). Dual citizenship for transborder minorities? How to respond to the Hungarian-Slovak tit-for-tat // EUI Working Paper RSCAS. — 2010/75.
5. Hammar T. Dual Citizenship and Political Integration // International Migration Review. — 1985. — Vol. 19. — No. 3.
6. Spiro P. J. A new International Law of Citizenship // American Journal of International Law. — 2011. — Т. 105. — No. 4.
7. Spiro P. J. Dual Nationality and the Meaning of Citizenship // 46 Emory L. J. — 1997.

Вопросы, связанные с культурным наследием, в практике Суда Европейского Союза

Аннотация. Научная статья посвящена исследованию практики Суда Европейского Союза по делам, касающимся культурного наследия. Автор выделяет важные аспекты, связанные с компетенцией в данной сфере рассматриваемого судебного учреждения и Европейского Союза в целом, называет вопросы, по которым в Суд Европейского Союза возможно обратиться для обеспечения охраны культурного наследия, очерчивает тематическую направленность связанных с культурным наследием дел, рассмотренных данным судебным учреждением, выделяет роли культурного наследия, нашедшие отражение в практике Суда Европейского Союза. Автор подробно останавливается на вопросах столкновения перед рассматриваемым судебным учреждением экономических интересов (в частности, интересов свободы движения товаров) и соображений культуры, в том числе охраны культурного наследия. Предпринимается попытка толкования отдельных положений занимающей центральное место в данном контексте ст. 36 Договора о функционировании Европейского Союза. На примере конкретных дел, рассмотренных Судом Европейского Союза, отмечается его давняя скептическая позиция в отношении основанных на вопросах культуры отступлений от правил о едином рынке, не сильно изменившаяся под влиянием нововведений в области культуры Маастрихтского договора 1992 г. и Амстердамского договора 1997 г. Делается вывод, что в случае противостояния перед Судом Европейского Союза национальных соображений охраны культурного наследия и интересов единого рынка Европейского Союза, в частности свободы движения товаров, данное судебное учреждение склонно отдавать приоритет именно рассматриваемым экономическим интересам данного интеграционного объединения.

Ключевые слова: культурное наследие; культурные ценности; национальные сокровища; Европейский Союз; Суд Европейского Союза; Европейский Суд; внутренний рынок; единый рынок; общий рынок; свобода движения товаров.

Для цитирования: Гибадуллин Т. Д. Вопросы, связанные с культурным наследием, в практике Суда Европейского Союза // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 7. — С. 158–167. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.158-167.

© Гибадуллин Т. Д., 2022

* Гибадуллин Тимур Дамирович, аспирант кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета
Кремлевская ул., д. 18, г. Казань, Республика Татарстан, Россия, 420008
tdgibadullin@gmail.com

Issues related to Cultural Heritage in the Practice of the Court of Justice of the European Union

Timur D. Gibadullin, Postgraduate Student, Department of International and European Law, Kazan (Volga Region) Federal University
ul. Kremlevskaya, d. 18, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420008
tdgibadullin@gmail.com

Abstract. The paper is devoted to the study of the Court of Justice of the European Union practice on cases related to cultural heritage. The author highlights important aspects connected with the judicial institution jurisdiction in this area and the European Union as whole, names the issues on which it is possible to apply to the Court of Justice of the European Union to ensure the protection of cultural heritage. The author also outlines the thematic focus of cases related to cultural heritage considered by this judicial institution, highlights the roles of cultural heritage reflected in the practice of the Court of Justice of the European Union. The author dwells upon the issues of conflict before the judicial institution under consideration of economic interests (in particular, the interests of freedom of movement of goods) and cultural considerations, including the protection of cultural heritage. An attempt is made to interpret certain provisions of Art. 36 of the Treaty on the Functioning of the European Union, which is central in this context. Case studies from the Court of Justice of the European Union illustrate its long-standing skepticism about culturally based derogations from the single market, which has not changed much in the wake of the cultural innovations of the 1992 Maastricht Treaty and the 1997 Treaty of Amsterdam. The author concludes that in the event of a confrontation before the Court of the European Union between national considerations for the protection of cultural heritage and the interests of the single market of the European Union, in particular the freedom of movement of goods, this judicial institution tends to give priority to the considered economic interests of this integration association.

Keywords: cultural heritage; cultural values; national treasures; European Union; Court of Justice of the European Union; European Court; domestic market; single market; Common Market; freedom of movement of goods.

Cite as: Gibadullin TD. Voprosy, svyazannye s kulturnym naslediem, v praktike Suda Evropeyskogo Soyuza [Issues related to Cultural Heritage in the Practice of the Court of Justice of the European Union]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(7):158-167. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.158-167. (In Russ., abstract in Eng.).

Международное сообщество достаточно давно осознало необходимость охраны культурного наследия. Соответствующие вопросы, а также проблемы, касающиеся развития бесценного культурного достояния человечества и его передачи будущим поколениям, уже долгое время не перестают находиться на международной повестке. При этом одну из главных ролей в обеспечении охраны рассматриваемых объектов и проявлений, безусловно, играют правовые меры. Начиная с XIX в. на международном уровне принят большой массив соответствующих правовых актов как обязательного, так и рекомендательного характера.

Параллельно с этим в международном сообществе протекают процессы региональной

интеграции. Говоря о них, нельзя не упомянуть, в частности, такое уникальное наднациональное и интеграционное объединение, как Европейский Союз (далее также — ЕС; Союз). Что интересно, несмотря на его изначальную преимущественно экономическую ориентацию, деятельность ЕС еще со времен Европейского экономического сообщества неизменно касалась в том числе и вопросов культуры и культурного наследия, по крайней мере в их экономическом измерении. Даже в Договор об учреждении Европейского экономического сообщества 1957 г. (далее — Договор о ЕЭС) с самого начала была включена норма, затрагивающая охрану «национальных сокровищ, имеющих художественную, историческую или археологическую ценность»¹. Более того, позд-

---

¹ Treaty Establishing the European Economic Community (25 March 1957) // U.N.T.S. 1958. Vol. 298. P. 3. Art. 36.

нее, в Маастрихтском договоре 1992 г., вопросы культуры были формально введены в компетенцию Союза².

Однако необходимо понимать, что для эффективной правовой охраны культурного наследия лишь принятия соответствующих норм недостаточно. Важно, чтобы существовало эффективное правоприменение, и одно из важнейших мест в этом отношении занимают суды. В рамках же ЕС в рассматриваемом контексте особое значение имеет Суд Европейского Союза как один из институтов данного интеграционного объединения, в сущности выступающий, по словам его нынешнего председателя Куна Ленарта, в качестве одновременно конституционного и верховного суда Союза³. Таким образом, практика данного судебного учреждения по делам, касающимся культурного наследия, заслуживает повышенного внимания.

Для исследования этой практики представляется необходимым в первую очередь выделить некоторые аспекты, связанные с компетенцией Суда ЕС и Союза в целом.

Первым таким аспектом является вспомогательный характер компетенции Союза в сфере культуры по отношению к культурной политике его государств-членов⁴. Однако это не исключает возможности оказания влияния, в частности, Судом ЕС на эту политику. Дело в том, что в основе функционирования ЕС как наднационального и интеграционного объединения

лежит ряд норм его первичного права (в том числе устанавливающих свободу движения лиц, товаров, услуг и капитала⁵) и между ними и национальными нормами по охране культурного наследия могут возникать коллизии. Суд ЕС, в свою очередь, обладает компетенцией по охране упомянутых четырех свобод, что является вторым ключевым моментом⁶ для обозначения контекста исследования, отраженного в настоящей научной статье.

Переходя непосредственно к практике рассматриваемого судебного учреждения по делам, касающимся культурного наследия, нужно сказать, что для обеспечения охраны последнего в Суд ЕС можно обратиться по целому ряду вопросов. Так, если говорить о свободе движения товаров, в данное судебное учреждение возможно направить преюдициальный запрос, касающийся толкования соответствующих связанных с этой свободой правовых актов Союза, затрагивающих также культурное наследие, — например, Регламента Совета Европейского Союза (ЕС) № 116/2009 от 18.12.2008 об экспорте культурных ценностей⁷ или Регламента (ЕС) 2019/880 Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 17.04.2019 о введении и импорте культурных ценностей⁸.

Кроме того, Суд ЕС возможно просить установить баланс между интересом по охране культурного наследия (в том числе по его возвраще-

² Treaty on European Union (7 February 1992) // The Official Journal of the European Communities. C series. 29.07.1992. No. 191. P. 1–112. Title II. Art. G(37).

³ *Lenaerts K.* The European Court of Human Rights and the Court of Justice of the European Union: Creating Synergies in the Field of Fundamental Rights Protection // *Il Diritto dell'Unione Europea*. 2018. Vol. 1.

⁴ Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union // The Official Journal of the European Union. C series. 07.06.2016. No. 202. P. 47–360. Art. 6(c).

⁵ Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union. Art. 26.

⁶ *Bieczyński M.* The 'Right to Cultural Heritage' in the European Union: A Tale of Two Courts // *Cultural Heritage in the European Union: A Critical Inquiry into Law and Policy* / ed. by A. Jakubowski, K. Hausler, F. Fiorentini. Leiden; Boston : Brill Nijhoff, 2019. P. 122.

⁷ Council Regulation (EC) No. 116/2009 of 18 December 2008 on the export of cultural goods (Codified version) // The Official Journal of the European Union. L series. 10.02.2009. No. 39. P. 1–7.

⁸ Regulation (EU) 2019/880 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on the introduction and the import of cultural goods // The Official Journal of the European Union. L series. 07.06.2019. No. 151. P. 1–14 ; *Chechi A.* The Settlement of International Cultural Heritage Disputes. Oxford : Oxford University Press, 2014. P. 160.

нию) и интересом по содействию культурным обменам, который преследуется национальными законами, предусматривающими иммунитет от конфискации культурного наследия, временно ввезенного на условиях аренды из-за границы⁹.

Помимо этого, в соответствии со ст. 36 Договора о функционировании Европейского Союза (далее — ДФЕС) государства-члены могут запрещать или ограничивать импорт, экспорт или транзит товаров в числе прочего по соображениям охраны «национальных сокровищ», которые обладают исторической, художественной или археологической ценностью. Соответственно, в Суд ЕС возможно обратиться для определения законности мер, являющихся отступлением от свободы движения товаров, которые принимаются государствами-членами на основании данной статьи¹⁰.

Обращаясь к конкретным постановлениям и решениям обсуждаемого судебного учреждения, стоит отметить, что оно затрагивало вопросы культурного наследия при рассмотрении самых разнообразных дел. Данные дела касались, например, поощрения языкового разнообразия Союза в условиях информационного общества¹¹, дискриминации в доступе к культуре (общественным памятникам) на основании национальности¹², гармонизации некоторых

аспектов авторского права и связанных прав в информационном обществе¹³, свободы движения капитала¹⁴.

Кроме того, в том числе на основании упомянутых дел возможно выделить следующие роли культурного наследия, нашедшие отражение в практике Суда ЕС:

- отдельная сфера деятельности в контексте вспомогательной компетенции Союза по вопросам культуры во внешних сношениях¹⁵;
- ориентир для исследования влияния деятельности и политики государств — членов ЕС на окружающую среду¹⁶;
- элемент, дифференцирующий правовое регулирование тех или иных отношений (например, налоговых)¹⁷;
- причина отступления от норм, устанавливающих свободу движения товаров¹⁸.

В продолжение обсуждения последнего пункта нужно сказать, что в значительном количестве дел Суд ЕС рассматривал, какой уровень культурного интереса необходимо продемонстрировать государству-члену для такого ограничения свободы движения товаров¹⁹. При этом следует отметить, что правовая основа этого ограничения, то есть положения ст. 36 ДФЕС о соображениях охраны «национальных сокровищ», обладающих исторической, художественной или археологической ценностью,

⁹ *Cechi A.* Op. cit. P. 76–81, 160.

¹⁰ *Cechi A.* Op. cit. P. 160.

¹¹ *European Parliament v. Council of the European Union (Case C-42/97): Judgment of the Court of 23 February 1999 // European Court Reports. 1999. P. I-00869.*

¹² *Commission of the European Communities v. Italian Republic (Case C-388/01): Judgment of the Court (Sixth Chamber) of 16 January 2003 // European Court Reports. 2003. P. I-00721.*

¹³ *Laserdisken ApS v. Kulturministeriet (Case C-479/04): Judgment of the Court (Grand Chamber) of 12 September 2006 // European Court Reports. 2006. P. I-08089.*

¹⁴ *Staatssecretaris van Economische Zaken and Staatssecretaris van Financiën v. Q. (Case C-133/13): Judgment of the Court (Second Chamber) of 18 December 2014. ECLI:EU:C:2014:2460 ; *Bieczyński M.* Op. cit. P. 123.*

¹⁵ *Portuguese Republic v. Council of the European Union (Case C-268/94): Judgment of the Court of 3 December 1996 // European Court Reports. 1996. P. I-06177.*

¹⁶ *European Commission v. Kingdom of Spain (Case C-404/09): Judgment of the Court (Fourth Chamber) of 24 November 2011 // European Court Reports. 2011. P. I-11853.*

¹⁷ *Staatssecretaris van Economische Zaken and Staatssecretaris van Financiën v. Q (Case C-133/13).*

¹⁸ *Commission of the European Communities v. Italian Republic (Case 7–68): Judgment of the Court of 10 December 1968 // European Court Reports. English special edition. 1968. P. 00423 ; *Bieczyński M.* Op. cit. P. 123.*

¹⁹ *Bieczyński M.* Op. cit. P. 123.

до конца истолкована рассматриваемым судебным учреждением не была²⁰.

Предпринимая попытку дать такое толкование, можно обратиться к практике Суда ЕС, касающейся других закрепленных в ст. 36 ДФЕС оснований отступления от запрета ограничивать импорт, экспорт или транзит товаров (например, соображений общественной морали, охраны здоровья и жизни людей и животных или сохранения растений и т. д.). Данная практика показывает, что национальные меры, предполагающие отступление от фундаментальной нормы Договора ЕС, подлежат ограничительному толкованию, то есть в том числе не охватывают цели, прямо в них не названные²¹. Ввиду вышесказанного можно сделать вывод, что соображения охраны «национальных сокровищ», о которых говорится в ст. 36 ДФЕС, предполагают мотивы охраны не любого культурного наследия, а лишь культурных объектов, имеющих значительную связь с нацией²², являющихся основополагающим и важнейшим элементом как художественного достояния нации²³, так и ее культурного наследия в целом²⁴. При этом рыночная стоимость таких объектов не должна иметь значения²⁵.

Следует отметить, что поддержку данной точки зрения можно обнаружить и в актах ЕС, например, в Сообщении Европейской комиссии Совету Европейского Союза об охране национальных сокровищ, имеющих художественную, историческую или археологическую ценность 1989 г.²⁶

Существует и иное мнение: в литературе указывается, что в части определения своих «на-

циональных сокровищ» и их правовой охраны свобода усмотрения государств должна быть, наоборот, очень широкой, а судебный контроль Союза должен ограничиваться осуждением явных злоупотреблений, не предполагая вмешательства в иных случаях²⁷. Представляется, что и данная точка зрения не лишена оснований — хотя бы потому, что компетенция ЕС в сфере культуры носит лишь вспомогательный характер.

Ярким примером дела, в котором государство-член ссылалось на ст. 36 ДФЕС, является «Комиссия Европейских сообществ против Итальянской Республики»²⁸. Постановление Суда ЕС по нему также наглядно иллюстрирует давнюю тенденцию: при столкновении перед данным судебным учреждением экономических и культурных интересов Суд ЕС обычно ставит первые выше вторых.

Рассматриваемое дело касалось сохранения Италией налога на экспорт объектов, представляющих художественный, исторический, археологический или этнографический интерес, в то время как ст. 16 Договора о ЕЭС, относящаяся к нормам данного Договора о таможенном союзе государств — членов Европейского экономического сообщества, обязывала эти государства отменить между собой таможенные пошлины на экспорт и равнозначные сборы.

Италия (ответчик) заявила, что ввиду охвата законом, предусматривающим упомянутый налог, лишь особой категории товаров, которая не может быть приравнена к «изделиям общего назначения» или «потребительским товарам», к

²⁰ *Cechi A.* Op. cit. P. 160.

²¹ *Cechi A.* Op. cit. P. 160.

²² *Cechi A.* Op. cit. P. 160.

²³ См.: *Graziadei M., Pasa B.* The Single European Market and Cultural Heritage: The Protection of National Treasures in Europe // *Cultural Heritage in the European Union: A Critical Inquiry into Law and Policy.* P. 94.

²⁴ *Graziadei M., Pasa B.* Op. cit. P. 94.

²⁵ *Cechi A.* Op. cit. P. 160.

²⁶ Communication from the Commission to the Council on the protection of national treasures possessing artistic, historic or archaeological value: Needs arising from the abolition of frontiers in 1992. EC Doc. COM 89(594) final. 22 November 1989 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/PDF/?uri=CELEX:51989DC0594&from=EN> (дата обращения: 11.12.2021).

²⁷ Привод. по: *Cechi A.* Op. cit. P. 160–161.

²⁸ *Commission of the European Communities v. Italian Republic (Case 7–68).*

данной особой категории не применяются положения Договора о ЕЭС об «обычных товарах»²⁹, то есть в том числе ст. 16. Кроме того, в качестве обоснования отсутствия нарушения данной статьи ответчик указал на то, что ст. 36 упомянутого Договора (сейчас это статья 36 ДФЕС) предусматривает возможность введения ограничительных мер в целях охраны культурного наследия³⁰.

В своем постановлении по данному делу Суд ЕС сослался на ст. 9 Договора об учреждении ЕЭС 1957 г., согласно которой лежащий в основе ЕЭС таможенный союз охватывает обмен всеми товарами. Далее данное судебное учреждение интерпретировало товары как объекты, имеющие денежную стоимость и способные быть предметом коммерческих сделок³¹. Ввиду этого Суд ЕС постановил, что и культурное наследие, налог на экспорт которого так и не отменила Италия, подпадает под вышеприведенное определение товаров, а значит, в том числе статья 16 Договора о ЕЭС к нему применима³². Кроме того, данное судебное учреждение решило, что статья 36 этого Договора нерелевантна для рассматриваемого дела, так как она допускает лишь количественные ограничения, в то время

как в обсуждаемом деле шла речь о налоге на экспорт³³.

В целом на основании рассматриваемого постановления Суда ЕС можно сделать вывод, что с точки зрения свободы движения товаров данное судебное учреждение не проводило различия между объектами культурного наследия и обычными коммерческими товарами³⁴.

Скептическая позиция Суда ЕС в отношении основанных на вопросах культуры отступлений от правил об общем рынке сохранилась и в его более поздней практике³⁵. Приоритетность нормального функционирования общего рынка ЕС была обозначена данным судебным учреждением в таких делах, как «Королевский прокурор против Бенуа и Гюстава Дассонвилей»³⁶, «Rewe-Zentral AG против Федерального управления монополии на спиртные напитки»³⁷, «Комиссия Европейских сообществ против Федеративной Республики Германия»³⁸. Кроме того, например, в важной серии дел³⁹, касавшихся деятельности гидов⁴⁰, Суд ЕС постановил, что установление для тех из них, кто сопровождает туристов из других государств-членов, требования получить соответствующую лицензию является наруше-

²⁹ Commission of the European Communities v. Italian Republic (Case 7–68). P. 00426.

³⁰ Commission of the European Communities v. Italian Republic (Case 7–68). P. 00427.

³¹ Commission of the European Communities v. Italian Republic (Case 7–68). P. 00428.

³² Commission of the European Communities v. Italian Republic (Case 7–68). P. 00429.

³³ Commission of the European Communities v. Italian Republic (Case 7–68). P. 00430.

³⁴ *Bieczyński M.* Op. cit. P. 124.

³⁵ *Bieczyński M.* Op. cit. P. 124.

³⁶ Procureur du Roi v. Benoît and Gustave Dassonville (Case 8–74): Judgment of the Court of 11 July 1974 // European Court Reports. 1974. P. 00837.

³⁷ Rewe-Zentral AG v. Bundesmonopolverwaltung für Branntwein (Case 120/78): Judgment of the Court of 20 February 1979 // European Court Reports. 1979. P. 00649.

³⁸ Commission of the European Communities v. Federal Republic of Germany (Case 178/84): Judgment of the Court of 12 March 1987 // European Court Reports. 1987. P. 01227. См.: *Shi J.* Free Trade and Cultural Diversity in International Law. Oxford : Hart Publishing, 2013. P. 227.

³⁹ *Psychogiopoulou E.* Cultural Heritage and the EU: Legal Competences, Instrumental Policies, and the Search for a European Dimension // Cultural Heritage in the European Union: A Critical Inquiry into Law and Policy. P. 59–60.

⁴⁰ Commission of the European Communities v. French Republic (Case C-154/89): Judgment of the Court of 26 February 1991 // European Court Reports. 1991. P. I-00659 ; Commission of the European Communities v. Italian Republic (Case C-180/89): Judgment of the Court of 26 February 1991 // European Court Reports. 1991. P. I-00709 ; Commission of the European Communities v. Hellenic Republic (Case C-198/89): Judgment of the Court of 26 February 1991 // European Court Reports. 1991. P. I-00727.

нием статьи 59 Договора о ЕЭС, касавшейся свободы предоставления услуг. Можно сказать, что рассматриваемое судебное учреждение таким образом установило необходимость режима повышенной конкуренции в сфере услуг в области культуры⁴¹.

При этом стоит отметить, что постановления Суда ЕС по рассматриваемой серии дел внесли определенный вклад в развитие охраны культурного наследия на уровне Союза. В них данное судебное учреждение указало, что общие интересы «сохранения национального исторического и художественного наследия»⁴², «должного признания художественного и археологического наследия страны»⁴³, «должного признания мест и объектов, представляющих исторический интерес, и максимально широкого распространения знаний о художественном и культурном наследии страны»⁴⁴ могут служить основанием ограничения свободы предоставления услуг.

Интересно, что практика Суда ЕС по делам, касающимся сферы культуры, не сильно изменилась, сохранив в себе уклон в сторону защиты экономических интересов и после вступления в силу Маастрихтского договора⁴⁵, добавившего в Договор о ЕЭС (переименованный в Договор об учреждении Европейского сообщества⁴⁶) статью 128 (на данный момент статья 167 ДФЕС), которая наделила Союз формальной культурной компетенцией⁴⁷. Согласно данной статье ЕС не только должен «содействовать расцвету культур государств-членов ... выдвигая на первый план

общее культурное наследие»⁴⁸, но также его деятельность должна быть направлена на поощрение сотрудничества государств-членов и, если существует такая необходимость, на поддержку и дополнение их деятельности в том числе в сфере сохранения и защиты культурного наследия, имеющего общеевропейское значение⁴⁹. Кроме того, Союз стал обязан учитывать культурные аспекты в своей деятельности, осуществляемой на основании иных положений Договоров⁵⁰.

Вместе с тем данные новые перспективы все же нашли определенное отражение в важном мнении генерального адвоката Уолтера ван Гервена по делу «Федерация дистрибуторов кинопродукции против Испании и Союза продюсеров кино и телевидения»⁵¹. В данном мнении генеральный адвокат предположил, что после вступления Маастрихтского договора в силу (которое произошло менее чем через год после вынесения рассматриваемого мнения) большая роль культурного наследия для Союза станет еще более значительной, и процитировал упомянутые выше положения на тот момент новой статьи 128. В частности, У. ван Гервен обратил внимание на то, что содействие расцвету культур государств-членов, как задание ЕС в соответствии с данной статьей, Союз должен осуществлять в том числе выдвигая на первый план общее культурное наследие. Кроме того, генеральный адвокат указал на положение ст. 128 о необходимости для ЕС учитывать культурные аспекты в деятельности, которая осуще-

⁴¹ Craufurd Smith R. *Europe // The Oxford Handbook of International Cultural Heritage Law / ed. by F. Francioni, A. F. Vrdoljak. Oxford : Oxford University Press, 2020. P. 925.*

⁴² Commission of the European Communities v. Italian Republic (Case C-180/89). Para. 20.

⁴³ Commission of the European Communities v. Hellenic Republic (Case C-198/89). Para. 21.

⁴⁴ Commission of the European Communities v. French Republic (Case C-154/89). Para. 17.

⁴⁵ Shi J. *Op. cit.* P. 228.

⁴⁶ Treaty establishing the European Community // The Official Journal of the European Communities. C series. 31.08.1992. No. 224. P. 6–79.

⁴⁷ Treaty on European Union (1992). Title II. Art. G(37).

⁴⁸ Treaty establishing the European Community (Consolidated version 1992). Art. 128(1).

⁴⁹ Treaty establishing the European Community (Consolidated version 1992). Art. 128(2).

⁵⁰ Treaty establishing the European Community (Consolidated version 1992). Art. 128(4).

⁵¹ Federación de Distribuidores Cinematográficos v. Estado Español and Unión de Productores de Cine y Televisión (Case C-17/92): Opinion of Mr. Advocate General Van Gerven delivered on 18 February 1993 // European Court Reports. 1993. P. I-02239.

ствляется им в соответствии с другими нормами Договора⁵².

Важным представляется и следующий вывод У. ван Гервена, сделанный на основании анализа практики Суда ЕС. Согласно ему в соответствующих случаях «преобладающие соображения общих интересов», признаваемые правом Союза и оправдывающие определенные ограничения свободы движения лиц, товаров или услуг, могут служить основанием для некоторых национальных охранных правовых мер в рамках культурной политики. К таким «преобладающим соображениям общих интересов», в свою очередь, генеральный адвокат относит охрану, распространение и развитие собственного культурного наследия государства-члена или культурного наследия соответствующего региона — в плюралистическом контексте и в качестве компонента общего культурного наследия государств-членов⁵³.

Более того, У. ван Гервен даже высказался о существовании возможности распространения такого основания ограничения свободы движения товаров, содержащегося в ст. 36 Договора о ЕЭС, как соображения охраны национальных сокровищ, имеющих художественную, историческую или археологическую ценность, *по аналогии* на национальные меры, касающиеся оказания услуг (здесь нужно отметить, что рассматриваемое мнение У. ван Гервена было вынесено по делу, касающемуся оказания услуг). Генеральный адвокат особо отметил, что применение подобной аналогии закона находит

поддержку не только в правовой доктрине, но и в практике Суда ЕС и других мнениях генеральных адвокатов⁵⁴.

Однако, несмотря на все вышесказанное и в целом на то, что в последовавших за вступлением в силу Маастрихтского договора соответствующих постановлениях и решениях рассматриваемого судебного учреждения невозможно было абсолютно не учитывать ст. 128 Договора об учреждении Европейского сообщества, все равно трудно говорить о каких-либо существенных изменениях в практике Суда ЕС по делам, касающимся культурного наследия, даже после вступления в силу Маастрихтского договора в 1993 г.⁵⁵

Нужно сказать, что Амстердамским договором 1997 г.⁵⁶ в ст. 128 была внесена поправка. В соответствии с данным документом упомянутая статья Договора об учреждении Европейского сообщества стала статьей 151⁵⁷, а ее пункт 4, где говорится о необходимости для Союза учитывать культурные аспекты в своей деятельности, осуществляемой на основании иных положений Договоров (то есть не ст. 151), был дополнен. Теперь ЕС должен делать это «в частности, с целью обеспечить уважение и поощрение разнообразия... [своих] культур»⁵⁸.

Представляется, что обновленный пункт 4, являющийся на данный момент уже пунктом 4 ст. 167 ДФЕС, стал обладать определенным потенциалом в части гармонизации норм об общем рынке и о национальной политике в сфере культуры⁵⁹. Можно сказать, что упомянутым допол-

⁵² Federación de Distribuidores Cinematográficos v. Estado Español and Unión de Productores de Cine y Televisión (Case C-17/92). Para. 22.

⁵³ Federación de Distribuidores Cinematográficos v. Estado Español and Unión de Productores de Cine y Televisión (Case C-17/92). Para. 26.

⁵⁴ Federación de Distribuidores Cinematográficos v. Estado Español and Unión de Productores de Cine y Televisión (Case C-17/92). Para. 27 ; *Bieczyński M.* Op. cit. P. 126.

⁵⁵ *Bieczyński M.* Op. cit. P. 126.

⁵⁶ Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts // The Official Journal of the European Communities. C series. 10.11.1997. No. 340. P. 1–144.

⁵⁷ Treaty of Amsterdam. Art. 12 ; Annex. Tables of equivalences referred to in Article 12 of the Treaty of Amsterdam.

⁵⁸ Treaty of Amsterdam. Art. 2(25).

⁵⁹ См.: *Cunningham C. B.* In Defense of Member State Culture: The Unrealized Potential of Article 151(4) of the EC Treaty and the Consequences for EC Cultural Policy // Cornell International Law Journal. 2001. Vol. 34. No 1.

нением, сделанным Амстердамским договором, был открыт путь для новых компромиссов между защитой Союзом своих экономических интересов и охраной государствами-членами своего культурного наследия⁶⁰. Думается, что пункт 4 можно было бы рассматривать как общее «культурное» изъятие из свободы торговли в Союзе.

Однако в таком качестве Суд ЕС обсуждаемую норму применительно к делам, связанным с культурным наследием, рассматривать не начал⁶¹. Более того, в делах, касающихся вопросов культуры и культурного наследия, он редко обращался к рассматриваемому правилу, а когда всё же делал это, то не наделял его большим весом⁶².

Таким образом, кардинальных изменений в практике Суда ЕС по делам, касающимся культурного наследия, не последовало и после вступления в силу Амстердамского договора⁶³.

Делая общий вывод на основании проведенного исследования, необходимо отметить, что

одним из наиболее острых вопросов, касающихся рассмотрения Судом ЕС дел, связанных с культурным наследием, является проблема соотношения национальных соображений его охраны и интересов единого рынка Союза, в частности свободы движения товаров. В случае противостояния этих соображений данное судебное учреждение склонно отдавать приоритет именно рассматриваемым экономическим интересам ЕС.

В то же время нельзя не отметить, что само культурное наследие может во многом способствовать данным интересам и это давно признается институтами Союза⁶⁴. В связи с этим нам видится, что и Суду ЕС следует проявлять большую заботу о сохранении «национальных сокровищ» и, в частности, придавать в своей практике больший вес ст. 167 ДФЕС. Особенно это касается ее п. 4, обладающего, несомненно, большим потенциалом для целей нахождения компромисса между двумя рассмотренными интересами.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Bieczyński M.* The 'Right to Cultural Heritage' in the European Union: A Tale of Two Courts // *Cultural Heritage in the European Union: A Critical Inquiry into Law and Policy* / ed. by A. Jakubowski, K. Hausler, F. Fiorentini. — Leiden; Boston : Brill Nijhoff, 2019. — P. 113–140.
2. *Chechi A.* *The Settlement of International Cultural Heritage Disputes.* — Oxford : Oxford University Press, 2014. — xxx, 343 p.

⁶⁰ *Bieczyński M.* Op. cit. P. 127–128.

⁶¹ *Cunningham C. B.* Op. cit. P. 150.

⁶² *Cunningham C. B.* Op. cit. P. 123.

⁶³ *Bieczyński M.* Op. cit. P. 127.

⁶⁴ См., например: Stronger Community action in the cultural sector. Communication from the Commission to the Council and Parliament, transmitted on 12 October 1982 // *Bulletin of the European Communities.* Luxembourg : Office for Official Publications of the European Communities, 1983. Supplement 6/82. Para. 19 ; Decision No. 2228/97/EC of the European Parliament and of the Council of 13 October 1997 establishing a Community action programme in the field of cultural heritage (the Raphael programme) // *The Official Journal of the European Communities.* L series. 08.11.1997. No. 305. P. 31–38. Preamble. Recital 5 ; Art. 4 ; Decision No. 1194/2011/EU of the European Parliament and of the Council of 16 November 2011 establishing a European Union action for the European Heritage Label // *The Official Journal of the European Union.* L series. 22.11.2011. No. 303. P. 1–9. Preamble. Recital 9 ; Regulation (EU) No. 1295/2013 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2013 establishing the Creative Europe Programme (2014 to 2020) and repealing Decisions No. 1718/2006/EC, No. 1855/2006/EC and No. 1041/2009/EC // *The Official Journal of the European Union.* L series. 20.12.2013. No. 347. P. 221–237. Preamble. Recital 20 ; Art. 5(1) ; Decision (EU) 2017/864 of the European Parliament and of the Council of 17 May 2017 on a European Year of Cultural Heritage (2018) // *The Official Journal of the European Union.* L series. 20.05.2017. No. 131. P. 1–9. Art. 2.

3. Craufurd Smith R. Europe // The Oxford Handbook of International Cultural Heritage Law / ed. by F. Francioni, A. F. Vrdoljak. — Oxford : Oxford University Press, 2020. — P. 908–930.
4. Cunningham C. B. In Defense of Member State Culture: The Unrealized Potential of Article 151(4) of the EC Treaty and the Consequences for EC Cultural Policy // Cornell International Law Journal. — 2001. — Vol. 34. — No. 1. — P. 119–163.
5. Graziadei M., Pasa B. The Single European Market and Cultural Heritage: The Protection of National Treasures in Europe // Cultural Heritage in the European Union: A Critical Inquiry into Law and Policy / ed. by A. Jakubowski, K. Hausler, F. Fiorentini. — Leiden; Boston : Brill Nijhoff, 2019. — P. 79–112.
6. Karydis G. S. Le juge communautaire et la préservation de l'identité culturelle nationale // Revue trimestrelle de droit européen. — 1994. — Vol. 30. — No. 4. — P. 551–560.
7. Lenaerts K. The European Court of Human Rights and the Court of Justice of the European Union: Creating Synergies in the Field of Fundamental Rights Protection // Il Diritto dell'Unione Europea. — 2018. — Vol. 1.
8. Pescatore P. Le commerce de l'art et le Marché commun // Revue trimestrielle de droit européen. — 1985. — Vol. 21. — No. 3. — P. 451–462.
9. Psychogiopoulou E. Cultural Heritage and the EU: Legal Competences, Instrumental Policies, and the Search for a European Dimension // Cultural Heritage in the European Union: A Critical Inquiry into Law and Policy / ed. by A. Jakubowski, K. Hausler, F. Fiorentini. — Leiden; Boston : Brill Nijhoff, 2019. — P. 57–78.
10. Shi J. Free Trade and Cultural Diversity in International Law. — Oxford : Hart Publishing, 2013. — xxii, 337 p.

Материал поступил в редакцию 21 декабря 2021 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bieczyński M. The 'Right to Cultural Heritage' in the European Union: A Tale of Two Courts // Cultural Heritage in the European Union: A Critical Inquiry into Law and Policy / ed. by A. Jakubowski, K. Hausler, F. Fiorentini. — Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2019. — P. 113–140.
2. Chechi A. The Settlement of International Cultural Heritage Disputes. — Oxford: Oxford University Press, 2014. — xxx, 343 p.
3. Craufurd Smith R. Europe // The Oxford Handbook of International Cultural Heritage Law / ed. by F. Francioni, A. F. Vrdoljak. — Oxford: Oxford University Press, 2020. — P. 908–930.
4. Cunningham C. B. In Defense of Member State Culture: The Unrealized Potential of Article 151(4) of the EC Treaty and the Consequences for EC Cultural Policy // Cornell International Law Journal. — 2001. — Vol. 34. — No. 1. — P. 119–163.
5. Graziadei M., Pasa B. The Single European Market and Cultural Heritage: The Protection of National Treasures in Europe // Cultural Heritage in the European Union: A Critical Inquiry into Law and Policy / ed. by A. Jakubowski, K. Hausler, F. Fiorentini. — Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2019. — P. 79–112.
6. Karydis G. S. Le juge communautaire et la préservation de l'identité culturelle nationale // Revue trimestrelle de droit européen. — 1994. — Vol. 30. — No. 4. — P. 551–560.
7. Lenaerts K. The European Court of Human Rights and the Court of Justice of the European Union: Creating Synergies in the Field of Fundamental Rights Protection // Il Diritto dell'Unione Europea. — 2018. — Vol. 1.
8. Pescatore P. Le commerce de l'art et le Marché commun // Revue trimestrielle de droit européen. — 1985. — Vol. 21. — No. 3. — P. 451–462.
9. Psychogiopoulou E. Cultural Heritage and the EU: Legal Competences, Instrumental Policies, and the Search for a European Dimension // Cultural Heritage in the European Union: A Critical Inquiry into Law and Policy / ed. by A. Jakubowski, K. Hausler, F. Fiorentini. — Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2019. — P. 57–78.
10. Shi J. Free Trade and Cultural Diversity in International Law. — Oxford: Hart Publishing, 2013. — xxii, 337 p.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.168-176

Н. В. Барбашова*

Государство как субъект экологического терроризма: на примере внутригосударственного вооруженного конфликта на Украине

Аннотация. Исследована суть явления «экологический терроризм». Экологический терроризм представляет собой специфическое преднамеренное действие, направленное опосредованно, через окружающую среду, на ухудшение ее качественных характеристик, что создает угрозу безопасности человека и самой окружающей среды. Показано, что внутригосударственный экологический терроризм в настоящее время нашел свое применение в качестве инструмента ведения гражданской войны. В своем противостоянии с республиками Украина на государственном уровне широко использует террористические акты, целью которых является создание угроз экологического характера для граждан этих республик. В работе приведены факты экологического терроризма со стороны государства Украина, в результате которых нарушается фундаментальное право граждан Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики на здоровую окружающую среду и устойчивое развитие. Показано, что практически все террористические акты экологической направленности, осуществляемые против граждан республик, не нашли адекватного осуждения на международном уровне, что свидетельствует о неэффективности системы защиты основополагающих прав человека.

Ключевые слова: экологическое право; международное право; права человека; естественное право; экологическая безопасность; охрана окружающей среды; терроризм; экологический терроризм; гражданская война; непризнанные государства; государственный терроризм.

Для цитирования: Барбашова Н. В. Государство как субъект экологического терроризма: на примере внутригосударственного вооруженного конфликта на Украине // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 7. — С. 168–176. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.168-176.

© Барбашова Н. В., 2022

* Барбашова Наталья Владимировна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и финансового права, заместитель декана по научной работе юридического факультета Донецкого национального университета
Университетская ул., д. 24, г. Донецк, Донецкая Народная Республика, 83000
n.barbashova@mail.ru

A State as a Subject of Environmental Terrorism: Case Study of an Intrastate Armed Conflict in Ukraine

Natalya V. Barbashova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Administrative and Financial Law, Deputy Dean for Research, Faculty of Law, Donetsk National University
ul. Universitetskaya, d. 24, Donetsk, Donetsk People's Republic, 83000
n.barbashova@mail.ru

Abstract. The essence of the phenomenon of «environmental terrorism» is investigated. Environmental terrorism is a specific deliberate action aimed indirectly, through the environment, to the deterioration of its quality characteristics, which creates a threat to human security and the environment itself. It is shown that domestic environmental terrorism has now found its application as an instrument of civil war. In its confrontation with the republics, Ukraine at the state level widely uses terrorist acts, the purpose of which is to create environmental threats for the citizens of these republics. The paper presents the facts of environmental terrorism by the state of Ukraine, as a result of which the fundamental right of citizens of the Donetsk People's Republic and the Luhansk People's Republic to a healthy environment and sustainable development is violated. It is shown that almost no environmental terrorist acts carried out against citizens of the republics have found adequate condemnation at the international level, which indicates the inefficiency of the system for protecting fundamental human rights.

Keywords: environmental law; international law; human rights; natural law; environmental safety; environmental protection; terrorism; environmental terrorism; civil war; unrecognized states; state terrorism.

Cite as: Barbashova NV. Gosudarstvo kak subekt ekologicheskogo terrorizma: na primere vnutrigosudarstvennogo vooruzhennogo konflikta na Ukraine [A State as a Subject of Environmental Terrorism: Case Study of an Intrastate Armed Conflict in Ukraine]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(7):168-176. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.168-176. (In Russ., abstract in Eng.).

После более чем 30-летних дискуссий Совет ООН по правам человека на 48-й сессии в Женеве 8 октября 2021 г. впервые признал неотъемлемым право людей на здоровую, чистую и устойчивую окружающую среду. К настоящему времени право на здоровую окружающую среду признано более чем 150 государствами — членами ООН, но не было признано официально на мировом уровне, что задерживало достижение целей в области устойчивого развития, усугубляло неравенство и создавало пробелы в защите, особенно защитников экологических прав человека¹.

В своем выступлении Верховный комиссар ООН по правам человека Мишель Бачелет подчеркнула, что сейчас для человечества существуют три угрозы планетарного масштаба: изменение климата, загрязнение окружающей среды и разрушение природы. Включение права

человека на безопасную окружающую среду в число фундаментальных прав человека является одним из наиболее значимых достижений науки экологического права.

В последние десятилетия это естественное право человека стало объектом экологического терроризма, являющегося новой разновидностью опасных посягательств на окружающую среду и общественную безопасность. Как отмечается в руководстве «Борьба с терроризмом и защита прав человека»², терроризм по своей сути отрицает права человека, современные стандарты которых основаны на четырех простых ценностях: свободе от нужды, свободе от страха, свободе вероисповедания и свободе выражения мнений. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» определяет терроризм как идеологию насилия и практику воздействия на

---

¹ The human right to a clean, healthy and sustainable environment A/HRC/48/L. 23/Rev. 1. Adopted text. URL: <https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/RegularSessions/Session48/Pages/ResDecStat.aspx> (дата обращения: 26.10.2021).

принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанную с устрашением населения или насильственными действиями³.

Д. И. Тисленко⁴, А. Я. Рыженков⁵, О. Л. Дубовик⁶, С. С. Алексанин⁷, S. Vanderheiden⁸ и другие авторы выделяют две основные формы терроризма в экологической сфере. Во-первых, это экотерроризм (экорадикализм, экоактивизм), когда люди применяли насилие против собственности и гражданских прав на защиту окружающей среды или на управление изменения в экологической политике. Экотеррористы данного вида совершают эти и многие другие преступные деяния в своей борьбе за спасение природы. Взяв на себя ответственность за эти действия, экотеррористы привлекают внимание общественности и используют этот интерес для распространения своих экстремальных экологических идеологий, в которых продиктованы требования по прекращению антропогенных изменений в природной среде.

Во-вторых, собственно экологический терроризм, основной целью которого является разрушение окружающей среды в результате войны или актов террора, осуществляемых для реализации своих планов, которые призваны создать для населения угрозы экологического

характера, представляющие опасность для жизни и здоровья людей.

Как подчеркивают Д. И. Тисленко⁹, А. Я. Рыженков¹⁰, О. Л. Дубовик¹¹, в качестве способа разрешения конфликта с помощью насилия экологический терроризм намного более опасен, чем многие другие преступления террористической направленности, поскольку насильственные действия применяются к гражданам опосредованно через окружающую среду, ухудшение качественных характеристик которой создает угрозу здоровью и самой жизни человека. Проблема противодействия терроризму является одной из самых актуальных и обсуждаемых глобальных проблем современности. Однако специфика экологического терроризма до сих пор исследована явно недостаточно. Как указывают М. Н. Тихонов и М. М. Богословский, экологический терроризм как особое явление представляет собой предумышленное действие, направленное на войну с природой, и по своей сути является способом управления социумом посредством превентивного устрашения¹².

По мнению С. С. Алексанина и др.¹³, с точки зрения потенциальной опасности для людей экологический терроризм как новый вид высокотехнологичного терроризма опаснее других его разновидностей, поскольку насильственные действия применяются к гражданам или их соб-

² Борьба с терроризмом и защита прав человека : руководство // URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/f/9/29104.pdf> (дата обращения: 26.10.2021).

³ СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

⁴ Тисленко Д. И. Экологический терроризм. М. : Юрлитинформ, 2013. 208 с.

⁵ Рыженков А. Я. Экологический терроризм как глобальная проблема современности // Правовая парадигма. 2017. Т. 16. № 2. С. 27–35.

⁶ Дубовик О. Л. Криминологические и уголовно-правовые предпосылки борьбы с экологическим терроризмом и экологическим экстремизмом в России // Lex russica. 2018. № 9 (142). С. 75–90.

⁷ Экологический терроризм — феноменология, виды, факторы, превенция / С. С. Алексанин, М. М. Богословский, В. Ю. Рыбников [и др.] // Экология человека. 2018. № 12. С. 4–11.

⁸ Vanderheiden S. Eco-terrorism or Justified Resistance? Radical Environmentalism and the «War on Terror» // Politics & Society, Vol. 33 No. 3, September 2005. P. 425–447. DOI: 10.1177/0032329205278462.

⁹ Тисленко Д. И. Указ. соч.

¹⁰ Рыженков А. Я. Указ. соч.

¹¹ Дубовик О. Л. Указ. соч.

¹² Тихонов М. Н., Богословский М. М. Экологический терроризм как глобальная проблема современности // URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=6404> (дата обращения: 26.10.2021).

¹³ Экологический терроризм — феноменология, виды, факторы, превенция. С. 4.

ственности опосредованно через природную среду, где в дальнейшем существование человека будет затруднено или даже невозможно. Экологический терроризм приводит, как правило, к необратимым и трудно устранимым планетарным последствиям.

С. Н. Соколова и С. А. Соколов¹⁴ относят биологически агрессивные (военные) формы воздействия к числу самых страшных средств уничтожения человеческой цивилизации, разработанных современными учеными, в том числе и генетиками. В отличие от обычных видов вооружений, биологическое оружие невозможно полностью контролировать, особенно если происходит заражение территории, границы которой сложно контролировать и фиксировать, распространение инфекционных заболеваний, так как последствия применения такого оружия трудно предвидеть и предотвратить. Справедливость данной дифференциации экологических видов терроризма подтверждается пандемией коронавирусной инфекции COVID-19.

В качестве одной из важнейших особенностей экологического терроризма является воздействие на наиболее уязвимые природные объекты, в результате которого нарушается безопасное состояние окружающей среды для человека. В настоящее время одной из наименее изученных проблем является предотвращение и ликвидация последствий экологических террористических актов во внутригосударственных вооруженных конфликтах.

Как отмечает О. Л. Дубовик, существует множество классификаций терроризма, использующих те или иные критерии. По ее мнению, применительно к экологическому терроризму особое значение приобретают цели, не обозначенные в уголовно-правовом запрете, но являющиеся неотъемлемым звеном механизма

преступного поведения, включая мотивацию и принятие преступником решения о совершении террористического акта или об участии (в той или иной форме) в террористической деятельности¹⁵.

В контексте проводимого исследования в рамках классификации по субъектному критерию заслуживает особого внимания подход Ю. М. Антоняна, в котором он выделяет в качестве субъекта государственный терроризм. Государственный терроризм им дифференцируется на межгосударственный и внутренний терроризм. Под последним он понимает, в частности, террористические действия государства против собственного народа, против своих политических конкурентов¹⁶.

По мнению А. Я. Рыженкова, с военной точки зрения экологический терроризм представляет собой действия, направленные на умышленное загрязнение окружающей среды противника с целью нанесения ему экологического ущерба. Экологический терроризм включает¹⁷:

- незаконное применение дефолиантов, распространение отравляющих боевых химических веществ;
- точечное использование изотопов и иных радиоактивных материалов, вплоть до миниатюрных «грязных» атомных бомб;
- заражение населения с помощью птиц и рыб инфекционными заболеваниями с целью вызвать эпидемии и эпизоотии;
- выжигание лесных массивов, джунглей, сельвы, тайги;
- попытки взорвать крупные водосодержащие плотины, тепловые и атомные электростанции, масштабное сжигание нефтяных скважин¹⁸.

Приведенный перечень примеров экологического терроризма представляется весьма

¹⁴ Соколова С. Н., Соколов С. А. К вопросу о биотерроризме и биобезопасности // Проблемы безопасности российского общества. 2013. № 1. С. 15.

¹⁵ Дубовик О. Л. Указ. соч. С. 84.

¹⁶ Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М. : Щит-М., 1998. С. 260.

¹⁷ Рыженков А. Я. Указ. соч. С. 5.

¹⁸ В качестве, по-видимому, первого общеизвестного примера масштабного использования вредных веществ во время гражданской войны во Вьетнаме на стороне Южного Вьетнама следует назвать рас-

ограниченным. Уместным будет дополнить этот список «способов» экологического террора, к которым также относятся:

- разрушение инфраструктуры и объектов жизнедеятельности (повреждение жилых домов, школ, больниц и других социально значимых объектов);
- лишение населения источников водоснабжения;
- экономическая блокада отдельных территорий с целью лишить снабжение этих территорий лекарственными препаратами, продуктами и другими социально значимыми предметами;
- повреждение объектов сельского хозяйства с целью создания дефицита продуктов и создания угрозы голода населения на отдельных территориях и др.

История показывает, что экологические теракты стали достаточно распространенным инструментом ведения гражданской войны¹⁹. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры использования отравляющих химических веществ, разрушения систем водоснабжения и инфраструктуры населенных пунктов в Ливии, Сирии, на Украине и в других странах, где происходили или происходят вооруженные конфликты по различным причинам: этническим, конфессиональным, историческим, культурологическим.

В терминологическом аспекте представляется важным указать, что во внутригосудар-

ственном вооруженном конфликте центральное правительство избегает его идентификации как гражданской войны и предпочитает называть противоборствующую сторону сепаратистами, террористами, бандитами и прочими, не отражающими суть явления определениями. В настоящее время получило достаточно широкое признание в мировом сообществе определение гражданской войны в базе данных конфликтов UPPSALLA²⁰. Гражданская война определяется как отказ от мирного решения оспариваемой несовместимости, касающейся правительства и/или территорий, где используются вооруженные силы между двумя сторонами, а число боевых смертей, по крайней мере со стороны правительства, составляет не менее 25 военнослужащих в один год.

Использование данного определения гражданской войны, по мнению Майкла Г. Финдли и Джозефа К. Юнга (Michael G. Findley, Joseph K. Young), оправданно, потому что оно сфокусировано на совместном вооруженном противостоянии сторон конфликта — в отличие от терроризма, потому что террористическое насилие обычно проводится негосударственными субъектами против других негосударственных субъектов, при котором сообщение об угрозе, запугивании или принуждении передается цели за пределы непосредственных жертв²¹.

Статистические исследования, выполненные этими авторами, убедительно доказывают, что

пыление 76 млн л гербицидов, в том числе дефолианта Agent Orange, для уничтожения лесов армией США, в результате которого в регионе были полностью уничтожены мангровые леса (500 000 га), поражено 60 % (около 1 млн га) джунглей и 30 % (более 100 000 га) равнинных лесов. После применения американскими военными дефолиантов уже после войны погибло несколько десятков тысяч человек. Всего во Вьетнаме насчитывается около 4,8 млн жертв распыления дефолиантов, в том числе 3 млн непосредственно пострадавших.

¹⁹ В международном гуманитарном праве термин «гражданская война» включается в определение «немеждународный вооруженный конфликт» (см.: Практический словарь гуманитарного права // URL: <https://slovar-gumanitarnogo-prava.org/content/article/4/nemezhdunarodnyi-vooruzhennyi-konflikt-vooruzhennyi-konflikt-nemezhdunarodnogo-kharaktera-vnutrennii-konflikt-nvk/> (дата обращения: 26.10.2021)).

²⁰ Uppsala Conflict Data Program, Uppsala Conflict Database // URL: <https://ucdp.uu.se/country/369> (дата обращения: 26.10.2021).

²¹ Findley M. G., Young J. K. Terrorism and Civil War: A Spatial and Temporal Approach to a Conceptual Problem // URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/perspectives-on-politics/article/abs/terrorism-and-civil-war-a-spatial-and-temporal-approach-to-a-conceptual-problem/D8A688C4F9054F3BE3BEE4E94EEB3568> (дата обращения: 26.10.2021).

терроризм наиболее распространен во время войны, а затем в послевоенный период. Наименее активный период для терроризма — довоенный период.

Произошедший после государственного переворота в 2014 г. уход ряда регионов из-под юрисдикции Украины послужил для нее основанием для проведения санкционной политики против Республики Крым и развязывания вооруженного конфликта с Донецкой Народной Республикой и Луганской Народной Республикой. В своем противостоянии с республиками Украина на государственном уровне широко использует террористические акты, целью которых является создание угроз экологического характера для граждан этих республик. Список террористических актов достаточно обширен: это прекращение водоснабжения и энергоснабжения Крымского полуострова, вошедшего в состав Российской Федерации, систематическое разрушение Донецкой фильтровальной станции, водоводов, газопроводов и линий электропередач, разрушение инфраструктуры и жилищного фонда ДНР и ЛНР, угроза разрушения экологически опасного предприятия «Стирол» в г. Горловке и др. Указанное выше дает основание характеризовать Украину в качестве субъекта государственного терроризма. Данные террористические акты осуществляются не в целях получения какого-то военного превосходства с противоборствующей стороной, а исключительно для устрашения населения республик и создания неблагоприятных условий проживания²².

В выступлении представителя Российской Федерации на 48-й сессии Совета ООН по правам человека²³ в ходе диалога с Наблюдатель-

ной миссией ООН по ситуации с правами человека на Украине отмечается, что власти этой страны открыто покровительствуют организации террористических актов против мирного населения соседних стран. В качестве примера такого покровительства приведен взрыв газопровода в крымском селе Перевальное в конце августа 2021 г. Это очередной теракт, организованный из Киева и прямо угрожающий праву крымчан на мирное развитие. Представителем доведено до сведения Совета, что с территории Украины осуществляются постоянные, в том числе против финансовой системы Крыма, исходящие оттуда же телефонные угрозы взорвать общественные объекты на полуострове, вовлечение других государств в акции, направленные против территориальной целостности России, создание угрозы миру и стабильности в Черноморском регионе.

Результаты работы Мониторинговой миссии ООН по правам человека в Украине, отраженные в 32-м докладе Управления Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ), свидетельствуют о росте интенсивности разрушения гражданских объектов и инфраструктуры на территории военного конфликта на Юго-Востоке Украины в период с 1 февраля по 31 июля 2021 г.²⁴ За указанный период УВКПЧ зафиксировало 27 таких инцидентов, вызванных артиллерийскими обстрелами и огнем из СОЛВ через линию соприкосновения: 22 (81 %) — на территории, контролируемой ЛНР и ДНР, и 5 (19 %) — на территории, контролируемой Правительством Украины. Десять инцидентов затронули объекты электроснабжения, 7 — учебные заведения, 6 — объекты водоснабжения и санитарии, 3 — газоснабжения, 1 — медицинское

²² В данном контексте вызывает недоумение позиция некоторых политиков, полагающих реальным процесс «вхождения» ДНР в состав Украины. Ранее нами было обосновано, что даже в случае конфедеративной формы государственного устройства такой процесс в настоящее время маловероятен (см.: Барбашова Н. В. О государственном устройстве территориально сегментированного общества // Вестник ВГУ. Серия «Право». 2017. № 2. С. 65–71).

²³ Выступление представителя Российской Федерации на 48-й сессии Совета ООН по правам человека в ходе общей дискуссии по п. 10 повестки дня «Техническое содействие и наращивание потенциала» // URL: <https://geneva.mid.ru/soviet-oon-po-pravam-celoveka/> (дата обращения: 26.10.2021).

²⁴ Доклад о ситуации с правами человека на Украине: 01.02–31.07.2021 // URL: <https://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/32ndReportUkraine-ru.pdf> (дата обращения: 26.10.2021).

учреждение. Масштаб разрушения инфраструктуры республик в результате террористических актов экологического характера со стороны украинского государства значителен, что ставит под угрозу для жителей ДНР и ЛНР реализацию закрепленного ООН права человека на здоровую окружающую среду.

Уникальность ситуации на Украине, в отличие от других известных примеров внутрисударственных вооруженных конфликтов, заключается в том, что именно центральная власть становится главным субъектом, осуществляющим террористические акты экологического характера, в результате которых нарушается фундаментальное право граждан Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики на здоровую окружающую среду и устойчивое развитие.

Необходимо указать, что практически все террористические акты экологической направленности, осуществляемые против граждан республик, не нашли своего адекватного осуждения на международном уровне, что свидетельствует о неэффективности системы защиты основополагающих прав человека. В частности, Управление Верховного комиссара ООН по правам человека на запрос о проблемах доступа к воде в Крыму в связи с перекрытием Украиной Северо-Крымского канала выразило озабоченность и возложило ответственность на Россию. За семь лет в Крым отказываются направлять международных наблюдателей. Политизация проблемы свидетельствует о том, что Совет ООН по правам человека не выполняет свою главную гуманитарную миссию: защиту прав человека, в данном случае права на безопасную окружающую среду.

Позиция Совета по отношению к проблеме водоснабжения Крыма представляется стран-

ной, учитывая, что 28 июля 2010 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций провозгласила право на безопасную и чистую питьевую воду и санитарную в качестве одного из основных прав человека, необходимых для полноценной жизни и полного осуществления всех других прав человека. Более того, Совет по правам человека на своей 15-й сессии в сентябре 2010 г. подтвердил, что право на воду и санитарную является неотъемлемой частью права на надлежащий уровень жизни²⁵.

Террористические акты в отношении граждан ДНР и ЛНР подпадают под действие Женевской конвенции от 12.08.1949 о защите гражданского населения во время войны²⁶, которая, в частности ст. 147, квалифицирует как серьезные нарушения международного права — нанесение ущерба здоровью человека, незаконное, произвольное и проводимое в большом масштабе разрушение и присвоение имущества, не вызываемые военной необходимостью.

Дополнительным протоколом к Женевским конвенциям от 12.08.1949, касающимся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Протокол II)²⁷, в ч. IV ст. 13 прописаны требования к сторонам немеждународного вооруженного конфликта, запрещающие акты насилия или угрозы насилием, имеющие основной целью терроризировать гражданское население. Запрещено использовать голод среди гражданского населения в качестве метода ведения военных действий путем нападения, уничтожения или приведения в негодность объектов, необходимых для выживания гражданского населения, таких как запасы продуктов питания, производящие продовольственные сельскохозяйственные районы, посевы, скот, сооружения для снабжения питьевой водой и запасы последней, а также ирригационные сооружения.

²⁵ Права человека и доступ к безопасной питьевой воде и санитарным услугам : резолюция, принятая Советом по правам человека № 15/9 // URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/HRC/RES/15/9&Lang=E> (дата обращения: 26.10.2021).

²⁶ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_4.shtml (дата обращения: 26.10.2021).

²⁷ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12.08.1949, касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Протокол II). Женева, 8 июня 1977 г. // URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/6lkb3l.htm> (дата обращения: 26.10.2021).

В вооруженном конфликте на Юго-Востоке Украины именно эти объекты являются основной целью украинской армии, что свидетельствует о прямом нарушении Женевской конвенции²⁸.

Важным международным документом в борьбе с экологическим терроризмом является Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1976 г.²⁹, в ст. 1 которой провозглашено: каждое государство — участник настоящей Конвенции обязуется не прибегать к военному или любому иному враждебному использованию средств воздействия на природную среду, которые имеют широкие, долгосрочные или серьезные последствия, в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда любому другому государству-участнику.

Борьба с экологическим терроризмом в силу его специфики требует консолидации всех государств мирового сообщества. Охрана окружающей природной среды и обеспечение экологи-

ческой безопасности на территориях различного масштаба представляются аддитивными явлениями: любая такая деятельность будет носить позитивный характер вплоть до планетарного масштаба. В данном контексте видится необоснованной политика международных организаций в части избирательного подхода к осуждению актов экологического терроризма в гражданской войне, в частности на Юго-Востоке Украины. Приоритет в оценке террористической деятельности государства Украина в экологической сфере против граждан Республики Крым и непризнанных государств Юго-Востока Украины Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики должен основываться на неукоснительном деполитизированном требовании международных организаций к этому государству по соблюдению основополагающих норм международного права, в первую очередь Устава ООН и Всеобщей декларации прав человека, в которой право человека на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду отнесено к фундаментальным правам человека.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. — М. : Щит-М, 1998. — 306 с.
2. Барбашова Н. В. О государственном устройстве территориально сегментированного общества // Вестник ВГУ. Серия «Право». — 2017. — № 2. — С. 65–71.
3. Борьба с терроризмом и защита прав человека : руководство // URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/f/9/29104.pdf> (дата обращения: 26.10.2021).
4. Выступление представителя Российской Федерации на 48-й сессии Совета ООН по правам человека в ходе общей дискуссии по п. 10 повестки дня «Техническое содействие и наращивание потенциала» // URL: <https://geneva.mid.ru/sovet-oon-po-pravam-celoveka/> (дата обращения: 26.10.2021).
5. Доклад о ситуации с правами человека в Украине: 01.02–31.07.2021 // URL: <https://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/32ndReportUkraine-ru.pdf> (дата обращения: 26.10.2021).
6. Дубовик О. Л. Криминологические и уголовно-правовые предпосылки борьбы с экологическим терроризмом и экологическим экстремизмом в России // Lex russica. — 2018. — № 9 (142). — С. 75–90.
7. Практический словарь гуманитарного права // URL: <https://slovar-gumanitarnogo-prava.org/content/article/4/nemezhdunarodnyi-vooruzhennyi-konflikt-vooruzhennyi-konflikt-nemezhdunarodnogo-kharaktera-vnutrennii-konflikt-nvk/> (дата обращения: 26.10.2021).
8. Преступления Украины на Донбассе : сборник аналитических материалов. — Донецк, 2019. — 361 с.
9. Рыженков А. Я. Экологический терроризм как глобальная проблема современности // Правовая парадигма. — 2017. — Т. 16. — № 2. — С. 27–35.

²⁸ Преступления Украины на Донбассе : сборник аналитических материалов. Донецк, 2019. 361 с.

²⁹ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostenv.shtml (дата обращения: 26.10.2021).

10. Соколова С. Н., Соколов С. А. К вопросу о биотерроризме и биобезопасности // Проблемы безопасности российского общества. — 2013. — № 1. — С. 10–18.
11. Тисленко Д. И. Экологический терроризм. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 208 с.
12. Тихонов М. Н., Богословский М. М. Экологический терроризм как глобальная проблема современности // URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=6404> (дата обращения: 26.10.2021).
13. Экологический терроризм — феноменология, виды, факторы, превенция / С. С. Алексанин, М. М. Богословский, В. Ю. Рыбников [и др.] // Экология человека. — 2018. — № 12. — С. 4–11.
14. Findley M. G., Young J. K. Terrorism and Civil War: A Spatial and Temporal Approach to a Conceptual Problem. — URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/perspectives-on-politics/article/abs/terrorism-and-civil-war-a-spatial-and-temporal-approach-to-a-conceptual-problem/D8A688C4F9054F3BE3BEE4E94EB3568> (дата обращения: 26.10.2021).
15. Vanderheiden S. Eco-terrorism or Justified Resistance? Radical Environmentalism and the «War on Terror» // Politics & Society. — 2005. — Vol. 33. — No. 3. — P. 425–447. — DOI: 10.1177/0032329205278462.

Материал поступил в редакцию 17 ноября 2021 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Antonyan Yu. M. Terrorism. Kriminologicheskoe i ugolovno-pravovoe issledovanie. — М.: Shchit-M, 1998. — 306 с.
2. Barbashova N. V. O gosudarstvennom ustrojstve territorialno segmentirovannogo obshchestva // Vestnik VGU. Seriya «Pravo». — 2017. — № 2. — S. 65–71.
3. Borba s terrorizmom i zashchita prav cheloveka: rukovodstvo // URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/f/9/29104.pdf> (дата обращения: 26.10.2021).
4. Vystuplenie predstavatelya Rossijskoj Federacii na 48-j sessii Soveta OON po pravam cheloveka v hode obshchej diskussii po p. 10 povestki dnya «Tekhnicheskoe sodejstvie i narashchivanie potentsiala» // URL: <https://geneva.mid.ru/sovet-oon-po-pravam-cheloveka/> (дата обращения: 26.10.2021).
5. Doklad o situacii s pravami cheloveka v Ukraine: 01.02–31.07.2021 // URL: <https://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/32ndReportUkraine-ru.pdf> (дата обращения: 26.10.2021).
6. Dubovik O. L. Kriminologicheskie i ugolovno-pravovye predposylki borby s ekologicheskim terrorizmom i ekologicheskim ekstremizmom v Rossii // Lex russica. — 2018. — № 1 (142). — S. 75–90.
7. Prakticheskij slovar gumanitarnogo prava // URL: <https://slovar-gumanitarnogo-prava.org/content/article/4/nemezhdunarodnyi-vooruzhennyi-konflikt-vooruzhennyi-konflikt-nemezhdunarodnogo-kharaktera-vnutrennii-konflikt-nvk/> (дата обращения: 26.10.2021).
8. Prestupleniya Ukrainy na Donbasse: sbornik analiticheskikh materialov. — Doneck, 2019. — 361 с.
9. Ryzhenkov A. Ya. Ekologicheskij terrorizm kak globalnaya problema sovremennosti // Pravovaya paradigma. — 2017. — Т. 16. — № 2. — С. 27–35.
10. Sokolova S. N., Sokolov S. A. K voprosu o bioterrorizme i biobezопасности // Problemy bezопасности rossijskogo obshchestva. — 2013. — № 1. — С. 10–18.
11. Tislenko D. I. Ekologicheskij terrorizm. — М.: Yurлитinform, 2013. — 208 с.
12. Tihonov M. N., Bogoslovskij M. M. Ekologicheskij terrorizm kak globalnaya problema sovremennosti // URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=6404> (дата обращения: 26.10.2021).
13. Ekologicheskij terrorizm — fenomenologiya, vidy, faktory, prevenciya / S. S. Aleksanin, M. M. Bogoslovskij, V. Yu. Rybnikov [i dr.] // Ekologiya cheloveka. — 2018. — № 12. — С. 4–11.
14. Findley M. G., Young J. K. Terrorism and Civil War: A Spatial and Temporal Approach to a Conceptual Problem. — URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/perspectives-on-politics/article/abs/terrorism-and-civil-war-a-spatial-and-temporal-approach-to-a-conceptual-problem/D8A688C4F9054F3BE3BEE4E94EB3568> (дата обращения: 26.10.2021).
15. Vanderheiden S. Eco-terrorism or Justified Resistance? Radical Environmentalism and the «War on Terror» // Politics & Society. — 2005. — Vol. 33. — No. 3. — P. 425–447. — DOI: 10.1177/0032329205278462.

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.177-186

Н. П. Воронина*

Устойчивое («зеленое») развитие сельского хозяйства в условиях климатических изменений: правовой опыт России и Индии¹

Аннотация. В современных условиях климатических и иных глобальных изменений актуальными вопросами являются снижение антропогенной нагрузки на окружающую среду при увеличении производства сельскохозяйственной продукции, а также адаптация сельского хозяйства к климатическим изменениям. В статье исследован правовой опыт построения модели устойчивого («зеленого») сельского хозяйства двух стран БРИКС — России и Индии. Рассмотрены современное состояние сельского хозяйства, экологические проблемы, обусловленные климатическими изменениями. Проанализированы нормативные правовые акты и документы стратегического планирования в сфере сельского хозяйства России и Индии, международные документы ООН и Продовольственной и сельскохозяйственной организации, направленные на адаптацию сельского хозяйства к климатическим изменениям. Обосновано, что в качестве инструментов адаптации сельского хозяйства России и Индии к климатическим изменениям могут выступать цифровизация и органическое производство сельскохозяйственной продукции. Сформулированы направления правового регулирования устойчивого развития сельского хозяйства на основе концептуальной модели правового регулирования устойчивого («зеленого») развития сельского хозяйства.

Ключевые слова: Россия; Индия; сельское хозяйство; устойчивое развитие; модель зеленого сельского хозяйства; климатические изменения; адаптация к климатическим изменениям; цифровизация; органическое производство; концептуальная модель правового регулирования.

Для цитирования: Воронина Н. П. Устойчивое («зеленое») развитие сельского хозяйства в условиях климатических изменений: правовой опыт России и Индии // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 7. — С. 177–186. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.177-186.

---

¹ Статья подготовлена на основе доклада на Международной научно-практической конференции «Эко-право — новая реальность юридической науки и вызов в условиях глобальных климатических изменений: опыт России и Индии» (проект реализуется в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030») (Москва, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 15 марта 2022 г.).

© Воронина Н. П., 2022

* Воронина Наталья Павловна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
79315016167@yandex.ru

Sustainable («Green») Development of Agriculture in the Context of Climate Change: Legal Experience of Russia and India²

Natalya P. Voronina, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Environmental and Natural Resources Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
79315016167@yandex.ru

Abstract. In modern conditions of climate and other global changes, topical issues are the reduction of the anthropogenic load on the environment with an increase in agricultural production, as well as the adaptation of agriculture to climate change. The paper examines the legal experience of building a model of sustainable («green») agriculture of the two BRICS countries — Russia and India. The current state of agriculture, environmental problems caused by climate change are considered. The regulatory legal acts and documents of strategic planning in the field of agriculture in Russia and India, international documents of the UN and FAO aimed at adapting agriculture to climate change are analyzed. The author substantiates that digitalization and organic production of agricultural products can act as tools for adapting agriculture in Russia and India to climate change. The directions of legal regulation of sustainable development of agriculture are formulated based on the conceptual model of legal regulation of sustainable («green») development of agriculture.

Keywords: Russia; India; Agriculture; sustainable development; green agriculture model; climate change; adaptation to climate change; digitalization; organic production; conceptual model of legal regulation.

Cite as: Voronina NP. Ustoychivoe («zelenoe») razvitie selskogo khozyaystva v usloviyakh klimaticheskikh izmeneniy: pravovoy opyt Rossii i Indii [Sustainable («Green») Development of Agriculture in the Context of Climate Change: Legal Experience of Russia and India]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(7):177-186. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.177-186.

Согласно программе ООН «Цели развития тысячелетия» в XXI в. необходимо искоренить голод, одновременно решая накопившиеся в прошлом столетии экологические проблемы. Международное сообщество выход видит в развитии зеленой экономики, составной частью которой является сельское хозяйство.

В документах ООН и Продовольственной и сельскохозяйственной организации (ФАО) отмечается, что производимая сельскохозяйственная продукция должна быть безопасной для здоровья людей, а сельскохозяйственная деятельность минимально влиять на состояние окружающей среды. Поэтому на международном уровне обосновывается необходимость формирования и развития модели устойчивого («зеленого») сельского хозяйства, позволяющая производить безопасную сельскохозяйственную

продукцию с минимальным негативным влиянием на окружающую среду.

ФАО выделила пять принципов устойчивого производства продовольствия и ведения сельского хозяйства: повышение эффективности использования ресурсов; сохранение, защита и улучшение природных ресурсов; социальное благополучие сельских жителей; повышение устойчивости людей, общин и экосистем к внешним воздействиям (в первую очередь к климатическим изменениям); механизмы ответственного и эффективного управления.

В рамках климатической проблемы сельское хозяйство играет двойную роль. С одной стороны, оно само является значительным источником изменения климата, с другой — в сельском хозяйстве происходят негативные процессы в связи с изменением климата.

² The paper was prepared following a report delivered at the International Scientific and Practical Conference «Ecopravo — A New Reality of Legal Science and a Challenge in the Context of Global Climate Change: The Experience of Russia and India». The project is a part of the strategic academic leadership program «Priority 2030». Moscow, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), March 15, 2022.

Анализ современных технологий производства сельскохозяйственной продукции позволяет сделать вывод о наличии как минимум двух тенденций, направленных на устойчивое развитие сельского хозяйства. Первая — применение инновационных методов осуществления сельскохозяйственной деятельности, биотехнологий, позволяющих получить сельскохозяйственную продукцию с заранее обозначенными характеристиками, адаптировать ее выращивание и производство к неблагоприятным природным условиям. Вторая — производство органической сельскохозяйственной продукции.

В России принято значительное число политико-правовых актов, направленных на развитие сельского хозяйства в условиях глобальных изменений, в том числе и климатических.

Согласно п. 25 Стратегии национальной безопасности³, среди национальных интересов на современном этапе выделены развитие человеческого потенциала; повышение качества жизни и благосостояния граждан; устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе; охрана окружающей среды; сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование; адаптация к изменениям климата.

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ 2015 г.⁴ отмечено, что «необходимо поставить задачу национального уровня... и обеспечить внутренний рынок отечественным продовольствием... Россия способна стать крупнейшим мировым поставщиком здоровых, экологически чистых, качественных продуктов питания». В 2019 г. Президент РФ дал поручение «создать защищенный бренд отечественной чистой, “зеленой” продукции»⁵.

Основной документ стратегического планирования в сфере обеспечения продовольственной безопасности — Доктрина продовольственной безопасности 2020 г.⁶ В ней сформулированы национальные интересы российского государства, в том числе развитие производства

сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, соответствующих экологическим, санитарно-эпидемиологическим, ветеринарным требованиям.

Производство экологически чистой сельскохозяйственной продукции при минимальном воздействии на окружающую среду требует пересмотра организации сельскохозяйственной деятельности в части экологического состояния используемых природных ресурсов, технологий, удобрений и т.д.

В сельском хозяйстве России в настоящее время можно видеть переход от модели экспорта первичной сельскохозяйственной продукции к модели ее глубокой переработки, технологическому обновлению сельского хозяйства, использованию низкоуглеродных технологий. Это должно обеспечить повышение конкурентоспособности и устойчивости российской сельскохозяйственной продукции. Это возможно путем реализации ряда задач, таких как создание высокотехнологичных производств; повышение производительности труда путем цифровизации, использования технологий искусственного интеллекта, создания высокотехнологичных рабочих мест; интенсивное технологическое обновление сельского хозяйства; преодоление критической зависимости от импорта в области племенного дела, селекции, семеноводства и аквакультуры (рыбоводства); укрепление единства экономического пространства РФ, развитие кооперации и хозяйственных связей между субъектами Федерации; сокращение дифференциации субъектов РФ по уровню и темпам социально-экономического развития, качеству жизни, стимулирование развития экономического потенциала регионов, укрепление их бюджетной обеспеченности; обеспечение социально-экономического развития малых и средних городов, сельских территорий; совершенствование механизмов взаимодействия государства и бизнеса, содействие развитию малого и среднего предпринимательства.

³ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

⁴ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 03.12.2015 // Российская газета. 2015. 4 декабря.

⁵ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019 // Российская газета. 2018. 21 февраля.

Реализация этих стратегических задач обуславливает необходимость модернизации системы управления сельским хозяйством, основанной на управлении климатическими, агроэкологическими, ветеринарными, техногенными, экономическими, социальными и внешнеполитическими рисками. Следовательно, необходим инновационный путь развития сельского хозяйства и переход к модели эколого-ориентированного устойчивого сельского хозяйства.

Правительство РФ 14 июля 2021 г. определило несколько направлений устойчивого (в том числе и «зеленого») экономического развития⁷. Сельское хозяйство — одно из них, поэтому при осуществлении сельскохозяйственной деятельности необходим учет таких целей, как сохранение, охрана или улучшение состояния окружающей среды; снижение выбросов и сбросов загрязняющих веществ или предотвращение их влияния на окружающую среду; сокращение выбросов парниковых газов; энергосбережение и повышение эффективности использования ресурсов.

29 октября 2021 г. Правительство РФ утвердило Стратегию социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года⁸. Данный документ стратегического планирования направлен и на дальнейшее развитие отрасли сельского хозяйства.

Предусмотрены два сценария развития российской экономики: инерционный и целевой (интенсивный).

В инерционном сценарии доля традиционных отраслей экономики, в том числе сельского хозяйства, в структуре валового внутреннего продукта к 2050 г. снизится на 4,9 процентных пункта по сравнению с 2020 г. за счет снижения добычи полезных ископаемых.

Целевой (интенсивный) сценарий предусматривает обеспечение глобальной конкурентоспособности и устойчивого экономического роста РФ в условиях глобального энергоперехода. Реализация данного сценария в сфере сельскохозяйственной деятельности требует внедрения ряда механизмов, в том числе распространения применения медленно действующих минеральных удобрений и удобрений с ингибиторами процессов нитрификации, соблюдения норм и сроков внесения удобрений в почву, изменение способов внесения удобрений; дифференцированного внесения на возделываемых землях агрохимикатов, развития «точного» земледелия (использование наилучших доступных технологий в сельском хозяйстве), применения дистанционного зондирования Земли для наблюдения за состоянием почв и мониторинга посевов; использование прогрессивных агрономических методов (регенеративных технологий), повышающих урожайность и способствующих более интенсивному поглощению остаточного углерода; противоэрозионные и полезащитные мероприятия; повышения продуктивности сельскохозяйственных животных; развития направленной селекции; производства биотоплива в животноводстве и растениеводстве, внедрение биогазовых комплексов в целях утилизации органических отходов; обеспечения накопления углерода в почвах сельскохозяйственных земель. Это требует применения инновационных способов ведения сельского хозяйства, в том числе и на основе цифровых технологий.

Вопросы цифровизации агропромышленного комплекса должны иметь приоритетное значение, так как от уровня развития сельского хозяйства зависит продовольственная безопасность и суверенитет государства⁹. В России с 2019 г.

⁶ Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.01.2020).

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 14.07.2021 № 1912-р «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 30. Ст. 5814.

⁸ Распоряжение Правительства РФ от 29.10.2021 № 3052-р «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года» // URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.11.2021).

⁹ См.: *Попова О. В.* Проблемы правового регулирования цифровизации в агропромышленном комплексе // Аграрное и земельное право. 2018. № 9. С. 96.

реализуется ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство»¹⁰. Планируется «внедрение цифровых технологий в целях технологического прорыва в АПК путем повышения производительности труда в 2 раза в 2024 г.». Это требует создания и развития национальной платформы цифрового государственного управления сельским хозяйством «Цифровое сельское хозяйство», модуля «Агрорешения», отраслевой электронной образовательной среды «Земля знаний»¹¹.

Цифровизация сельского хозяйства, в том числе и как инструмент адаптации сельского хозяйства к климатическим изменениям, предусмотрена и в Индии. В этой стране сельское хозяйство играет важную роль, поскольку в АПК работает более 50 % населения. Отмечается, что основными отраслями сельского хозяйства являются мясомолочное животноводство, птицеводство, выращивание фруктов и овощей, зерновых культур, специй, чайного и табачного листов, кофейных зерен, различных сортов орехов, сахарного тростника, производство морепродуктов, рыболовство и др.¹² Вместе с тем в этой стране остро стоят проблемы обеспечения продовольственной и экологической безопасности. Основные экологические проблемы: недостаток воды, деградация почв, загрязнение окружающей среды биологическими и химическими веществами, выбросы углекислого газа. Отмечается, что основное противоречие Индии — при необходимости увеличения производства продовольствия одновременно тре-

буется снижение негативного воздействия на окружающую среду¹³.

В Индии процессы цифровизации сельского хозяйства обусловили необходимость повышения образовательного уровня и квалификации крестьян. Это стратегическая задача развития сельского хозяйства Индии. Активно государство участвует и в организации и финансировании научных исследований природных ресурсов, используемых в сельском хозяйстве. В частности, «на основе дистанционного зондирования ведется крупномасштабное картирование земель; совершенствуется система оценки хозяйственного воздействия на окружающую среду, изучается воздействие потепления климата на сельское хозяйство»¹⁴. Применяются системы геопозиционирования, электронная база учета производственных показателей домашних животных, самоходная сельскохозяйственная техника без машиниста при использовании системы точного земледелия, отслеживание сельскохозяйственной продукции по принципу «от поля до стола», формируется национальная платформа мониторинга сельскохозяйственных культур¹⁵. Используемые цифровые технологии увеличили производительность труда, но кардинально показатели продовольственной безопасности в Индии пока не улучшили: по-прежнему более половины индийского населения испытывает дефицит сельскохозяйственной продукции. Вместе с тем, по прогнозам ФАО, через три — пять лет Индия станет крупнейшим производителем молока и пшеницы в Азиат-

¹⁰ Ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство»: официальное издание. М.: ФГБНУ «Росинформ-агротех», 2019. 48 с.

¹¹ См.: Воронина Н. П. Правовое обеспечение цифровизации сельского хозяйства // Право и цифровая экономика. 2021. № 3. С. 22.

¹² См.: Сальникова О. В., Рожкова Л. В. Основные направления развития агропромышленного комплекса стран БРИКС // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2020. № 4 (56). С. 162.

¹³ См.: Дерюгина И. В. Цель сельского хозяйства Индии — экспортная ориентация: 25 лет экономической реформы (1991–2016) // Восток (Oriens). 2018. № 5. С. 165.

¹⁴ Сдасюк Г. В. Индия: обострение природно-экологических проблем и изменение сельскохозяйственной политики // Труды Института востоковедения РАН. 2018. № 2. С. 255.

¹⁵ См.: Меденников В. И., Райков А. Н. Анализ опыта цифровой трансформации в мире для сельского хозяйства России // Тенденции развития Интернет и цифровой экономики. Труды III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2020. С. 59.

ско-Тихоокеанском регионе¹⁶. На повестке дня и смягчение последствий изменения климата для экономики Индии, поэтому в 2021 г. индийский премьер-министр объявил нынешнее десятилетие «десятилетием борьбы с изменением климата»¹⁷.

В РФ также актуальной задачей является определение механизма адаптации экономики к климатическим изменениям. Постановлением Правительства РФ от 08.02.2022 № 133 утверждена Федеральная научно-техническая программа в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений на 2021–2030-е гг.¹⁸ Одно из ее направлений — адаптация природных систем, населения и отраслей экономики к изменениям климата. Необходимы системные адаптационные меры с учетом региональной и отраслевой специфики. Это позволит обеспечить экологическое и климатическое обслуживание отраслей экономики, в том числе и сельского хозяйства; оптимизацию климатически обусловленных решений в части стратегического планирования адаптации к климатическим изменениям различных отраслей экономики, включая сельское хозяйство; выработку решений в части стратегического планирования и безопасности сельского хозяйства на территориях распространения многолетней мерзлоты; разработку рекомендаций по принятию решений в инвестиционной политике и эффективный учет социальных рисков и возможностей.

В сфере сельского хозяйства определение комплекса адаптационных мер возложено на Министерство сельского хозяйства РФ (Минсельхоз России) и Федеральное агентство по рыболовству (Росрыболовство). Минсельхоз

России разрабатывает мероприятия по управлению почвенными и водными ресурсами, применению сберегающих технологий, внедрению новых районированных сортов сельскохозяйственных культур. Во исполнение распоряжения Правительства РФ от 25.12.2019 № 3183-р «Об утверждении национального плана мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата на период до 2022 года»¹⁹ Минсельхоз России 30 декабря 2021 г. утвердил отраслевой план адаптации к изменениям климата в сфере агропромышленного комплекса в области рыболовства на период до 2022 г.²⁰

Вместе с тем нельзя не отметить и определенную разрозненность положений документов стратегического планирования в сфере адаптации сельского хозяйства к климатическим изменениям и переходу к устойчивому («зеленому») сельскому хозяйству. Необходим единый отраслевой документ стратегического планирования в сфере устойчивого («зеленого») развития сельского хозяйства.

Важная роль в адаптации сельского хозяйства к климатическим изменениям возложена на производство органической продукции.

В 2017 г. Международный комитет по развитию органического сельского хозяйства (IFOAM) принял решение о переходе на новый этап развития Organic 3.0, производство которой должно ориентироваться на решение таких глобальных проблем, как смягчение негативных последствий изменения климата, сохранения биоразнообразия, борьба с голодом²¹.

Основной принцип органического сельского хозяйства — производство и оборот органической продукции без причинения вреда здоровью людей и нарушения состояния окружающей

¹⁶ См.: Мединников В. И., Райков А. Н. Указ. соч. С. 165.

¹⁷ URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11219725?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 01.03.2022).

¹⁸ Постановление Правительства РФ от 08.02.2022 № 133 «Об утверждении Федеральной научно-технической программы в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений на 2021–2030-е годы» // СЗ РФ. 2022. № 8. Ст. 1151.

¹⁹ СЗ РФ. 2020. № 1 (ч. II). Ст. 115.

²⁰ Распоряжение Министерства сельского хозяйства РФ от 30.12.2021 № 716-р «Об утверждении отраслевого плана адаптации к изменениям климата в сфере агропромышленного комплекса, в области рыболовства на период до 2022 года» // СПС «КонсультантПлюс».

среды²². Производство органической продукции требует применения научно обоснованной системы севооборота, использования органических удобрений и минеральных удобрений натурального типа.

Развитие правового регулирования производства органической продукции в России осуществлялось постепенно. На первоначальном этапе были приняты лишь государственные стандарты по производству, хранению и транспортировке органической продукции, сертификации и маркировке. Их подзаконный уровень и фрагментарный характер не позволили обеспечить комплексное правовое регулирование производства и оборота органической продукции²³. Эти факторы обусловили принятие Федерального закона от 03.08.2018 № 280-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²⁴. Вместе с тем по-прежнему остается ряд нерешенных вопросов: объединение общими правовыми требованиями всех стадий оборота органической продукции без учета их особенностей; отсутствие указания на применение указанного Закона к продукции пчеловодства; определение органического сельского хозяйства без указания на применение инновационных технологий, современные научно-технические разработки, сохранение биоразнообразия (основной недостаток этого определения — отсутствие указания на системный характер органического сельского хозяйства); отсылочный характер норм о сертификации органической продукции и т.д.²⁵

Производство органической сельскохозяйственной продукции требует применения органических удобрений, в частности побочных продуктов животноводства.

3 марта 2022 г. в Государственную Думу ФС РФ внесен законопроект № 79874-8 «О побочных продуктах животноводства и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²⁶.

Как отмечается в пояснительной записке, производители сельскохозяйственной продукции сталкиваются с проблемой неоднозначного толкования законодательства об отходах производства и потребления применительно к побочным продуктам животноводства. Контрольно-надзорные органы трактуют побочные продукты животноводства как отходы. Между тем в большинстве зарубежных стран, например в ЕС, обращение с навозом и пометом исключено из сферы законодательства об отходах, если они используются сельскохозяйственными организациями в производстве собственной продукции. Предполагается, что в случае принятия этого законопроекта побочные продукты животноводства будут исключены как из сферы действия законодательства об отходах, так и законодательства о безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами. Полагаем, что принятие данного закона окажет положительное влияние как на развитие органического сельского хозяйства, так и производства сельскохозяйственной продукции с улучшенными характеристиками.

В отличие от органической продукции, сельскохозяйственная продукция с улучшенными

²¹ См.: Занилов А. Х., Мелентьева О. С., Накаряков А. М. Научно-методические рекомендации для сельскохозяйственных консультантов «Организация органического сельскохозяйственного производства в России» // URL: <https://soz.bio/organizaciya-organicheskogo-selskohozyajstvennogo-proizvodstva-v-Rossii/> (дата обращения: 20.05.2021).

²² См.: Воронин Б. А. К вопросу о правовом регулировании развития рынка органической сельскохозяйственной продукции в Российской Федерации // Аграрный вестник Урала. 2013. № 9. С. 80–83.

²³ См.: Воронина Н. П. Производство и экспорт органической продукции как стратегическая задача российского государства // Аграрное и земельное право. 2019. № 6. С. 35.

²⁴ Российская газета. 2018. 6 августа.

²⁵ См.: Воронина Н. П. Производство и экспорт органической продукции как стратегическая задача российского государства // Аграрное и земельное право. 2019. № 6. С. 34–36.

²⁶ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/79874-8> (дата обращения: 19.03.2022).

характеристиками — это продукция и сырье, качественные и потребительские характеристики которых соответствуют требованиям действующего законодательства о сельскохозяйственной продукции с улучшенными характеристиками.

11 июня 2021 г. был принят Федеральный закон № 159-ФЗ «О сельскохозяйственной продукции, сырье и продовольствии с улучшенными характеристиками»²⁷. Он направлен на обеспечение производства сельскохозяйственной продукции с улучшенными характеристиками, т.е. экологически, биологически, генетически безопасной сельскохозяйственной продукции. Этот Закон предусматривает, что необходимо использовать при производстве сельскохозяйственной продукции с улучшенными характеристиками сельскохозяйственное сырье с улучшенными характеристиками, применять технологии, отвечающие экологическим, санитарно-эпидемиологическим и ветеринарным требованиям, использовать повторно перерабатываемую и биоразлагаемую тару и упаковку.

Полагаем, что производство органической продукции и продукции с улучшенными характеристиками внесет определенный вклад в процесс снижения негативного воздействия сельскохозяйственной деятельности на окружающую среду.

В Индии производство органической продукции также признано стратегической задачей национального уровня. Правовую основу органического сельского хозяйства составляет Национальная программа по органическому производству. Кроме того, определены направления государственной политики Индии в сфере органического производства. Как и в России, основными направлениями государственной политики в сфере органического сельского хозяйства являются определение стандартов производства органической продукции и ее сертификация. Кроме того, разработаны государственные программы по обучению и повышению квалификации для товаропроизводителей органической продукции и организаций,

осуществляющих сертификацию органической продукции²⁸.

Таким образом, опыт России и Индии в построении модели устойчивого («зеленого») сельского хозяйства позволяют сделать выводы об относительной общности экологических проблем и инструментов адаптации сельского хозяйства к климатическим изменениям. Можно видеть и определенный антагонизм между продовольственной и экологической безопасностью. И Россия, и Индия стремятся как к продовольственной независимости, так и потенциальному экспорту своей сельскохозяйственной продукции. Повышение объемов производства сельскохозяйственной продукции обуславливает увеличение негативного воздействия на окружающую среду, что в условиях климатических и иных негативных экологических изменений приводит к обострению экологических проблем. Поэтому стратегической задачей любого государства является определение баланса между экономическими, экологическими и социальными интересами. Выход видится в применении инновационных методов ведения сельского хозяйства на основе цифровизации, а также производстве органической продукции, что позволяет снизить антропогенную нагрузку на окружающую среду. Это требует модернизации законодательства в сфере сельского хозяйства, а также определения стратегических направлений экологического и продовольственного развития государств. Эти изменения должны осуществляться на основе концептуальной модели правового регулирования устойчивого («зеленого») сельского хозяйства, которая с внутренней стороны представляет систему существенных признаков и характеристик правового воздействия на общественные отношения по производству сельскохозяйственной продукции, осуществляемого как с применением инновационных способов ведения сельского хозяйства, так и традиционными способами при соблюдении экологических, санитарно-эпидемиологических и иных требований, направленных на

²⁷ Российская газета. 2021. 17 июня.

²⁸ См.: Таран В. В., Соколова Ж. Е. Институциональный фактор развития мирового рынка органической продукции // Экономика и предпринимательство. 2017. № 11. С. 59–60.

обеспечение продовольственной, экологической, биологической, климатической безопасности, а с внешней стороны — это совокупность нормативных правовых актов и правовых норм,

направленных на обеспечение продовольственной, экологической, биологической, климатической безопасности при осуществлении сельскохозяйственной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Воронин Б. А. К вопросу о правовом регулировании развития рынка органической сельскохозяйственной продукции в Российской Федерации // *Аграрный вестник Урала*. — 2013. — № 9. — С. 80–83.
2. Воронина Н. П. Правовое обеспечение цифровизации сельского хозяйства // *Право и цифровая экономика*. — 2021. — № 3. — С. 20–26.
3. Воронина Н. П. Производство и экспорт органической продукции как стратегическая задача российского государства // *Аграрное и земельное право*. — 2019. — № 6. — С. 34–38.
4. Дерюгина И. В. Цель сельского хозяйства Индии — экспортная ориентация: 25 лет экономической реформы (1991–2016) // *Восток (Oriens)*. — 2018. — № 5. — С. 154–166.
5. Занилов А. Х., Мелентьева О. С., Накаряков А. М. Научно-методические рекомендации для сельскохозяйственных консультантов «Организация органического сельскохозяйственного производства в России» // URL: <https://soz.bio/organizaciya-organicheskogo-selskohozyajstvennogo-proizvodstva-v-Rossii/> (дата обращения: 20.05.2021).
6. Меденников В. И., Райков А. Н. Анализ опыта цифровой трансформации в мире для сельского хозяйства России // *Тенденции развития Интернета и цифровой экономики : труды III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*. — Симферополь, 2020. — С. 57–62.
7. Попова О. В. Проблемы правового регулирования цифровизации в агропромышленном комплексе // *Аграрное и земельное право*. — 2018. — № 9. — С. 96–102.
8. Сальникова О. В., Рожкова Л. В. Основные направления развития агропромышленного комплекса стран БРИКС // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. — 2020. — № 4 (56). — С. 159–168.
9. Сдасюк Г. В. Индия: обострение природно-экологических проблем и изменение сельскохозяйственной политики // *Труды Института востоковедения РАН*. — 2018. — № 2. — С. 242–256.
10. Таран В. В., Соколова Ж. Е. Институциональный фактор развития мирового рынка органической продукции // *Экономика и предпринимательство*. — 2017. — № 11. — С. 50–61.

Материал поступил в редакцию 17 апреля 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Voronin B. A. K voprosu o pravovom regulirovanii razvitiya rynka organicheskoy selskohozyajstvennoj produkcii v Rossijskoj Federacii // *Agrarnyj vestnik Urala*. — 2013. — № 9. — S. 80–83.
2. Voronina N. P. Pravovoe obespechenie cifrovizacii selskogo hozyajstva // *Pravo i cifrovaya ekonomika*. — 2021. — № 3. — S. 20–26.
3. Voronina N. P. Proizvodstvo i eksport organicheskoy produkcii kak strategicheskaya zadacha rossijskogo gosudarstva // *Agrarnoe i zemelnoe pravo*. — 2019. — № 6. — S. 34–38.
4. Deryugina I. V. Cel selskogo hozyajstva Indii — eksportnaya orientaciya: 25 let ekonomicheskoy reformy (1991–2016) // *Vostok (Oriens)*. — 2018. — № 5. — S. 154–166.
5. Zanilov A. H., Melenteva O. S., Nakaryakov A. M. Nauchno-metodicheskie rekomendacii dlya selskohozyajstvennyh konsultantov «Organizaciya organicheskogo selskohozyajstvennogo proizvodstva v

- Rossii» // URL: <https://soz.bio/organizaciya-organicheskogo-selskohozyajstvennogo-proizvodstva-v-Rossii/> (data obrashcheniya: 20.05.2021).
6. Medennikov V. I., Rajkov A. N. Analiz opyta cifrovoj transformacii v mire dlya selskogo hozyajstva Rossii // Tendencii razvitiya Internet i cifrovoj ekonomiki: trudy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii c mezhdunarodnym uchastiem. — Simferopol, 2020. — S. 57–62.
  7. Popova O. V. Problemy pravovogo regulirovaniya cifrovizacii v agropromyshlennom komplekse // Agrarnoe i zemelnoe pravo. — 2018. — № 9. — S. 96–102.
  8. Salnikova O. V., Rozhkova L. V. Osnovnye napravleniya razvitiya agropromyshlennogo kompleksa stran BRIKS // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki. — 2020. — № 1 (56). — S. 159–168.
  9. Sdasyuk G. V. Indiya: obostrenie prirodno-ekologicheskikh problem i izmenenie selskohozyajstvennoj politiki // Trudy Instituta vostokovedeniya RAN. — 2018. — № 2. — S. 242–256.
  10. Taran V. V., Sokolova Zh. E. Institucionalnyj faktor razvitiya mirovogo rynka organicheskoy produkcii // Ekonomika i predprinimatelstvo. — 2017. — № 11. — S. 50–61.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

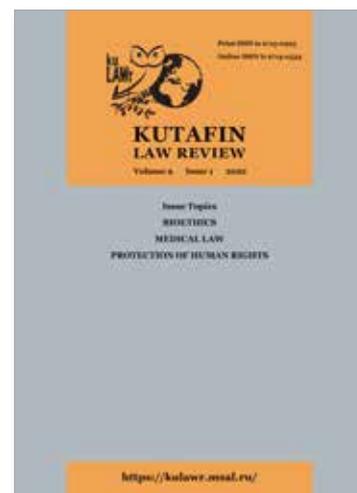
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 17 № 7 (140) июль 2022

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471

9 771994 147002